

Почти как в Мексике

Елена Кралькина

16+

Елена Александровна Кралькина

Почти как в Мексике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66664370

SelfPub; 2023

Аннотация

Зуев давно уехал, а Максим все сидел на лавочке у подъезда, размышлял. Откровенно говоря, серьезными доводы Зуева о том, что его мать была убита, а не погибла случайно в ДТП, Максиму не показались. Все изложенные Зуевым факты могли быть простым совпадением... а могли и не быть. Навскидку Максим оценил вероятность того, что Зуев прав, где-то процентов в двадцать. Много это или мало? Пожалуй, если речь идет о причинах гибели твоей матери, это много. Свою маму Максим любил и в детстве сильно тосковал по ней. Видимо, действительно Максиму придется со всем этим разбираться. Тем более, что опасность может грозить Веронике, девушке, которую он любил в детстве.

Содержание

1	6
2	11
3	19
4	28
5	33
6	40
7	45
8	48
9	51
10	56
11	58
12	62
13	67
14	70
15	74
16	77
17	82
18	88
19	93
20	102
21	113
22	120
23	124

24	128
25	130
26	136
27	142
28	147
29	151
30	155
31	160
32	162
33	165
34	168
35	171
36	174
37	177
38	182
39	189
40	191
41	193
42	196
43	206
44	218

Елена Кралькина

Почти как в Мексике

Однажды вы сделаете для меня все, что ненавидите. Вот что значит быть семейством.

Джонатан Сафран Фоер

1

Петр Константинович Потапов поставил точку, распечатал текст, положил его в конверт и запечатал. Потом переписал текст на флешку и удалил его с компьютера. Теперь все. Завтра утром придет приемная дочь Вероника, любимая Никуша. Петр Константинович улыбнулся – хоть в чем-то в жизни повезло. Он передаст конверт и флешку дочери, она сделает все так, как он ее попросит. Сделает, даже если его уже не будет в живых.

Откуда взялись мысли, вернее, уверенность в том, что он скоро уйдет в мир иной, Петр Константинович не знал. Всю жизнь был материалистом, а теперь, на старости лет, записался в прорицатели. Откуда такие мысли? Почему? Эти вопросы казались Петру Константиновичу совершенно неуместными. Знает он, просто знает, и все тут. До завтрашнего вечера Петр Константинович дотянет, это он тоже знает, а потом... Как Бог даст. Послезавтра из Америки должен прилететь лучший друг Гришка. Сколько же лет они не виделись? Не меньше десяти, никак не меньше. Хорошо бы дожить до его приезда! Им с Гришкой уже много лет, жизнь прожита, прошлое давно ушло. Пора, наконец, поговорить откровенно и прояснить некоторые сокровенные детали их жизни. Тем более, что прошлое может вмешаться в жизнь их детей Никуши и Максима.

Почему Потапов прожил свою жизнь так нелепо? Каверзный, нелицеприятный вопрос, но, хочешь не хочешь, перед лицом вечности на него надо отвечать. Почему вся жизнь у Петра Константиновича прошла как у чеховского Сорина: «...хотел жениться – и не женился; хотел всегда жить в городе – и вот кончаю свою жизнь в деревне...» Почему? Да потому, что он всю жизнь стоял в стороне и не ввязывался в драку, хотел быть незаметным и никому не причинять неудобства. До недавнего времени Петру Константиновичу казалось, что это совершенно правильно. А вот сейчас, оглядываясь на прожитую жизнь, он сильно подозревал, что за всеми этими мерехлюндиями «не причинять неудобств» пряталась банальная трусость. С самим собой-то надо быть честным.

Всю свою сознательную жизнь Петр Константинович любил Катю. Уже около двадцати лет ее нет в живых, но забыть ее Потапов так и не сумел. Все самое светлое в жизни у Петра Константиновича связано с ней, с Катей. Еще с Никушей и Максимом, конечно, но дети – это другое. Катю он любил, как женщину. Сходил с ума, мечтал, ложился спать и просыпался с одной мыслью о ней. Почему Катя не стала его женой? Очень просто, сначала у него не хватило смелости начать за ней ухаживать: стеснялся, краснел и бледнел при встречах. Потом у него не хватило нахальства отбить ее у лучшего друга Гришки, причем даже тогда, когда он узнал, что она несчастна с Гришкой и любит его, Петю. Свой самый

большой грех в жизни Потапов совершил тогда, когда не настоял, чтобы Катя после той, их единственной и неповторимой ночи, ушла от Гришки к нему. Вот она трусость во всем блеске: боялся выглядеть предателем в глазах друга, не хотел скандалов и разбирательств. Что греха таить, вздохнул с облегчением, когда узнал, что Катя забеременела и родила сына Максима Григорьевича.

Петр Константинович тогда сильно согрешил, и Бог наказал его: он ослепил его разум и не подал знака, что Максим на самом деле его сын. Катя промолчала. Наверное, не хотела навязываться... Прозрение пришло только этой зимой. Петр Константинович шел по улице и вдруг увидел впереди силуэт своего отца. Что-то неуловимое в походке, в том, как мужчина поворачивал голову, заставило сердце Потапова биться быстрее. Он догнал мужчину и с удивлением узнал Максима, сына Кати и Гришки. Как такое могло быть? После гибели Кати Максим жил в семье бабушки и дедушки в соседней квартире, на одной лестничной площадке с Петром Константиновичем. В детстве Максим часто заходил в квартиру к Потаповым поиграть с Никушей, позже стал частым гостем самого Петра Константиновича. Уже много лет два-три раза в неделю они с Максимом разыгрывают пару партий в шахматы, естественно, обсуждают политику, жизненные перипетии, работу, и, что удивительно, как правило, сходятся во мнениях. И это несмотря на разницу в возрасте. Как такое могло случиться, что Петру Константиновичу за

все эти годы ни разу не пришло в голову, что Максим на самом деле его сын?

Зимой, придя домой, Петр Константинович сразу достал альбом с фотографиями. Вот фотография отца, а вот фотография, где они в молодости вдвоем с Гришкой. Все же очевидно! У Максима нет ничего общего с Гришкой. Гришка – улыбчивый толстячок, а Максим – копия отца Потапова – долговязый, немного сутулый мужчина без грамма лишнего веса. Так же серьезно смотрит из-под бровей. Перед Петром Константиновичем во весь рост встал вопрос: «Что делать?» Объясниться с Максимом или нет? Храбрости у Потапова на объяснение не хватило. Ограничился тем, что стянул у Максима зубную щетку и отдал на генетическую экспертизу. Результат не оставил сомнений, правда, к тому времени их у Петра Константиновича и без экспертизы не осталось.

Объясниться с Максимом Петр Константинович не смог, но и оставить его в неведении тоже было неправильно. Потапов решил написать сыну и рассказать, кем была для него его мать и как он жалеет о том, что не сделал того, что должен был сделать. На прощение сына он не рассчитывал. Каждому должно воздаться за его грехи по справедливости.

Неделю назад к Петру Константиновичу приходил Игорь Зуев, человек из прошлого. Игоря Потапов не любил. Слишком скользкий, циничный нахал. Такие, как он, всюду лезут без очереди, глупостями, что могут помешать другим, не заморачиваются. Игорь огорошил Петра Константиновича со-

общением, что он биологический отец Никуши. Более того, он утверждал, что Катю и Ирину, бывшую жену Потапова и мать Никуши, убили. Пришел якобы потому, что боится за Никушу и Максима. То, что Максим – сын Петра, Игорь откуда-то знал.

Петр Константинович сразу позвонил Гришке и настоятельно попросил срочно приехать. Гришка отнесся к словам Игоря очень серьезно и посоветовал вызвать Никушу в Москву. К несчастью, Максим только-только уехал в Питер на конференцию.

2

Вероника в очередной раз посмотрела на часы. Время поджимает, поезд ждать не будет. Все вещи собраны, сто раз проверено, лежат ли в сумке паспорт, банковские карты и ключи. Все на месте, можно ехать, только проклятый кот куда-то запропастился. Не просто убежал, а спрятался, почуял, вражья сила, что придется куковать в переноске. Кота Вероника взяла на передержку, выручила подружку Наташку. Вероника клятвенно пообещала Наташкиным детям, Сане и Людочке, что будет сдувать с Мурзика пылинки все время, пока они будут загорать в Турции, и честно собиралась выполнить обещание. Только, как водится, судьба приготовила им с котом испытание. Позвонил отец и попросил срочно приехать к нему в Москву. Бросить кота на произвол судьбы, т.е. оставить на попечение соседа дяди Леша, Веронике не позволила совесть. Дядя Леша – человек хороший и художник отличный, только..., правильно, злоупотребляет и сто пудов должного ухода Мурзику обеспечить не сможет. Вероника решила взять кота с собой в Москву. Папа даже обрадовался, что у него будет четвероногий хвостатый гость. До последнего момента все складывалось удачно, и вот теперь, перед самым отъездом, кот пропал. Вероника пошла на крайнюю меру – достала сметану и положила коту в миску. Послышался шорох, и негодяй мгновенно материализовался

в непосредственной близости от лакомства. Девушка не растерялась и, несмотря на вопли кота, схватила его и затолкала в переноску.

У Вероники был грех: она всегда находила повод для беспокойства, поэтому всю дорогу на вокзал нервничала, переживала, сначала, что опоздает, а потом, что кот будет орать в поезде, и ее высадят на ближайшей станции. Удивительно, но в поезде кот присмирел и заснул. Неужели так перестук колес подействовал? Вероника расслабилась. За окном мелькали деревья, полянки, речушки, деревеньки. Особенно Веронике нравилось, когда поезд проезжал мимо леса. Солнце так красиво освещало причудливые ветки деревьев. Почему-то Веронике казалось, что в архитектуре сосновых веток есть что-то восточное, изысканное. Березы тоже были очень красивыми. Только-только начался июнь. Листва была еще совсем молодой, изумрудной. На полянках цвели лютики. Лепота! В такие дни хочется жить, сердце замирает в ожидании умопомрачительного счастья, которое ждет не дождется за поворотом... Вероника осадила себя. Девушка любила и хорошо знала поэзию. Она напредила себе строки Тютчева:

И что ж от долгого мученья
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

Четверостишье, как будто, было написано про нее, Веронику. Солнечные дни, счастье – это не для нее. Почему так ужасно сложилась ее жизнь? С самого детства Веронику никто не любил. То, что ее не любит мать, девочка поняла очень рано. Вероника старалась, очень старалась вести себя так, чтобы мать могла ею гордиться. Она надеялась, очень надеялась, что мать полюбит дочку, но все усилия Вероники оказались тщетными. Сейчас, будучи уже взрослой женщиной, Вероника понимает, что мать родила ее исключительно, чтобы заставить любовника на ней жениться. Но, как говорится, не прокатило! При таком раскладе Вероника превратилась в тяжелую обузу, о чем мать не уставала ей напоминать. Несколько раз Вероника пыталась представить себе, как сложилась бы ее жизнь, если бы ее биологический папаша, Игорь Валерьевич Зуев, все-таки женился на матери. При любом раскладе получалось, что это вообще был бы конец света. Мамочка, роди меня обратно. Отказ жениться на Ирине, матери Вероники, не мешал Игорю Валерьевичу систематически посещать любовницу. Дочку он в лучшем случае не замечал, в худшем дразнил: по имени практически никогда не называл, обзывал Плаксой. Это Веронике было очень обидно: она прилагала титанические усилия, чтобы в присутствии материного друга не плакать. Про себя она звала его Тараканище и мечтала, чтобы, как в сказке Чуковского, прилетел воробей и склевал Игоря Валерьевича. Наверное, в детстве Вероника была жестокосердной, но, что поде-

лаешь, из песни слов не выкинешь. Все же иногда в жизни маленькой Вероники проглядывало солнце. Случалось, мать отвозила ее на выходные к своей коллеге, тете Кате Веселовой, у которой был сын Максим. С мальчиком у Вероники был полный консенсус. Максим, конечно, бывало, задавался и даже пытался командовать девочкой. Как же иначе, Максим был мальчишкой, да еще на целых два года старше. Вероника с лидерством своего друга была категорически не согласна. Она старалась ни в чем ему не уступать и принимала участие во всех его делах: лазила на крышу сарая и один раз даже взяла в руки лягушку. Максим это оценил.

В семье у Веселовых Веронике было очень весело и интересно. Дядя Гриша, папа Максима, всегда рассказывал что-нибудь смешное и частенько принимал живое участие в ребячьих шалостях. Удивительно, но тетя Катя никогда ребят не ругала, только смеялась, когда они шкодили. Частенько к Веселовым приезжали их друзья и коллеги: Петр Константинович и Вера Иосифовна. Обычно дядя Гриша с Верой Иосифовной уходили гулять, а Петр Константинович читал ребятам книжки и рассказывал удивительные истории. Веронике очень нравились истории про подвиги Геракла, а Максим предпочитал рассказы о древних войнах и планетах Солнечной системы. Он знал все их названия, а Вероника никак не могла запомнить, как называются спутники Марса. Это было очень досадно.

Все счастье кончилось в один день, когда тетя Катя погиб-

ла. Произошел трагический несчастный случай: тетю Катю кто-то толкнул, она упала и попала под машину. Максима в приказном порядке забрала к себе бабушка, хотя он был вообще не против остаться жить вдвоем с отцом. Если бы Максим остался с отцом, у Вероники была бы еще надежда бывать у Веселовых, а так... Бабушка у Максима была дамой с характером, еще бы – народная артистка и жена главного инженера большого оборонного предприятия. Подкинуть ей на выходные Веронику Ирине было не по чину. Увидеться с Максимом Веронике удалось только на дне его рождения. Вот это была сказка. В огромной квартире, где теперь жил Максим, был настоящий рояль, и бабушка Максима, Степанида Кузьминична, на нем играла и потрясающе пела. Вероника не заметила, как стала подпевать. Бабушка Максима это услышала и заявила, что у нее хороший слух – надо учиться музыке. Степанида Кузьминична сказала это не только Веронике, но и Ирине, которая сопровождала дочь. Ирина сделала вид, что не слышит, но Степанида не привыкла к тому, что ее не слышат. Успокоилась только тогда, когда Ирина дала клятвенное обещание, что отведет дочку в музыкальную школу. Вероника была на седьмом небе.

И это еще не все сюрпризы, которые преподнес ей вечер. Оказывается, теперь Максим жил на одной лестничной площадке с Петром Константиновичем и Верой Иосифовной. Они были просто соседи, а не муж и жена, как раньше думала Вероника. У Петра Константиновича дома было огромное

количество книг и потрясающая модель парусного корабля. Вероника просто глаз от него оторвать не могла. Петр Константинович перечислил названия всех мачт. Максим названия уже знал и показал Веронике бушприт. Она тогда дала себе честное слово, что завтра же возьмет книгу в библиотеке и выучит все про корабли еще лучше Максима!

На дне рождения Максима среди гостей был и Игорь Валерьевич. Оказывается, он работал помощником дедушки Максима. На Веронику он в гостях даже не посмотрел, но домой их с матерью подвез на своей шикарной машине. Дома Веронику сразу положили спать, она задремала, но быстро проснулась от громких криков матери, которая ссорилась с любовником. Игорь Валерьевич не уступал матери и тоже громко на нее орал.

– Даже думать забудь об этих глупостях! Хочешь так же, как Катька, на тот свет отъехать? Хоть бы раз о Плаксе подумала! Куда она без тебя – в детский дом? – Вероника вся сжалась, неужели мать может умереть, как тетя Катя, и тогда ее отдадут в детский дом? Как тогда жить?

– Ты что, совсем сволочь, если сдохну, неужели о девчонке не позаботишься, все-таки родной отец?

– Я тебе сто раз говорил, на языке мозоль заработал, что на данном этапе вы с Плаксой в мою жизнь не вписываетесь. Помрешь – Плакса, как миленькая, в детский дом поедет, я пальцем не пошевелю. Мне свою жизнь устраивать надо. Я как Петька с Гришкой с серебряной ложкой во рту не родил-

ся, мне самому крутиться нужно, чтобы в люди выйти.

– Сволочь! И как же ты собираешься в люди выходить? С твоим-то свиным рылом и в калашный ряд намылился!

– Намылился и, прошу не беспокоиться, прорвусь. С рылом-то у меня как раз проблем нет. Девки вокруг табунами ходят, бери – не хочу. Ты – яркий пример. Грех не использовать, что Бог дал. Я жениться решил на хорошем тесте с деньгами. Уже нашел кандидата, он обещал мне с бизнесом поспособствовать, если я его златокудрую дочурку – дуру ублажу.

– Ты что думаешь, я твоему золотому тестю фотку Плаксы с приложением генетической экспертизы не доставлю? – мать засмеялась.

– Дура, – судя по звукам, папаша отвесил матери пощечину, – будешь мне мешать – под забором окажешься. Будешь слушаться – в дамки выйдешь. Я для Вас с Плаксой хороший вариант придумал. Ты должна выйти замуж... за Петьку.

– Я? За Петьку? Ты что, сдурел?

– Дура и есть дура. Ты сегодня в гостях была? Петькину квартиру с домработницей видела? Денег у него куры не клюют, зарплата большая, а куда бабки тратить, он понятия не имеет. Ты-то быстро им применение найдешь. Станешь Петькиной женой, будешь со сливками общества общаться. Одна Степанида чего стоит. Если Петька Плаксу удочерит, он ее ни при каком раскладе не бросит. Образование даст, в люди выведет. Петька не нам чета, ответственный, и с Плак-

сой вроде общий язык нашел. Я со Степанидой уже парой слов перекинулся, обещала помочь.

Папаша «Тараканище» оказался провидцем. Папа Петя не бросил Веронику даже тогда, когда умерла ее мать. Нет у Вероники человека ближе, чем папа. Господи, как же страшно его потерять!

3

С самого утра нетерпение увидеть дочь зашкаливало, а время тянулось нестерпимо медленно, поэтому Петр Константинович поехал на вокзал заранее. Он понадеялся, что изучение ассортимента газетных киосков и сувенирных лавок поможет скоротать время. Он сильно ошибся. Представленные товары мало заинтересовали Потапова, более того, оставили неприятное чувство, что издатели книг и производители сувениров считают население нашей страны дебилами, пошляками и людьми с отвратительным вкусом. Наконец, Петр Константинович дождался – к платформе подошел поезд, который привез дочь.

Последнее время Потапов общался с Никушей только по скайпу. Сейчас, когда он увидел девушку вживую, Петр Константинович поразился, насколько она сделалась похожей на красавицу мать: те же правильные черты лица, огромные зеленые глаза, каштановые волосы. Только Ирина, покойная мать Никуши, всячески стремилась подчеркнуть свою красоту, а Никуша старательно прятала. Зачем она это делает, Потапов не понимал. В его представлении каждая девушка по определению должна была хотеть выглядеть красивой. Никуша – просто аномалия какая-то: начало лета, все устали от темной зимней одежды, всем хочется надеть на себя что-то яркое, а дочка нацепила на себя серую хламиду, даже

глазки не подкрасила. Потапов давно хотел посоветоваться с каким-нибудь психологом на тему странного отношения девушки к своей внешности, но не собрался. Не собрался точно так же, как не собрался сделать еще массу важных вещей в своей жизни. Петр Константинович оборвал себя, не время заниматься самобичеванием, пора помочь с вещами Никуше. Она вытащила из вагона не только большой чемодан, но и переноску с котом. Какая дочка ответственная, обещала позаботиться о Мурзике и держит слово – в Москву котяру привезла.

Вероника как увидела отца, так кинулась к нему на шею. Как она по нему соскучилась! Раньше папа обязательно приезжал на выходные к ней в Потаповку, а в последнюю зиму забастовал. Стало подводить здоровье. Вероника очень боялась, что отец плохо выглядит, сильно одряхлел, но ничего, Петр Константинович смотрелся бодрячком. Девушка немножко успокоилась. Надо не давать воли своим нервам, дурные предчувствия – это все ерунда.

Дома Мурзик пулей выскочил из переноски и куда-то спрятался. Искать его Вероника не стала, захочет есть – объявится. Как и предполагала Вероника, папа накупил ей целую гору одежды. Естественно, на свой вкус и вкус соседки Веры Иосифовны. Отвлеченно, все вещи очень красивые, только Вероника чувствует себя в них некомфортно. Она много раз объясняла отцу, что последнее дело – украшать одеждой ее посредственную внешность. Это все рав-

но что прикидываться молоденькой девушкой в восемьдесят лет. Папа слушал дочку, кивал, но уже много лет гнул свою линию. Что поделаешь, надо порадовать единственного родного человека, поэтому Вероника не стала упрямыться: перемерила все обновки и осталась в голубом платье с белым воротничком, которое понравилось отцу больше всего.

За обедом Вероника пересказала Петру Константиновичу все последние потаповские новости. Папа сначала слушал внимательно, а потом Вероника почувствовала, что он все глубже и глубже уходит в себя. Вот этого Вероника боялась больше всего. После двустороннего воспаления легких, которым она заболела, когда училась в шестом классе, Веронику по совету врачей отправили жить в семью старшего брата Петра Константиновича в Потаповку. Воздух там намного чище, чем в Москве. С тех пор Вероника так и живет в пригороде маленького города Потаповска. Два года назад умер сначала дядя Никита, а потом его жена – тетя Тоня. Вероника помнит, что за пару месяцев перед смертью они оба отгородились от суетной жизни, жили как бы за стеклом в своем уже далеком от окружающих мире. Неужели то же самое происходит и с папой? Нет, пережить за такое короткое время еще и смерть папы Вероника не сможет. Все-таки она не железная.

После обеда отец пригласил Веронику в кабинет. Некоторое время Петр Константинович сидел молча, собирался с духом, а потом огорошил дочь такими вещами, от которых

у нее закипел мозг. Как такое может быть? Как может Макс быть биологическим сыном папы? Почему тетя Катя ничего не рассказала папе? Разве можно было так с ним поступить? Папа ни в чем не виноват. Он действовал совершенно правильно, разве он мог разрушить семью своего лучшего друга. Что же получается – теперь у папы есть родной сын, а она – ненужная приемная дочь? Наверное, папа срочно вызвал Веронику в Москву, чтобы сообщить, что ей надо уехать из дома дяди Никиты. Куда же ей деваться? От этих мыслей у Вероники на глазах навернулись слезы, но она вовремя вспомнила, что она не Плакса.

– Папа, а что будет со мной? Я могу еще немножко пожить в доме дяди Никиты? Думаю, я смогу найти себе съемное жилье в течение месяца. Тебя это устроит?

Петр Константинович сначала очень удивился, а потом расстроился.

– Никуша, зачем тебе съемное жилье? Ты что, решила, что я не достоин твоей любви? Ты что думаешь, что я совсем никудышний человек? Я так тебя люблю, не бросай меня, пожалуйста! Мне не так много осталось.

Вероника поняла, что она по обыкновению неправильно истолковала папины намерения и сильно его обидела. Девушка расплакалась и обняла отца.

– Папа, ты самый, самый лучший, и я никогда тебя не брошу! Только живи подольше. Я без тебя не смогу.

– Хорошо, хорошо. Я буду очень стараться жить подоль-

ше, но, сама понимаешь, решение принимаю не я, этот вопрос в компетенции небесной канцелярии. Надо быть готовыми ко всему. Я подготовил целый ряд документов и завещание, – Потапов достал папку из стола и показал ее Веронике. – Тебе я оформил дарственную на квартиру. Пошлину я оплатил. Мне бы очень хотелось, чтобы ты вернулась жить в Москву, но об этом позже. Все мои сбережения я тоже завещал тебе, а вот дом в Потаповке я завещал тебе и Максиму в равных долях. Тебе одной с домом не справиться. Согласно завещанию, в течение пяти лет после моей смерти Максим не сможет продать свою долю. Потом Вы решите, что делать с домом. Вероника, пожалуйста, не перебивай меня и не плачь! Я должен быть спокоен за тебя. Понимаю, тебе больно слушать о моем уходе, только жизнь есть жизнь. Постарайся меня понять. Я очень боюсь умереть скоропостижно, боюсь, что ты останешься совсем одна, причём в стесненных обстоятельствах, боюсь, что Максим так и не узнает, что он мой биологический сын. Я должен все предусмотреть. С Максимом ты должна мне помочь. Я написал ему письмо, вот конверт. Тебе я даю еще флешку, на случай если с письмом что-то случится. Пообещай, что отдашь письмо и флешку Максиму!

Вероника кивнула.

– Папа, конечно, я все сделаю, как ты хочешь. Только, пожалуйста, не умирай! Максиму я не нужна, я вообще никому не нужна – только тебе.

– Это не совсем так. Девочка, я вызвал тебя вовсе не для того, чтобы рассказать о моем родстве с Максимом. Все, что тебе рассказал до этого, так, прелюдия. Я просто воспользовался твоим приездом, чтобы решить дела, которые меня волнуют. Боюсь, что следующая часть нашего разговора тебе не очень понравится, но я очень прошу тебя набраться терпения и дослушать меня до конца.

Вероника напряглась. Она подумала, что речь пойдет о ее покойной матери. Все оказалось гораздо хуже, речь пошла о ее биологическом отце.

– Никуша, ты знаешь, кто твой настоящий отец?

– Да, знаю. Некий Игорь Валерьевич Зуев. Я его ненавижу.

– Но он все же твой отец.

– Игорь Валерьевич – мой биологический отец, а не родной. Это большая разница, очень большая.

– Никуша, ты, конечно, права, но жизнь – это совсем не простая штука. Она иногда поворачивается самым непредсказуемым образом. Игорь был у меня неделю назад, и не исключено, что придет завтра. Не морщись, придется тебе с ним встретиться. Я тоже не люблю Игоря, но, если он говорит дельные вещи, то надо его послушать. Я позвонил Григорию в Штаты и попросил его срочно приехать. Дело может быть очень серьезным. Ты ведь знаешь, что твоя мама и тетя Катя работали в архиве. Ты – историк, своими интересами пошла в них. Перед своей гибелью тетя Катя позвонила мне очень возбужденная. Она нашла в архиве какие-то интерес-

ные данные о моих предках. Катя отсканировала документы, записала сканы на дискету и хотела мне ее передать. Мы договорились с ней встретиться у входа в метро. Я пришел пораньше, ждал ее и увидел издалека. Катя бежала за парнем, который украл у нее сумку. Она уже почти догнала его, но парень неожиданно перебежал на другую сторону улицы. Катя за ним. Тут загорелся красный свет для пешеходов, и поехали машины. Спасти у Кати шанса не было. – Петр Константинович помолчал. – Игорь считает, что целью грабителя были не деньги, как решили в милиции, а дискета, которую Катя подготовила для меня. На самом деле дискета была не в сумке, а в кармане у Кати. Позже мне отдал ее Гриша. Сама понимаешь, что мне тогда было не до дискеты. Я передал ее Никите и ни разу не поинтересовался, что же там было. Игорь не знает, что дискета где-то у нас в семье, но предполагает, что грабители не получили того, за чем охотились. Думает он так потому, что после гибели Кати некий мистер X вошел в контакт с твоей матерью и попросил найти в архиве документы опять же о семействе Потаповых. Перед смертью Ирина якобы шла на встречу с этим мистером X, хотела продать информацию за деньги. Игорь якобы ее отговаривал. Я всего этого не знал.

Я очень переживал и переживаю, что ты себя заживо хоронишь в Потаповке. Я понимаю, что ты не могла оставить больных Никиту и Тоню, но сейчас, после их смерти, ты должна идти вперед. Не перечь и помолчи! У меня не так

много сил, а сказать надо многое. Я сдуру, не переговорив с тобой, позвонил бывшему начальнику Ирины и Кати и попросил дать тебе возможность поработать в архиве. Думал, что тебе было бы интересно и полезно подготовить диссертацию о роде Потаповых и о вкладе купечества в развитие российской дореволюционной науки. Мне эта тема кажется очень интересной. Посмотреть на купцов не как на жестоких угнетателей простого народа, а как на сословие, способствовавшее прогрессу. Извини, отвлекся. Какие связи у Игоря есть в архиве, я не знаю, но он о моем звонке узнал и переполошился. Приехал ко мне с утверждением, что Катю и Ирину на самом деле убили, и что Вам с Максимом может грозить опасность, т.к. Вы имеете отношение к Потаповым. С одной стороны – глупость, мы с Никитой прожили свои жизни спокойно, с другой стороны – две смерти при схожих обстоятельствах – это звоночек. Он собирается завтра приехать рассказать детали. Вероника, выслушай Игоря внимательно и, ради Бога, ради моей любви к тебе не отвергай его помощь.

После разговора с отцом Вероника сразу пошла спать, слишком уж много новостей обрушилось на нее за день. Она даже попросила у Потапова таблетку снотворного. Девушке казалось, что она занималась поисками Мурзика не сегодняшним утром, а сто лет назад. Максим, биологический отец, смерть матери... обо всем этом она подумает завтра.

Петр Константинович был доволен, что многое успел рас-

сказать дочери. Он долго ворочался в постели – нахлынули воспоминания и беспокойство, как сложится дальнейшая жизнь Никуши. Потапов встал, заглянул в спальню к дочке. Она тихонечко спала, такая маленькая и беззащитная. Петр Константинович прошел в свой кабинет и написал короткую записку Максиму. Он просил простить его и позаботиться о Веронике. Все, больше ничего Потапов для дочери сделать не мог. Он облокотился на спинку кресла и закрыл глаза. Земная жизнь Петра Константиновича завершилась.

4

Максим Григорьевич Веселов, молодой мужчина слегка за тридцать, рано утром расплатился за проживание в гостинице, сел в такси и поехал в Пулково. Дорога в аэропорт, конечно, отнимает время, но сам полет до Москвы длится всего сорок минут. Вот это благо. Сапсан – это прекрасно: вагон удобный, поезд идет мягко, быстро – сиди и радуйся, только РЖД не гарантирует наличие приятных соседей. Максиму не повезло. Он слишком намучился в поезде по дороге в Питер. Его соседями оказалось семейство: бабушка и мама с ребенком. Бабушка уселась рядом с ним, а мама с ребенком – сзади. Мало того, что всю дорогу семейство непрерывно что-то ело и шуршало фантиками, мать семейства начала рассказывать бабушке содержание очередного мексиканского мыла. Максим хотел бы не слушать, но пришлось. Когда поезд, наконец, прибыл в Питер, голова у него была квадратной. У всех мексиканских персонажей родителями оказались чужие люди, а настоящие потратили много лет и сил, чтобы разыскать своих чад. Разобраться, кто с кем спал, вообще составляло задачу не для среднего ума. Во всяком случае Максим за решение такой задачи точно бы не взялся. Это же надо сочинить такую белиберду. Хорошо, что Максим точно знает, кто его отец и кто его мать. Вчера вечером Максим разговаривал со своим соседом дядей Петей, и тот его обрадовал,

что приезжает отец. Как же Максим соскучился по своему толстячку-балагуру. Прошлым летом он так и не сумел слетать к отцу в Штаты: сильно болел, а потом умер дед. Так уж получилось, что после смерти матери Максима забрала к себе бабка. Отец пытался протестовать, но с бабкой не поспоришь. Сказала, что Максим переезжает к ним с дедом – и basta. Бабушка Степанида, или как ее звали близкие – Степка, вертела, крутила мужем и сыном, как хотела, а вот с Максимом этот номер у нее не прошел. Мальчик переехал к бабке с дедом и старался вписаться в их жизнь, но позволить кому-то командовать собой – это извините. Степка пыталась руководить всеми, когда не получалось – использовала свой коронный номер – прикидывалась больной и умирающей, даром что была народной артисткой. Дед с отцом, видя страдания Степки, сдавались, а Максим – нет. Максим прекрасно чувствовал, когда Степка притворяется. О чем ей как-то прямо и сказал. Удивительно, но с тех пор Степка полюбила внука еще сильнее и перестала навязывать ему свою волю.

Степка... Это надо быть не просто писателем, надо быть гением, чтобы описать, какой она была. Яркая, хитрая, жадная, мудрая, великодушная, добрая, мстительная, блистательная и необыкновенно талантливая – все эти качества были перемешаны в Степке и приправлены перчиком. Дед любил ее без памяти и воспитал ее сына Григория, отца Максима, как своего. Так уж получилось, что лет десять назад Григорий уехал работать в Штаты, и старики остались на руках

внука. Все было хорошо, пока в одночасье не умерла Степка. Деду было тогда под восемьдесят, но он активно работал и тащил на себе огромный груз ответственности. После смерти жены дед разом постарел лет на двадцать и потерял интерес к жизни. Оставлять его одного было опасно, поэтому Максим нанял сиделку. Она не прижилась, потом пришлось нанять еще и еще одну. Дед стал капризным и придирчивым. Все ему было не так и не этак. Довольно быстро Максим понял, что дед банально хочет, чтобы за ним ухаживала не сиделка, а внук. Хорошо, что Максим физик-теоретик и может работать удаленно. На работе ему пошли навстречу, не могли не пойти, потому что Максим работал в НИИ при предприятии, где столько лет проработал дед. Последние три года жизни деда внук практически неотрывно провел при нем: варил ему еду, давал лекарства, читал вслух книги. Когда дед умер, первое время Максим не понимал, куда ему себя деть. Была масса обязанностей, и вдруг – ничего. Делай, что хочешь. Поначалу мужчине показалось, что его жизнь абсолютно пуста и он никому не нужен, но со временем Веселов одумался и понял, как хорошо быть себе хозяином.

Максим был хорошим ученым, многолетние занятия аналитическими расчетами приучили его логически правильно выстраивать последовательность своих действий. Как-то ночью он не спал, раздумывал о своем житье-бытье. Думал и придумал. Несколько лет Максим жил жизнью деда, его хотелками и нехотелками. Теперь он решил жить так, чтобы

ни от кого не зависеть и ни за кого не отвечать. Баба Нюра, которая много лет вела хозяйство у Веселовых и воспитала его и отца, состарилась и давно жила с семьей на дедовой даче. За болезнь деда Максиму пришлось научиться готовить и поддерживать порядок в квартире самому. Что отсюда следовало? Ни новая домработница, ни жена с ее неизбежными капризами ему не нужны. Вообще терпеть чужих людей у себя в доме он не собирался. Секс без каких-либо обязательств с бухгалтершей из ЖЭКа Ларисой на ее территории – это то, что его полностью устраивало.

Максим сделал ремонт в своей огромной четырехкомнатной квартире, не тронул только гостиную. Про себя он называл эту комнату музейной. В ней стоял бабкин рояль, а все стены были увешаны фотографиями Степки в образе ее многочисленных героинь. Максим решил, что гостиная должна остаться такой, какой была при ее именитой хозяйке. Кабинет деда он переделал под свои нужды. Письменный стол и книжные шкафы оставил, а диван поменял. Работал он теперь только в кабинете, а спал в своей старой комнате, куда его поместили еще мальчишкой. Спальней деда и бабки Максим практически не пользовался. Лоджию Максим застеклил и утеплил. Наконец он сумел реализовать свою детскую мечту – купил хороший телескоп и безоблачными вечерами с удовольствием наблюдал за звездным небом.

Многие его знакомые не могли понять, как молодой еще мужчина может жить отшельником. Максим находил в своем

одинокестве удовольствие. Главное, что он никому ничего не должен. Тем более, что одиночество было относительное. Если ему хотелось побеседовать с умным человеком, достаточно было позвонить в соседнюю квартиру. Максим очень надеялся, что по приезде в Москву, в тот же вечер они сыграют с Петром Константиновичем Потаповым партейку в шахматы. К дяде Пете вроде бы должна была приехать дочь – Вероника. Максим усмехнулся, та еще феминистка. В детстве он был немного влюблен в девочку, а теперь... интересно, какой она стала.

Дорога домой оказалась не слишком утомительной, единственное, очень хотелось в душ. Отпирая свою дверь, он уже мысленно чувствовал кожей струи воды. Максим открыл свою дверь, но в квартиру войти не успел. Распахнулась соседняя дверь. Первым из нее выскочил какой-то кот и ринулся к нему в квартиру. Вслед за котом выбежала Вероника в совершенно взъерошенном виде.

– Максим, Максим! – закричала она. – Максим, мой папа умер... кажется.

5

– Что случилось? – на шум из своей квартиры вышла соседка Вера Иосифовна. – Петя?

Максим решительно вошел в квартиру Потапова. Что значит «умер, кажется»? Может быть, Петру Константиновичу просто стало плохо?

– Папа в кабинете, – подсказала Вероника.

Петр Константинович сидел в кресле, откинувшись на спинку, с выражением полного покоя и умиротворения на лице.

– Петя, Петя, как же так? Что же ты Гришку не дождался? – начала причитать Вера Иосифовна.

Максим, как только увидел дядю Петю, так сразу понял, что слово «кажется» лишнее. В ушах у него зазвенело, и появилась боль где-то чуть выше переносицы.

– Максим, Максим, дыши, дыши глубоко, иди к себе! – слова Веры Иосифовны еле пробивались через звон в ушах.

Максим сделал несколько шагов по направлению к выходу, а потом вернулся. Он заметил, что на столе лежит адресованная ему записка. Вместе с запиской он добрался до своей кухни и сел за стол. В ушах все еще звенело, но немножко потише. Вера Иосифовна принесла ему и Веронике по рюмке исключительно противного успокоительного. Лекарство немного помогло, но в голове осталось ощущение звенящей

пустоты. Машинально Максим открыл записку, прочитал ее и ничего не понял. Такого просто не могло быть. Чтобы не свихнуться, Веселов решил принять душ и немного побыть одному. Он извинился перед женщинами и пошел в ванную. Струи горячей воды привели его в чувство. В записке дядя Петя писал, что он настоящий, биологический отец Максима и очень просил позаботиться о Никуше, т.к. ей и самому Максиму может грозить опасность из-за того, что они его дети. Что за бред? Это же наша обычная российская жизнь, а не мексиканский сериал. Сколько себя Максим помнил, рядом с ним всегда был его папа Гриша, муж его мамы. Причем здесь Петр Константинович? Впрочем, сейчас это неважно. Сейчас надо заняться похоронами и узнать, что за опасность грозит Веронике и заодно ему. Все-таки это какой-то бред.

Максим вернулся на кухню с четким планом дальнейших действий. Вера Иосифовна сварила кофе и пыталась уговорить Веронику выпить маленькую чашечку. Вероника не соглашалась. Она сидела на стуле, вся сжавшись в комочек, и дрожала. Да, ей действительно могла потребоваться помощь, в частности помощь его, Максима. Развить эту мысль Максиму не дала Вера Иосифовна. Она довела до сведения Максима, что пока он принимал душ, она позвонила старому участковому, который жил в доме напротив, и попросила помочь с формальностями. Участковый уже вызвал всех, кого полагается вызывать в таких случаях. Сейчас надо сидеть и ждать.

– Максим, извини за любопытство, вернее, это не любо-

пытство, это очень важно! Что Петя написал тебе в записке? Он написал тебе, какая существует связь между вами? Пойми, сегодня прилетает Гриша, он очень волнуется, как ты воспримешь всю эту дурацкую ситуацию, а у него давление, сердце.

– Да, Петр Константинович написал, что он мой непосредственный родственник, но отец у меня был и есть один – Григорий Антонович Веселов. Наши общие с дядей Петей гены ничего не меняют. Еще он написал, что нам с Вероникой грозит опасность, потому что мы его дети, и попросил не оставлять Веронику. Это все.

– За мной присматривать не надо. Я вполне самостоятельный человек, – Вероника очнулась. – Папа попросил меня передать тебе, Максим, большое письмо и документы. Может быть, из письма будет что-то ясно.

– Хорошо, сейчас это ждет, – Максим хорошо помнил, как болезненно Вероника воспринимает то, что за ней кто-то присматривает, особенно Максим, поэтому специально озвучил соответствующую часть записки. Воля отца для Вероники всегда была неоспоримой.

– Скажи, Вероника, где ты хочешь похоронить Петра Константиновича: здесь, в Москве, или в Потаповке?

По виду Вероники Максим понял, что подумать на эту тему ей не приходило в голову.

– Хотелось бы в Потаповке, рядом с дядей Никитой и другими Потаповыми, – приняла решение Вероника после неко-

торого раздумья.

– Очень хорошо, – Максим принес лист бумаги и стал составлять список дел, которые им предстояло сделать. В такие минуты обязательно нужно себя чем-то занять, иначе делается очень тяжело. К сожалению, у Максима уже был накоплен соответствующий опыт.

Постепенно все, что можно было сделать, было сделано, осталось только получить в поликлинике справку о смерти Потапова и встретить Григория Антоновича. Последнюю миссию взяла на себя Вера Иосифовна и уехала в аэропорт. Максим с Вероникой собрались в поликлинику. Девушке потребовалось переодеться, а все ее вещи остались в квартире отца. Максим понял, что Вероника боится идти в квартиру Потаповых одна. Он вздохнул и принял тяжелое для себя решение: он забрал все вещи Вероники и перенес их в свою квартиру.

– Что ты командуешь? – возмутилась девушка для вида, но по ее лицу Максим понял, что она довольна.

– Иногда можно и покомандовать. Комната, которая когда-то была спальней Степки, совершенно свободна. Всю мебель я там поменял. Располагайся! Одевайся только поприличнее, а то люди будут думать, что дядя Петя жалел на тебя деньги.

– Не командуй, я сама все знаю! – Вероника надела на себя платье, которое понравилось Петру Константиновичу.

Максим уже открыл дверь, чтобы идти в поликлинику, как

раздался вопль Вероники: «А где Мурзик?»

Максим вспомнил, что утром, когда он открывал дверь, к нему в квартиру забежал кот. Ладно, Веронику он потерпит, но кота...

– Ты что, кота своего привезла? Он мне здесь все загадит. У тебя хоть лоток с собой есть?

– Кот не мой, вернее, сейчас мой, я его на передержку взяла. Я же не собиралась ехать в Москву, это папа попросил как можно скорее приехать. Пришлось Мурзика с собой взять. Я сейчас его поищу. Вечно он где-то прячется.

Мурзика долго искать не пришлось. Он валялся на письменном столе Максима. Слова «Брысь!» Мурзик, видимо, не знал или не хотел знать, а потому был выкинут за шкуру за пределы кабинета. Вероника надулась. Она знала, что мужчины жестокосердные, но ведь не до такой же степени.

По дороге в поликлинику Вероника несколько раз споткнулась и чуть было не наступила на подарок, оставленный собачкой. Степка в детстве называла девочку «тридцать три несчастья», поэтому Максим был начеку. Это помогло. В непосредственной близости от поликлиники шла стройка, была вырыта яма, на дне которой было полно острых железок. Яма и яма, молодые люди шли от нее довольно далеко. Вдруг Максим, как при замедленной съемке, увидел, что Вероника начала движение, траектория которого однозначно вела на дно ямы. Он прыгнул и успел подхватить ее в самый последний момент. Под руками Максим ощутил только Ве-

роникины косточки, мяса практически не было. До чего же она худая, просто как маленький птенчик.

– Вероника, ты вообще-то ешь? Ты что такая худая?

– Не умничай! Я не худая, я – нормальная.

– Хорошо, ты – толстая.

– Я не толстая, я нормальная. Вместо того чтобы интересоваться моим весом, посмотрел бы по сторонам, кто это меня толкнул.

– Зачем кому-то толкать тебя в яму? У тебя, наверное, голова закружилась от голода, нормальная ты моя.

– Нет, меня толкнули. Не веришь, не надо, но меня толкнули.

– Молодой человек, девушка говорит правду, я видела, как какой-то парень в джинсах, синей футболке и бейсболке толкнул ее, а потом убежал, – поддержала Веронику женщина, которая шла сзади.

– Вот видишь, меня толкнули, а ты... – Вероника не стала договаривать, зато всем своим видом продемонстрировала свое отношение к Максиму.

В кабинете участковый врач улыбнулась Веронике. Она проработала в поликлинике много лет и прекрасно знала всех своих пациентов и их близких.

– Вы Вероника? Папа Вас очень любил и очень о Вас беспокоился. Примите мои соболезнования.

– Скажите, – обратилась Вероника к врачу, – папе можно было помочь? Может быть, надо было достать какое-то ле-

карство?

– Нет, деточка, лекарствами Вашему папе помочь было нельзя. Петр Константинович устал жить, от этого лекарства не помогают.

6

Вечером все уселись пить чай на кухне у Веселовых. Григорий Антонович и Вера Иосифовна были очень расстроены смертью Потапова, но радость от встречи прорывалась в улыбках и взглядах, которые они бросали друг на друга. В первый момент встречи Максим ощутил, что отец чувствует себя неловко, поэтому взял инициативу на себя: подошел и крепко его обнял.

– Папа, ты себе не представляешь, как я рад, что ты приехал! Я очень соскучился. Где твои вещи? Я все подготовил для тебя в кабинете у деда. Тебе будет там удобно.

– Сынок, – Григорий смахнул слезы с глаз и немножко покраснел, – знаешь, я у Веры поживу, ты уж прости, мы с ней так долго ждали дня, когда сможем быть вместе. Теперь я буду рядом с тобой, пока жив. С Америкой покончено.

– Идите к столу! – Вера Иосифовна не дала затянуться душещипательному разговору. – Ника, помогай. Я кое-что приготовила, надо все принести из моей квартиры.

Вера Иосифовна расстаралась и наготовила целую гору вкусностей. Им с Вероникой пришлось несколько раз ходить из квартиры в квартиру, чтобы принести многочисленные салаты, закуски, фрукты. Видимо, поэтому дверь в квартиру Веселовых осталась открытой. Сначала, конечно, все выпили за упокой души раба божьего Петра. Григорий Антонович

сокрушался, что Потапов не дождался его. Петя звонил ему в Штаты, торопил с приездом, и вот одного дня не подождал. Сколько лет они с Петей дружили, трудно сосчитать. Да, тяжело терять друзей.

– Гриша, а почему Петя просил тебя приехать скорее, что-то случилось? Мне он ничего не говорил.

– Верочка, к Пете приходил Игорь Зуев и чем-то его напугал. Если ничего не изменилось, Игорь должен подойти с минуты на минуту. Надеюсь, он нам все расскажет.

– Зачем ему приходиться к нам? Сейчас все можно обговорить по телефону. Не люблю я Зуева. Вы как-то очень быстро все ему простили.

Максим сидел лицом к двери, поэтому только он увидел, что в квартиру вошел мужчина. Максим его немного знал, когда-то мужчина работал с дедом, и тот звал его своим оруженосцем. Правда, после последнего прихода мужчины дед настоятельно порекомендовал Максиму никогда не иметь с ним дела. Вроде это и был Зуев. Мужчина услышал слова Веры Иосифовны, усмехнулся и вошел в комнату. Глаза у него были злющие, а рот улыбался.

– Привет честной компании! Верочка, ты все цветешь, несмотря на свои,... замнем, чтобы людей не напугать. Гришка, с приездом! Слышал, ты оставил капиталистический рай и вернулся в родные пенаты. Как с Максимкой наследство делить будешь? Я Антоше предлагал Вашу квартиру выкупить. Предложение в силе. Максимка-то, наверное,

решил все к рукам прибрать. Смотри, у меня и адвокат хороший есть, и риэлтор. Он тебя в обиду не даст. Максимка, ты как на такую перспективу смотришь?

– Господин Зуев, наши проблемы с отцом мы решим как-нибудь сами, без Вас. Сейчас я Вам выдам то, что дед Вам завещал, на этом все. Я очень попрошу Вас больше не вторгаться в наше личное пространство.

Зуев засмеялся: «Надо же какой зубастый!»

Максим прошел в кабинет деда, открыл сейф, достал оттуда конверт с фотографиями и статуэтку клоуна, одна сторона которого изображала мудреца, а другая – глупца. Зуев открыл конверт, внимательно рассмотрел фотографии и с видимым удовольствием положил клоуна себе в карман.

– Клоуна Антоша в Париже прикупил. Я тоже хотел, только в магазине оказался один экземпляр, и мне клоун не достался. Надо же, Антоша запомнил. Максим, ты мне не все отдал. Антоша обещал еще оставить мне копию своих мемуаров, чтобы разным чистоплюйкам можно было рот заткнуть.

– Мемуары, вернее, часть, которую дед успел написать, сейчас существует только в одном экземпляре. Это рукопись. Как руки дойдут, напечатаю текст и Вам пришлю, оставьте мейл.

– Максим, я тебе помогу напечатать, – в комнату вошла Вероника с чайником.

– Это кто же такая? – Зуев во все глаза уставился на Ве-

ронику. – Неужели Плакса?

– Девушку зовут Вероника, – посчитал нужным поправить Зуева Максим.

Игорь Валерьевич не обратил никакого внимания на слова Максима и продолжил разглядывать девушку.

– Ну что, убедились? От апельсинки родилась рябинка? – произнесла Вероника с вызовом, глядя Зуеву прямо в глаза.

– Напротив, Плакса, я удовлетворен. Вижу титанические усилия, которые ты затратила, чтобы вытравить из себя мать. Успокойся, ты на Ирку совершенно не похожа. Ты – вылитая моя мать, она, между прочим, русский и литературу в школе преподавала.

У Максима вылезли глаза из орбит. Неужели у Вероники существует генетическая связь с Зуевым, так же как у него с дядей Петей? Самое интересное, что никто из присутствующих, кроме него, не был удивлен. Тайны мадридского двора прошли мимо него... Ничего, он со временем во всем разберется.

Игорь Валерьевич Зуев не обратил внимание на реакцию Максима и продолжил эпатировать собравшихся.

– Плакса, ты прямо настоящей интеллигенткой выросла. Все-таки я правильно сделал, что тебя в Петькино гнездо подкинул. Они с Никитой из тебя человека сделали. У нас с Ирккой так бы не получилось. Кстати, где Петька? Надо же мне когда-то руку ему пожать.

– Игорь, Петя ночью умер, – тихо сказал Григорий Анто-

нович.

– Как умер? Мы же с ним договорились сегодня... – Зуев стал хрипеть и сереть на глазах, – астма, – пояснил он и уставился на Веронику, – в плаще в прихожей ингалятор.

Вероника сейчас же кинулась в прихожую и принесла ингалятор. Постепенно Зуеву стало лучше.

– Хоронить будете в Потаповке? Я на похоронах быть не смогу, завтра улетаю, поездку отменить не могу. На девять дней постараюсь быть. Максим, проводи меня! – Зуев пошел на выход, ни с кем не попрощавшись.

На улице Игорь Валерьевич пригласил Максима сесть в его шикарную машину, а шофера попросил погулять.

– Максим, разговор серьезный! Ты в курсах, как погибла твоя мать?

Максим пожал плечами: «Она попала под машину, насколько я знаю, это непреложная истина».

– Истина-то истина, но не вся. Катерина в своем архиве нарыла какие-то документы про Потаповых. Везла отдать Петьке, но не получилось. У Петьки на глазах у нее сумку вырвали, она за воров побежала, тут и машина подоспела. Петька у нас большой ученый, а связать два и два про Катерину смерть не удосужился. Все свалил на воров и несчастный случай. Про то, что кто-то за документами охотится, не смекнул. Я тоже тогда в таком направлении не подумал. Все бы так и осталось шито-крыто, если бы не вторая смерть – Иркина. Она редкая дура была, правда, дура красивая. Сколько раз я ей говорил: «Подожди! Вот устрою свою жизнь, выйду в люди, тогда вместе и заживем. Может, и Плаксу признаю». Только дура хотела все здесь и сейчас. Мы с твоей бабкой Ирку к Петьке пристроили. Поди плохо – на всем готовом с домработницей. Я ей сто раз говорил: «Не мельтиши! Смотри, как Плаксе с Петькой хорошо, он ее человеком сделает», а она... Ты, конечно, не в курсах, что

Ирка решила Петьку обнести. Хотела денег хапануть. Только Петька не дурак, Ирку за руку схватил. Может, Петька Ирку бы и простил, уж очень Плаксу любил. Только Ирка свихнулась. Когда я ее последний раз видел, она собиралась предложить какому-то интересанту документы о Потаповых, хотела взять дорого. Если забыл или не знал, Ирка в том же архиве, что и Катерина работала. Так вот. Больше живой Ирку никто не видел, нашли ее мертвую в овраге со сломанной шеей. Поначалу я предполагал, что в архиве нашлась какая-то инфа о кладе Потаповских предков или что-то в этом роде, потом понял, нет, это – туфта. Не стала бы Ирка кому-то секреты о кладе продавать, сама бы озаботилась поисками сокровищ. Что-то там другое было, важное, от чего Ирка ничего сама откусить не могла. Такие дела. После Иркиной смерти я договорился кое с кем в архиве, чтобы мне мигнули, если кто Потаповыми поинтересуется. Много лет было тихо, а пару недель назад – звонок. Петька к Иркиному начальнику обратился с просьбой поспособствовать работе Плаксы в архиве. Я перепугался, как бы череда смертей не продолжилась. Хоть я и кукух, но дочь у меня одна, другими детьми не обзавелся. Навестил Петьку. Он, видишь ли, после долгих раздумий пришел к выводу, что Плаксе хватит жить в Потаповке, и приговорил ее к написанию диссертации. Ты скажи, у мужика мозги были? На кой хрен Плаксе диссертация? Ей замуж надо, детей рожать. Меня Плакса слушать не будет, это сто пудов. Ненавидит. А вот тебя потерпит. Будь

человеком, выясни, что там такое есть медом намазанное у Потаповых. Это что-то и тебя задеть может. Сейчас Петька помер, наверняка все Плаксе оставил, а она дочь – приемная. Такая муть может со дна подняться. Про то, что ты родной Петькин сын, никто, кроме самых близких, не знает. Я тебе свой телефон оставляю, звони в любое время дня и ночи.

– Скажите, а Степка знала, что я сын Потапова?

– Конечно, знала. Все, кроме олуха Петьки, знали. Только это для Степаниды никакого значения не имело. Любила тебя и своим внуком считала, на остальное плевала. Таких, как Степанида Кузьминична, больше нет и никогда не будет. Раз уж у нас с тобой такой разговор пошел, удовлетвори и ты мое любопытство, – Зуев улыбнулся. – Как дед отреагировал на то, что я Вашу квартиру предлагал купить?

– Сначала никак, а на следующий день, когда я вернулся с работы, он мне отдал официально оформленную дарственную на квартиру. Как-то так.

Зуев давно уехал, а Максим все сидел на лавочке у подъезда, размышлял. Откровенно говоря, серьезными доводы Зуева Максиму не показались. Все изложенные им факты могли быть простым совпадением... а могли и не быть. Навскидку Максим оценил вероятность того, что Зуев прав, где-то процентов в двадцать. Много это или мало? Пожалуй, если речь идет о причинах гибели твоей матери, это много. Свою маму Максим любил и в детстве сильно тосковал по ней. Сейчас, конечно, привык жить сам по себе, но иногда делалось тяжело, из-за того, что рядом нет родного человека. Ладно, мамы уже нет, а Вероника? Угрожает ли что-то ей? Сегодня утром Максим сказал бы, что Веронике угрожает только сама Вероника, ее несносный характер феминистки, суфражистки или как там еще зовут этих теток, которые борются за свои права, вернее, против мужчин. Это было утром, а сейчас? Неужели кто-то толкнул ее в яму намеренно? Кто мог знать, что она приехала в Москву? Неужели враг настолько не дремлет? Видимо, действительно Максиму придется со всей этой ерундой разбираться. В отпуск он не ходил уже несколько лет, так что временем он располагает. Самая тяжелая задача на сегодняшний день – это заручиться поддержкой Вероники. Надо, чтобы она хотя бы не вставляла ему палки в колеса при каждом удобном и неудоб-

ном случае.

Когда Максим вернулся домой, в квартире была только Вероника, отец и Вера Иосифовна уже ушли. Мурзик валялся на его столе в кабинете. Вероника всячески демонстрировала свое неудовольствие тем, что Максим так долго отсутствовал. Во что превратилась отлаженная, спокойная жизнь Максима! Веронике, видите ли, не терпится услышать новости. Наградил Бог характером! Максим подробно осветил свою беседу с Зуевым и поставил Веронику в известность, что счел себя обязанным разобраться с прошлым. Вероника выслушала Максима со скепсисом и высказалась в духе того, что она лично в его заботе не нуждается.

– Знаешь, – немного вышел из себя Максим, – у тебя своя жизнь, у меня – своя. Я в твою жизнь лезть не собираюсь, живи, как знаешь. Только мне в моей жизни надо разобраться, выяснить, убили мою мать или нет. Был это несчастный случай, как я думал до сегодняшнего разговора с Зуевым, или нет. Для этого мне понадобится твоя помощь. Готова ты мне ее оказать или нет? Ты меня сильно обяжешь, если ответишь утвердительно.

– Конечно, я готова помочь, только чем?

– Ты же в Потаповском музее работаешь и все про Потаповых знаешь. Вот этими знаниями ты со мной должна поделиться. Я возьму отпуск и приеду в Потаповку. Постараюсь управиться быстро, тебя своим присутствием утомлять не буду, буду жить в гостинице.

– Я забыла тебе сказать. Папа оставил тебе не только письмо, но и завещание. Он завещал потаповский дом нам с тобой в равных долях. Так что ты можешь жить в доме столько, сколько захочешь. Ты там такой же хозяин, как и я.

– Давай я сразу подарю тебе свою долю. У меня уже дедова дача на шее камнем висит. Хорошо, что я там нашу с отцом нянюшку бабу Нюру поселил. Ее зять там за всем смотрит.

– Нет, Максим, в завещании черным по белому написано, что ты в течение пяти лет не можешь ни продать, ни подарить свою долю.

Максим явственно услышал, как над его головой захлопнулась дверца мышеловки. Зув зря назвал дядю Петю олухом.

Максим проснулся довольно поздно. Все траурные мероприятия остались в прошлом, и настала пора жить дальше. Размер дома Потаповых поразил Максима. Здесь вполне можно было жить обособленно от Вероники. Ее комната, гостиная и кухня-столовая располагались на первом этаже, а ему Вероника отвела покои – на втором. Покои состояли из маленькой спальни и смежной комнаты – кабинета. Там стояли письменный стол, кресло с торшером и книжный шкаф. Главное, что было несколько розеток, куда можно было подключить компьютер. Интернет в доме был. Большим плюсом было и то, что на втором этаже находились автономные туалет и ванная, которые поступили в полное распоряжение Максима. В доме было еще много комнат, видимо, нежилых, но туда молодой человек пока не заглядывал, зачем?

Максим выглянул в окно, и у него захватило дух. Дом стоял на крутом берегу большой реки, которая блестела на ярком солнце. На берегу росли липы, которые Веселов обожал. Он представил себе деревья в цвету и аромат, который будет вливаться прямо к нему в окно. Приятная перспектива. Однако голод напомнил, что пора подумать о завтраке. Хорошо, что вчера вечером Максим не поленился и сварил гречневую кашу. Интересно, нашла ли ее Вероника. Не исключено, что придется ее долго уговаривать поесть, т.к. в ее понимании

все, что Максим приготовил – это его еда, а Веронике, как известно, чужого не надо.

Максим спустился вниз и обнаружил, что Вероника еще и не думала завтракать. Она поливала чахлые ростки, которые взошли у нее на грядках. Поливала грядки Вероника из огромной лейки. Максим вздохнул, придется помогать, т.е. опять заниматься не своим, а Вероникиным делом. Зачем ей грядки, ведь совершенно ясно, что у нее ничего не вырастет.

– Привет, ты чего дурью маешься, лейкой поливаешь, у тебя же, смотрю, какая-то система орошения в наличии. Что выращивать собираешься?

– Морковку, всякие травы и огурцы – они в теплице. Система орошения, как ты выразился, не работает. Дядя Леша обещал починить, но все никак.

– Ладно, я попозже посмотрю, что там не работает, иди завтракать, я гречневую кашу сварил. Раньше ты ее любила.

– Не командуй, некогда мне завтракать, мне на работу надо сходить, а до того – в магазин, продукты закончились.

– Я не команду, я уже устал тебе это долбить, иди завтракать, в магазин я на машине съезжу. Составь список, что купить.

– Ты ж не знаешь, куда ехать.

– Вероника, не тупи, не в деревне живешь! Ты про навигатор слышала?

– Ладно, пойдем, гречневую кашу поедем.

Максим нашел в интернете самый большой супермаркет

и накупил там целую кучу продуктов, еле-еле в холодильник засунул. То, что Вероника абсолютно не умеет готовить, Максиму было очевидно, поэтому приготовление обеда со вздохом он взял на себя. Хорошо, что сейчас продается много полуфабрикатов. Раз, два – и обед готов.

– Запахи упоительные, – на кухню зашел сосед дядя Леша. – Видел, что ты поливалку осматривал. Ее, чтобы починить, надо на строительный рынок ехать. Там труба заржавела и гайку заклинило.

– Покажешь, где рынок? После обеда бы съездили.

– Заметано, только у меня тоже к тебе просьба будет. Старший брат у меня сегодня приезжает, у него нога покалечена. Поможешь довести?

– Не вопрос. Давай, иди, садись к столу, Вероника вернется, вместе пообедаем и поедем.

Вероника, вопреки ожиданиям Максима, пришла не надутая, как обычно, а веселая. Вслед за ней на кухню ворвались два загорелых чертенка: мальчик Саня и девочка Людочка. В арьергарде с чувством собственного достоинства шествовал Мурзик. На кухне он сразу устроился на стуле, на который предполагал сесть Максим.

– Здравсьте, дядь Леш, здравсьте, дядь Максим, – ребята быстренько уселись за стол, – как у Вас вкусно пахнет! Мы только приехали, мама еще не успела обед приготовить. Дядя Максим, Вы сокровища искать будете? Мы с Вами.

Максим заметил, что Вероника скривилась, а дядя Леша с

интересом посмотрел на него. Так, значит, сокровища все же существуют, и искать их, скорее всего, собираются не только ребята. Нет чтобы Веронике рассказать ему о сокровищах заранее. До чего же она глупая дура!

– Что за сокровища? У Вас что здесь капитан Флинт клад зарыл? – Максим сделал страшное лицо и начал разливать борщ по тарелкам.

Вероника попыталась переключить внимание ребят на борщ, но не тут-то было.

– Капитан Флинт? – ребята засмеялись. – Нет, у нас сокровища наши, потаповские. Вам что, тетя Никуша и деда Петя ничего не рассказывали? Деда Петя говорил, что только Вы сможете сокровища найти, т.к. у Вас ум какой-то особенный на букву «а», вроде анальный. Мы слово забыли.

Дядя Леша с Максимом расхохотались, а Вероника покраснела.

– Аналитический, – поправила ребят Вероника. – Если забыли слово, то лучше его не произносить, а то неприличная ерунда получается. Дядя Максим – человек занятой, ему не до сокровищ. Ешьте борщ, кстати, Вы руки перед едой мыли?

На десерт Максим достал из холодильника мороженое. Ребята обрадовались, а Вероника распереживалась, что от такого обжорства скоро в дверь не пролезет. Максим не стал это комментировать, чего зря нервировать женщину, а дядя Леша не отказал себе в удовольствии.

– Не пройдешь в дверь, зато в любую щель пролезешь. Сейчас сколько ты до анорексии не дотягиваешь – полкило? Посидишь на Максимовых хлебах – на целых 750 грамм отстанешь. Ужас!

Вероника надулась, а Максим не удержался и рассмеялся.

Старший брат дяди Леша Володя был одет в камуфляж, вместо чемодана у него с собой был огромный рюкзак. В детстве Максим видел похожих людей в электричках, их называли туристами. Они куда-то зачем-то ехали. Туристы обычно радовались жизни: пели песни, смеялись, а у Володи выражение лица было презрительным и угрюмым. Дядя Леша был немногим постарше Максима, а вот Володе явно было уже за сорок. В волосах появилась седина, а вокруг темных, почти черных глаз – круги. По дороге на станцию дядя Леша рассказал Максиму печальную историю брата. В молодости Володя серьезно занимался легкой атлетикой, был кандидатом в сборную страну. Когда понял, что его спортивные результаты перестали улучшаться, перешел на тренерскую работу. Все было хорошо, родился сын, Володя с женой стали задумываться о втором ребенке. Жизнь изменилась в один миг: страшное ДТП, которое поставило крест на Володиной карьере: отказали ноги. Он запил. Жена забрала сына и ушла. Володя еще сильнее сосредоточился на водке, наступил полный мрак. Все это безобразие длилось два года, пока Володе не позвонила жена и не пожаловалась, что сын стал отбиваться от рук. Володя выбросил бутылки и стал разрабатывать ноги. Сейчас одна нога у него полностью восстановилась, а вторая – не совсем. Отношения с сыном пока не

наладились, но Володя не теряет надежды. Сейчас племянник по совету дяди Леши устроился работать строителем в местный монастырь. Вот Володя и приезжает, чтобы быть к сыну поближе.

Как и все мужчины, Максим обожал свой автомобиль. Еще издавека он залюбовался своим новым Сидом. До чего же красивая машина. Веселова покорило, что Володя рядом с машиной сплюнул и с издевкой спросил:

– У тебя папа олигарх или сам хорошо устроился?

Максим вспомнил бессмертного Карлсона, который не уставал повторять, что главное в жизни – это спокойствие.

– Знаешь, пожалуй, и то и другое. Дед почти полвека на оборонном предприятии протрубил, причем лет тридцать – главным инженером. Зарабатывал неплохо, кое-что мне оставил. Ну и место мне на своем предприятии пригрел. На работу не жалуюсь. Удовлетворил любопытство?

– В дирекции сливки снимаешь?

– Почему в дирекции? Тружусь старшим научным сотрудником. Если вопросы исчерпаны, поехали.

Дома Максим застал картину, заставившую его улыбнуться, – неумеха Вероника стояла у плиты и пыталась поджарить сырники. Делала она это под руководством своей подруги Наташи, поэтому появился шанс, что сырники можно будет есть. Наташа с любопытством посмотрела на Максима и быстро ретировалась, а они с Вероникой сели ужинать.

– Вероника, если ты вечером свободна, я хотел бы обсудить с тобой целый ряд вопросов. Хотелось бы начать двигаться к поставленной цели, потихонечку, но двигаться.

– У тебя что, появились какие-то соображения?

– Появились, и мне нужна информация, которую можешь мне дать только ты.

Максим встал, взял лист бумаги и разделил его на несколько частей.

– Итак, у меня несколько версий. Первая – все, что говорил Зуев, – чистой воды выдумки. – Максим написал слово «выдумки» в первой графе. – Вторая версия – в словах Зуева есть рациональное зерно, но гибель наших матерей и нападение на тебя в Москве никак между собой не связаны. Третья версия – все события – звенья одной цепи. – Максим сделал пометки в соответствующих графах. У тебя возражения есть?

Вероника помотала головой.

– Первую версию нечего обсуждать. Вторая и третья версии почти что одинаковы. Объясняю отличие. Если работает третья версия, то кукловодом, вряд ли исполнителем, должен быть человек преклонного возраста, т.к. с момента гибели наших матерей прошло около двадцати лет. В случае второй версии кукловодов и исполнителей может быть два

комплекта: один – старый, второй – молодой.

– Ну и зачем этим кукловодам и исполнителям все это надо?

– Кто ж это знает. Если работает второй вариант, мотивов может быть несколько: личная неприязнь к тебе, зависть, желание, чтобы ты уехала из Потаповки и продала дом. Правда, в последнюю причину не вписывается нападение на тебя в Москве, но оно могло быть и случайным хулиганством. Теперь третий вариант. Представь, что где-то есть еще родственники Потаповых, о которых никто не знает, зато они хорошо помнят, что они Потаповы и их чем-то обделили. Они могут хотеть, например, завладеть потаповским домом или чем-то еще. Может, они знают что-то такое, чего не знаешь ты и не знали братья Петр и Никита. Знают что-то, но у них нет документов, чтобы заявить о своих правах. Думаю, что ключ к разгадке может быть на дискете, которую мама хотела передать дяде Пете. Где она может быть? Идеи есть?

– Если она сохранилась, то может быть в сейфе у дяди Никиты. Подожди, я схожу за ключами.

Вероника вернулась со связкой ключей и повела Максима в часть дома, где он еще не был. Вероника вставила ключ в замочную скважину, но поворачивать ключ ей не пришлось, дверь оказалась открытой.

– Что за дела, Максим, перед отъездом я сто раз проверила, заперты ли все двери!

Максим хотел войти в комнату первым, но Вероника не

позволила: сама вошла в дверь и попыталась зажечь свет. Дальше Максим услышал крик девушки и увидел, что она прыгнула назад в коридор.

– Что, Вероника, что?

– Я только дотронулась до выключателя, и меня сильно ударило током!

Максим включил фонарик и осветил выключатель. То, что он увидел, ему сильно не понравилось. С двух сторон от язычка выключателя были прилажены две проволочки, которые были под напряжением. Зажечь свет и не дотронуться до проводков было совершенно нереально. Максим направил свет от фонарика в глубь комнаты. Там был полный бардак – кто-то явно что-то искал. Вероника ринулась вперед, в комнату, но Веселов ее остановил и увел на кухню. Вид у девушки был совершенно несчастный, она тряслась мелкой дрожью. Максим похвалил себя за то, что все же поехал в Потаповку. Как ни крути, Вероника не чужой ему человек. За последние дни на нее навалилось слишком много негатива. Очевидно, что персонаж, учинивший весь этот разгром, рассчитывал совершенно деморализовать девушку, и ему это удалось.

Максим вскипятил чайник и напоил девушку чаем с пирожными, которые он прикупил на ужин. Вероника все послушно съела, обошлось даже без сетований, что она потолстеет. Где-то через час к Веронике вернулось душевное равновесие, и Максим счел возможным продолжить разговор.

– Мне бы хотелось задать тебе два вопроса. Первый: как ты смотришь на то, чтобы вызвать полицию? И второй: решишь ли ты мне позвонить Зуеву?

– Нет и нет. Ни под каким видом. К Ромке, нашему полицейскому, я не буду обращаться, даже если меня придут убивать. А Зуев? Зуев сам мог все это подстроить.

– Зачем это Зуеву? Может быть, он не тот человек, с которым я бы хотел водить дружбу, но он не монстр. Мне кажется, что твои решения и в первом, и во втором случае ошибочны. Однозначно, что злодей, который влез в дом, входит в твое близкое окружение, иначе как бы он узнал, что ты уехала в Москву и можно похозяйничать в доме. Желательно было бы снять отпечатки пальцев и по ним найти нарушителя. Твой Ромка, насколько я понял на поминках, женат на дочери какой-то местной шишки. Вот тебе и желающий получить твой дом. Мне бы было любопытно посмотреть на его реакцию на разгром и просьбу снять отпечатки. Может быть, мне стоит вызвать полицию, а тебе уйти к себе и не выходить.

– Во-первых, Ромка не мой, а во-вторых, он дурак. Не уверена, что он знает, как снимают отпечатки пальцев.

– Вот и проверим, чего он стоит.

– Ладно, я Наташку попрошу Ромку вызвать, только сама я уйду и дверь к себе запру.

Минут через десять к потаповскому дому подъехала полицейская машина, из которой вышел местный служитель порядка. Максим вспомнил, что некоторое время назад Петр Константинович сокрушался, что у Никуши случилась любовь с недостойным ее молодым человеком. Дело шло к свадьбе, но в последний момент жених передумал и женился на более выгодной партии. Судя по всему, местный полицейский и был несостоявшимся женихом. Помнится, что Максим со скепсисом отнесся к словам Потапова о том, что жених не достоин Вероники, посчитал, что это мнение продиктовано естественной неадекватностью родительской оценки. Однако сейчас Максим был вынужден признать правоту отца Вероники.

Вслед за полицейским подошли Наташа с мужем Славой и дядя Леша с Володей. Все переполошились из-за появления полиции. Максим почувствовал себя немного экскурсоводом и повел группу присутствующих демонстрировать кабинет Никиты Константиновича. Роман сразу же шагнул вперед и потянулся включить свет, хотя Максим заранее предупредил, что свет включать не надо. Пришлось Максиму немного ударить Романа по руке, чтобы избежать травмы. Что тут началось... Роман орал, что он при исполнении, что он уроет самозванца Максима и прочее, прочее, прочее. В

конце концов, полицейский еще раз попытался зажечь свет, и... в комнате явно запахло жареным. Роман выругался, а Наташа засмеялась.

– Что, Роман, пальчик бо-бо? Скорую вызывать?

– Попрошу прекратить смех, дело серьезное! – Роман остановил свой взгляд на Максиме. – Ты за все ответишь! Как ты появился, так сразу криминал, сроду такого не было. Я тебя задерживаю по подозрению в покушении на жизнь Потаповой Вероники Петровны. Посидишь у нас в обезьяннике!

– Ты что, урод, делаешь? – из комнаты выбежала разъяренная Вероника и с кулаками набросилась на Романа. – Я найду на тебя управу! Нашел виноватого. Наверняка это ты мне здесь пакость устроил. Знал, что я уехала, делай, что хочешь, а засаду с выключателем небось Танька твоя придумала. Есть люди, которые и повыше твоего тестя сидят. Максим, звони Зуеву. Кончилось мое терпение.

– Гражданка Потапова, еще раз повторяю, что я при исполнении, могу и Вас за компанию с вашим сожителем в обезьянник посадить.

– Только попробуй! – Вероника оскорбилась и, вся красная, пошла на Романа.

Максим усмехнулся, надо же! В сожители угодил, прикольно, жалко только, что Вероника распереживалась.

– Брейк, – слово взял Наташин муж Слава. – Роман, если ты представитель власти, то и веди себя соответственно.

Сейчас Наташка Таньке твоей позвонит и доложит про твои художества. Интересно, как твой тесть на твой беспредел посмотрит?

– Ладно, – Роман сбавил обороты, – зачем вызывали, чего от меня хотите?

– Как чего? – Вероника еле сдерживалась. – Ты при исполнении и не знаешь, что делать? Объясняю для тупых: надо найти того, кто ко мне в дом влез и разгром устроил. За каким хреном нам такой непонятливый полицейский нужен?

– Думаю, что желательно в кабинете снять отпечатки пальцев, – подсказал идею Максим, – может быть, они где-то в ваших ментовских базах засветились.

– Это можно, – согласился Роман, – только это завтра и при условии, что гражданка Потапова заявление напишет. Криминалист наш, Серега, сегодня выпил, толку от него никакого.

– Заявление я напишу, только не одно, а два. Одно – про покушение на мою жизнь, а второе – про то, что толку не только от криминалиста, от всей вашей полиции нет. Обязательно напишу.

– Как знаете, гражданка Потапова, это Ваше право, – Роман явно не обрадовался. – А Вас, – он обратился к Максиму, – я попросил бы предъявить документы.

Максим предъявил.

– Так, Веселов Максим Григорьевич, прописаны в Москве. – Роман пролистал паспорт. – А у нас что делаете,

если не секрет? Долго у гражданки Потаповой проживать собираетесь?

– Пока уезжать не собираюсь. Что собираюсь делать, Вас не касается. В соответствии с завещанием Потапова Петра Константиновича являюсь собственником дома наравне с гражданкой Потаповой. Еще вопросы есть?

Максим специально рассекретил свой статус хозяина дома в надежде, что неизвестный злоумышленник переключит свое внимание с Вероники на него. С ним справиться потруднее, чем со слабой женщиной. Когда Максим говорил о завещании, он внимательно следил за выражением лиц собравшихся. Удивились все, сильно удивились. Только в глазах у Володи проскользнуло не удивление, а какое-то другое чувство. Вообще с каждой минутой пребывания в потаповском доме он становился все угрюмее и угрюмее.

– Почему это Петр Константинович так Вас благодетельствовал? – поинтересовался Роман.

– Потому что, так уж получилось, что Максим – биологический сын папы, – выпалила Вероника. – Он сейчас единственный оставшийся в живых Потапов. На самом деле здесь все его, я же так, приемная дочь.

– Вероника, ты любимая дочь Петра Константиновича. Ты это знаешь. Не надо говорить лишнее! – Самоуничужение Вероники стало здорово раздражать Максима.

– А московская квартира теперь чья? – не утерпел и задал вопрос Роман.

– И квартира, и дача Петра Константиновича теперь принадлежат Веронике, – с удовольствием ответил Максим.

Слава присвистнул: «Прогодал ты, Ромка!» Наташа громко засмеялась.

Утром Максим проснулся рано, выпил кофе с бутербродами и пошел чинить систему орошения. Веронике он вечером дал половинку таблетки снотворного, которым злоупотреблял дед, и сильно надеялся, что она поспит подольше. Надо как-то бороться с постоянным стрессом. Сам Максим хорошо выспался и с удовольствием принялся за работу. Открыл заржавевшую гайку и начал менять отслужившую свою трубу.

– Тебе помочь? – к забору подошел Володя. – Лешка на работу рано убежал, я один кукую.

– Ну давай, помоги, если делать нечего. Видел твою физзарядку. Круто, я-то гимнастику для левого мизинца и ту ленью делать, а ты молоток! Уважаю! – Максим высказался совершенно искренне. Пока он завтракал, он видел в окно, как Володя отжимался. Ему и десятую часть сейчас не осилить.

– Хочешь, приходи утром, я с тобой позанимаюсь. Я тренер по профессии.

– Только давай, чтобы нагрузка была не очень большая, я спортом уже лет десять не занимался.

– Слушай, а как там Вероника? Я что хотел тебе сказать. Вижу, свое расследование вести будешь. Головой не качай, правильно сделаешь, надо во всем разобраться. Ты на Лешку

не думай. Это не он.

– А почему я на Лешку думать должен? Кстати, почему его все дядей Лешей зовут? Лет-то ему не очень много.

– Дядя Леша, это он сам себе имечко придумал по аналогии с дядей Федором из Простоквашино. Мы вообще-то москвичи. Лешка приехал несколько лет тому назад в Потаповку поработать в местном монастыре. Лешка – художник-реставратор. Приехал, а жить негде. В конце концов, нашелся какой-то дед, который ему сдал свой дом-развалюху за символическую плату. Сам дед у сына в городе живет. Лешка сильно переживает, что ты на него подумаешь, что это он в ваш дом залез. Вероника ему ключи запасные оставляла. Он два раза без нее в дом заходил на кухню, телефон на зарядку ставил, а потом его забирал. У него в доме часто случаются аварии с электричеством, проводка-то вся гнилая. Веронике он звонил и спрашивал разрешение. Понимаешь, из любопытства Лешка мог на что-то пойти посмотреть, может, что-то потрогать и не на то место положить, но, чтоб такую засаду с выключателем сделать – нет, не мог Лешка. Думаю, это не просто так кто-то в дом залез. Явно чего-то искал и не нашел. Вот от обиды засаду и устроил.

– Не знаю, от обиды или от ненависти. Не представляю, кому Вероника могла на любимую мозоль наступить. Совершенно ведь безобидная. Представь, если бы меня не было рядом...

– Мрак! Слушай, а у тебя есть соображения, что могли ис-

кать? Лешка говорит, что Потаповы до революции богатыми были, может, кто-то клад ищет.

– Понимаешь, я узнал, что имею отношение к Потаповым совсем недавно, тогда, когда Петр Константинович уже умер. Я знаю дядю Петю с детства, но он как-то мне о семействе Потаповых ничего не рассказывал. Он другими вещами интересовался, дядя Петя был по-настоящему большим ученым. Это я все к тому, что я ничего про род Потаповых, про клады, про всякие там сокровища не знаю. Сказал бы, что и знать не хочу, но не могу. Должен во всем разобраться, чтобы Веронике помочь. Это завещание Петра Константиновича.

За разговором, который про себя Максим назвал разведкой боем, мужчины починили поливалку. Володя крутанул ручку, и на Вероникины грядки полилась вода. Максим удивился, только вчера чахлые всходы нужно было рассматривать в лупу, а сегодня они уже были сантиметра два в длину, более того, слово «чахлые» уже было неуместным. Неужели у Вероники что-то вырастет? Дела...

На крыльцо вышла Вероника. У Максима сжалось сердце: лицо у девушки было бледным-бледным, под глазами – огромные синяки. Она казалась еще более худой, чем всегда. Сколько же на нее навалилось в последнее время: смерть отца, встреча с биологическим отцом, вторжение чужака Максима в ее отлаженную жизнь, нападение на нее в Москве и вчерашний инцидент. Вероника обрадовалась, что поливалка работает, но радость у нее была какая-то приглушенная. Видно было, что девушка чертовски ото всего устала. Максим дал себе слово быть с Вероникой поласковее и не раздражаться.

– Идемте завтракать, – позвала мужчин Вероника, – Наташка звонила, она оладьи напекла, сейчас принесет. Вижу, что Серега еще не появился. Зря ты, Максим, все это с отпечатками пальцев затеял, не знают они, как их снимать. Дипломы-то купленные.

К дому подошла Наташа с детьми и Мурзиком. Она приносила огромное блюдо с оладьями. Мурзик, как привязанный, шел за Людочкой, которая держала в руках сметану. Максим быстро поставил чайник и собрал на стол. Вероника куда-то сходила и принесла банку с вареньем. Все расселись. Санек с Людочкой уже позавтракали, но за компанию тоже решили съесть еще по оладушку. Максим немного рас-

слабился, почему-то он вспомнил завтраки по воскресеньям в доме у деда тогда, когда еще была жива Степка. Частенько баба Нюра пекла блины, и он наедался под завязку, даже еще больше. Дед со Степкой за столом много смеялись, и казалось, что впереди ничего плохого не будет. Хорошее было время! Сейчас Максиму приходилось все время быть начеку, анализировать слова собеседников и думать, что сказать в ответ: где чуть-чуть приоткрыть занавес, а где напустить туману.

– Привет честной компании, у Вас что? Оладушки? – В комнату вошли Роман и неизвестный Максиму парень с чемоданчиком, видимо, Серега криминалист.

Максим встал и поставил две дополнительные тарелки на стол. Вероника не шелохнулась, наморщила нос и уставилась куда-то в угол.

– Потапова, не дуйся, сейчас все в лучшем виде исполним, – криминалист набил себе полный рот, – оладушки вкусные. Наташка, ты пекла? Повезло Славке.

– Серега, ты работать пришел или оладьи есть? – Вероника совершенно не старалась выглядеть гостеприимной хозяйкой.

– Одно другому не мешает. Сытый мужик намного лучше голодного, у кого хочешь спроси. Никушка, не дуйся! Вчера Ромка палку немного перегнул, с кем не бывает. Мы же вчера только за стол сели, я только разливать начал, а тут Наташка позвонила, мол, срочно приезжай, у Потаповой ЧП. Ромка,

не хлебнув, и поехал. Сама знаешь, насухо никогда хорошо не получается.

– Это только у Вас не получается, а у нормальных людей очень даже получается. Наташка, скажи! И вообще ты отпечатки снимать собираешься?

– Дядя Сережа, а ты нам дашь отпечатки пальцев снять, мы потом в школе хвастаться будем? – детвора явно была заинтригована.

Мурзику дела до отпечатков пальцев не было. Пока люди беседовали, он медленно-медленно, как будто невзначай, подвигался к кухонному столу, где стояла упаковка из-под сметаны. Когда Мурзик оказался достаточно близко от стола, он быстро на него запрыгнул, схватил коробочку и убежал.

– Потапова, – почесал за ухом криминалист Серега, – ты вообще представляешь, сколько в кабинете у Никиты Константиновича отпечатков? Я до завтра их снять не успею.

– В кабинете снимать не надо, – ответил за Веронику Максим, – надо снять хотя бы с дверцы распределительного щитка.

– Это еще зачем? – не только Сергей, все присутствующие вопросительно посмотрели на Максима.

– Очень просто, как Вы думаете, можно было сделать из выключателя электрический стул, работая под напряжением? Нет. Наверняка злоумышленник отключал электричество в кабинете, а потом опять включил. Вот на щитке его отпечатки и надо поискать.

– Ну ты, Максим, и голова, уважаю! – Сергей подошел и пожал молодому человеку руку. – Что же получается – это кто-то свой в дом залез? Во-первых, надо было знать, что Потапова в Москву подалась. Это, пожалуй, у нас в Потаповке все знали, а вот где в доме расположен щиток, конечно, предположить можно, но, чтобы все дело провернуть, не зная точно, что где находится – это долго и стремно.

– А как ты думаешь, чужой бы полез сразу к Никите Константиновичу в кабинет? Наверное, где-то еще бы наследил, нет, он направился напрямиком в кабинет. Значит, искал что-то, к чему имел прямое отношение Никита Константинович. Это ему ясно. Давай, Серега, доедай и начинай работать! – Вероника напомнила криминалисту о его обязанностях.

– Мне тоже на работу пора! – Наташа поднялась и ушла. Дети остались с Вероникой. Никто этому не удивился. Максим понял, что для подруг это обычное дело.

– Потапова, – несмело спросил Роман, – ты вчера Зуева упоминала. Я в интернете посмотрел. Там есть олигарх Игорь Валерьевич Зуев, много чего про него написано. Ты что, его знаешь?

Вероника молча кивнула.

– Роман, у Вероники с олигархом прямая связь. Он обещал ее защищать и во всем помогать, – на всякий случай Максим решил нагнать страху на местную полицию.

Сергей действительно обнаружил свежие отпечатки на дверце распределительного щитка. Максим заметил, что Володя этому не слишком обрадовался. Позже он в окно видел, что Володя долго пытался кому-то дозвониться, но потерпел неудачу. Володя с чувством стукнул кулаком о стену, бросил смартфон и пошел в свой дом.

Максим не стал терять время и пошел чинить выключатель, а Вероника занялась приборкой в кабинете. Детей она выгнала на улицу упражняться в криминалистике. Сережа от души отсыпал им порошка и научил снимать отпечатки пальцев. Санек с Людочкой были в полном восторге и готовы были перепачкать весь дом.

Вчера в темноте Максим не разглядел обстановку кабинета, а сейчас с интересом осмотрелся по сторонам. Ему показалось, что он попал в девятнадцатый век. Вся мебель была старинной, сделанной на века. Большой письменный стол с фигурными ножками, книжные шкафы, кресла. Самое большое впечатление на Веселова произвели старинные часы с боем.

– Идут? – поинтересовался Максим.

– Если завести, – ответила Вероника, – если хочешь, заведи. – Она достала из письменного стола фигурный ключ, прямо произведение искусства.

Максим с некоторой опаской стал заводить часы – страшно сломать такую ценность.

– Не бойся, – подбодрила Максима Вероника, – я в детстве чего только с часами не вытворяла, а им хоть бы что. По-моему, часы швейцарские, сделаны хорошим мастером. Часам лет сто пятьдесят, а они идут себе и идут.

Еще одной достопримечательностью кабинета был большой портрет. Вероника пояснила, что это копия, а настоящий портрет висит в потаповском музее. На портрете в креслах, до сих пор стоящих в кабинете, сидели два благообразных мужчины в летах. По их внешнему виду сразу можно было сказать, что они принадлежали к зажиточной интеллектуальной части дореволюционного населения страны. На одном из мужчин была черная шапочка, такие раньше носили в академических кругах. Рядом с ним на маленьком столике стояла электрофорная машина, а рядом с другой женщиной – чучело утки и гербарий.

– Вон тот в шапочке – твой предок. Скорее всего, прапрадед, надо по генеалогическому дереву посмотреть. – Вероника подошла к Максиму. – Я тебе вечером все расскажу. Сейчас не хочу открывать сейф при ребятах.

– Слушай, а электрофорная машина сохранилась? – не надеясь на положительный ответ, спросил Максим.

– Конечно, сохранилась. На чердаке полно всего. Только там все в углу свалено. Надо разгрести.

У Максима зачесались руки. Как же он любил все эти сде-

ланные своими руками физические приборы. В поездке в Потаповку наметились приятные моменты.

После обеда, видимо, по заведенному порядку, Вероника достала книжку и начала читать детям. Краем уха Максим слышал, что Вероника читала про приключения Тома Сойера. Том Сойер – это было что-то из другой, старой и прекрасной жизни. Максим решил потихонечку присоединиться к слушателям. Он спустился из своей комнаты и застал идиллическую картину: Санек с Людочкой заснули на диване, прикрытые красивым пледом. Рядом с детьми пристроился Мурзик. Вероника сидела за столом и заносила в компьютер воспоминания Максимова деда. Еще будучи в Москве, она настояла, чтобы Максим взял их с собой.

Максим не стал мешать отдыхающим и вернулся к себе. Он хотел немного поработать. Еще утром, пока он чинил поливалку, ему в голову пришла одна интересная мыслишка. Надо было хорошенько поразмыслить на эту тему. Максим хотел сесть за компьютер, но почему-то обнаружил себя лежащим на диване. Когда же он в последний раз спал после обеда?

Вечером Вероника привела Максима в кабинет. Она проверила, закрыты ли окна, и задернула темные шторы. Максиму даже стало интересно, какая секретная процедура ждет его впереди. Вероника сходила в свою комнату, принесла связку ключей и сняла картину. За картиной, вопреки ожиданиям Максима, ничего интересного не было. Просто стена, оклеенная теми же обоями, что и остальная часть кабинета. На обоях был мелкий цветочный рисунок: васильки, ромашки и маки. У маков сердцевинка была черненькая. Вот в одну такую сердцевинку Вероника вставила маленький ключ и повернула. Часть стены оказалась дверью, за которой в углублении располагался большой сейф.

– Дореволюционный, – пояснила Вероника.

Дальше в дело пошли большие ключи. Наконец, дверца открылась, но за ней оказалась еще одна. Чтобы открыть внутреннюю дверь, нужно было ввести шифр.

– Помнишь, мы с тобой астрономией увлекались, – улыбнулась Вероника, – а я все никак не могла запомнить названия спутников Марса. А ты, как всегда, все знал и все помнил. Я тогда очень на себя злилась. Так вот, шифр – спутник Марса из шести букв плюс твердый знак. Вспомнил?

Чего тут вспоминать? Максим перенесся в детство. Они тогда были с Вероникой не разлей вода. Каждый день у нее

рождался целый фонтан идей, которые она, как правило, пыталась безуспешно реализовать. Максим старался ей помогать, но центр тяжести его интересов немного отличался от Вероникиных. Каждый раз, когда девочка обнаруживала, что Максим знает что-то лучше ее, она расстраивалась и пыталась догнать друга. Так было и с астрономией.

– Вероника, а ты в шахматы играешь? Научилась? Помнится, ты сильно переживала, что я умею в шахматы играть и с дядей Петей играю, а ты в шахматах профан.

– Играю понемножку, была чемпионкой Потаповки, – Вероника засмеялась.

– Ну ты и настырная!

– Да, я такая.

Вероника открыла сейф, и Максим увидел большое количество пронумерованных папок.

– В сейфе хранятся документы по истории рода Потаповых. Дядя Никита был очень аккуратный, у него все разложено в папки. Где-то в них может быть дискета, которую ты ищешь. Если не найдем, придется ехать в банк, там в ячейке лежат самые важные документы. Давай сегодня начнем с того, что я немножко познакомлю тебя с историей Потаповых.

Вероника вытащила папку, которая лежала сверху, закрыла сейф и повесила картину. Она объяснила, что дядя Никита приучил ее именно к такой последовательности действий. Он не хотел, чтобы случайный гость даже краем глаза мог увидеть местонахождение сейфа.

Из папки Вероника достала генеалогическое древо Потаповых, а из книжного шкафа – старый альбом с фотографиями и приготовилась рассказывать. Максим всю жизнь считал себя человеком, мыслящим рационально. Однако здесь, в кабинете за письменным столом, покрытым зеленым сукном, со светом от зеленой настольной лампы он почувствовал себя, как в сказке. Если не стесняться этого слова – было романтично.

– Очень далеко в глубь веков мы с тобой уходить не будем, поэтому свой рассказ я начну с Потапова Афанасия Петровича, купца первой гильдии, владельца кирпичных заводов и доходных домов. – Вероника показала первую фотографию в альбоме.

На Максима из-под кустистых бровей глянул уже немолодой человек с большим лбом. Смотрел он на Максима строго. Видимо, предок был человеком с суровым характером.

– Состояние у Афанасия Петровича было изрядное. Семья могла бы жить по самому высшему разряду, однако Афанасий Петрович баловства не любил. Детей своих не баловал и с малых лет приучал к труду. Детей у него было четверо, и все сыновья. Смотри, это Василий, Николай, Алексей и Игнат. – Вероника перевернула страницу альбома и показала следующую фотографию.

Фотография была сделана профессиональным фотографом по канонам начала двадцатого века. Посередине сидели мать с отцом, а по бокам стояли сыновья. На шее жены

купца было бриллиантовое кольцо, сам купец и сыновья были одеты в темные костюмы с галстуком. У Афанасия Петровича из кармана жилета торчала цепочка от золотых часов. Все дорого и пристойно. Максим заметил, что в фигурах сыновей купца было что-то общее. Все они были долговязыми. Эту особенность унаследовали и Петр Константинович, и сам Максим. И еще все смотрели немного исподлобья. За Максимом тоже был такой грех.

– Афанасий Петрович был большим приверженцем прогресса, поэтому все его сыновья получили очень хорошее естественно-научное и инженерное образование. Учились и у нас в стране в университете, и за рубежом. В конце концов, старший сын Василий стал правой рукой отца в кирпичном бизнесе, а Игнат был послан за границу изучить, во что новое, как сейчас говорят инновационное, можно выгодно вложить деньги. Чтобы не только в доходные дома деньги вкладывать, а во что-то, способствовавшее прогрессу. Сразу скажу, что по возвращению Игната решено было вложить деньги в производство каких-то машин для электричества и даже был построен завод. Вроде Игнат даже с Теслой встречался и сильно был распропагандирован его идеями.

Николай и Алексей – это два брата, которые решили посвятить себя науке. Николай стал местным краеведом, а Алексей, твой предок, – профессором Московского университета.

Перед революцией, когда Афанасий Петрович уже умер,

братья успели продать весь кирпичный бизнес, и Василий с Игнатом с семьями отбыли в Америку. Николай и Алексей остались в России. На их попечении осталась местные электрическая компания и завод. Грянула революция, компанию и завод национализировали. Алексей вернулся в Потаповку, и они с Николаем до конца жизни преподавали в местной школе. У Николая детей не было, а у Алексея был сын – твой дед. Дальше ты все знаешь. Давай дискету поищем завтра, сегодня я чего-то притомилась.

Вероника ехала на велосипеде и посмеивалась. Утром дети захотели показать Максиму бухточку, где они летом любят купаться. Место действительно очень красивое, только путь туда неблизкий. Саня с Людочкой нашли простое решение – надо ехать на велосипеде. Приволокли отцовский велосипед для Максима и поставили перед фактом. Максим посмотрел на велосипед как на неизвестного науке зверя. В детстве он, конечно, гонял на велике, но, когда это было? Очень осторожно он оттолкнулся от земли, крутанул педали и не упал... На лице у Максима появилось такое счастливое выражение лица, что Веронике стало смешно. И вот сейчас они двигались цепочкой на прогулку: впереди Вероника, затем ребята и в арьергарде Максим. Хорошо, что он приехал в Потаповку, с ним Веронике легче пережить свою утрату. Наташка уже прожужжала Веронике все уши, что такого мужчину нельзя упустить. Недурен собой, умен, умеет готовить и еще много чего. Вон как здорово сообразил, где надо снимать отпечатки пальцев злодея. Никто кроме него до такого не додумался. Максим, конечно, не то что дурень Ромка. В свое время она пошла на поводу у Наташки и согласилась выйти за Ромку замуж. Хорошо, что, как только она дала согласие на замужество, Ромка переехал к ней. Веронике хватило недели, чтобы понять, что с таким идиотом

она жить не сможет. Что у него за интересы? Пиво и футбол, больше ничего. Все думают, что это Ромка ее бросил, т.к. он сразу от Вероники к Таньке переметнулся, на самом деле это она его выгнала и правильно сделала. Максим не такой, как Ромка, с ним интересно. Только как Максима можно не упустить? С самого начала он заявил, что у него своя жизнь, а у Вероники – своя. Это не пустые слова, папа рассказывал, что Максим долго ухаживал за больным дедом, а после его смерти решил пожить для себя. Такое желание вполне можно понять, только немного обидно...

Саня с Людочкой ехали и ломали голову, как заставить дядю Максима начать искать сокровища. Сколько времени он уже живет в Потаповке, а о сокровищах не думает. Занимается какой-то ерундой: то поливалку чинил, то обед готовил, как будто тетя Никуша приготовить не могла. Вот с отпечатками пальцев он здорово придумал. Сразу видно, что у него мозги на букву «а», ни у кого в Потаповке таких нет. Если дядя Максим сокровища не найдет, то тогда их никто никогда не найдет, и все мечты ребят пойдут прахом.

Максим ехал на велосипеде и кайфовал. Почему он раньше отказывал себя в таких маленьких радостях? Дорога сначала шла по Потаповским предместьям, рядом с каждым частным домом был небольшой сад с цветами, вдоль забора практически у всех росла сирень. Жалко, что она уже отцвела. Зато сейчас цвел и благоухал жасмин. Максим с наслаждением вдыхал ароматный воздух и с удовольствием смот-

рел на кавалькаду велосипедистов, ехавших впереди него. Вероника наконец-то прислушалась к советам Наташи и надела джинсы. Оказалось, что у девушки точеная фигурка и даже есть некоторые выпуклости на нужных местах. Ее бы чуть-чуть откормить... Кстати, оказалось, что Вероника умеет хорошо готовить, только заморачиваться домашними делами не любит, у нее мозги повернуты в другую сторону. Вчера вечером они совместно приготовили вполне сносный обед на сегодня.

Вероника выехала из какого-то переуллка, и Максим увидел перед собой громадное поле, за которым шумел лес. Максиму захотелось разогнаться так, чтобы ветер свистел в ушах, что-нибудь заорать и быстро-быстро помчаться по дороге, которая вела к лесу. Однако Вероника повернула на дорожку, которая шла вдоль поля. Здесь тоже было красиво, но желание поорать пропало. Зато ребята явно обрадовались, ускорились, обогнали Веронику и с воплями «Ура!» слезли с велосипедов и побежали вниз в овраг. Максим подъехал к краю оврага и обомлел. Впереди медленно и величаво (другого слова Максим подобрать не сумел) текла река. День был солнечным, и река тысячами зеркал отражала свет. У Максима даже глаза немножко заболели. Как же давно он не был на природе, вот так свободно, ни от кого не завися. Вероника и ребята не в счет. Последняя мысль показалась Максиму новой, интересной и подлежащей тщательному обдумыванию. Выходило, что он может чувствовать себя свободным

не только в одиночестве. Общество Вероники его несколько не грузило, наоборот, добавляло некоторый шарм в его обычную жизнь. Максиму явно нравилось о ней заботиться, а уж выглядеть героем в глазах ребят – так это вообще удовольствие вне всякой конкуренции.

Ребята сразу побежали к воде, но остановились на самой кромке и намочили в воде только руки. Вероника подошла к столику со скамейкой, которые были вкопаны недалеко от реки, и села передохнуть. Нет, пока отдыхать Максиму совсем не хотелось. Он снял кроссовки, закатал джинсы и зашел в воду. Вода была прохладной, но не ледяной. Спортсмен Володя купался каждый день, а Максим пока не рисковал. Надо будет наверстать упущенное. Жалко, что Володе будет трудно сюда дойти, а на машине вряд ли удастся проехать. Место для купания в овраге идеальное. Края оврага защищают от ветра, а деревья, растущие у воды, вполне в состоянии защитить от солнца, если это кому-то надо. У самой кромки воды – песок. Ребята сразу же стали строить дворец.

Максим присел рядом с Вероникой. Она притащила корзину, которую привезла на багажнике, и начала готовить перекус. Дети явно этим заинтересовались и тоже уселись на скамейку. Максим удивился на хозяйственность Вероники. Сначала она заставила ребят и Максима тщательно протереть руки влажными салфетками и только потом раздала присутствующим по куску приготовленной ею шарлотки и кружке с чаем. Как показало дальнейшее, Санек с Людочкой

подсели к столу вовсе не для того, чтобы перекусить. Они напомнили Максиму, что пора бы приступить к поиску сокровищ. Максиму даже думать о сокровищах было лениво, не то чтобы их искать. Как-то ребят надо было отвлечь. Он судорожно стал вспоминать, как дядя Федор нашел клад в Простоквашино, был у него план местности с пометкой, где зарыт клад, или нет. Решил не рисковать и для верности сослаться на «Остров Сокровищ».

– А почему Вы решили, что я не ищу сокровища?

Вопрос Максима поставил ребят в тупик. Дядя Максим целыми днями занят какой-то ерундой, землю не роет, стены не простукивает. Разве так сокровища ищут?

– Ребята, Вы наверняка «Остров Сокровищ» читали или смотрели. Помните, с чего там все начинается? Все начинается с того, что находится план, где нарисовано, где искать клад. Вот я план и ищу. Без плана найти сокровища никак не получится. Мы сейчас с тетей Вероникой просматриваем старые бумаги, вдруг там что-то есть зашифрованное.

– А, если не найдете, что так сокровища никто и не найдет? Дедушка Петя говорил, что, если Вы не найдете, значит, никто, – ребята приуныли.

– Знаете, иногда план бывает зашифрованным, тогда его не сразу удастся отыскать. Нужно время, не расстраивайтесь, если клад существует, мы его когда-нибудь обязательно приберем к рукам.

– А что Вы хотите найти, какие сокровища? – поинтере-

совалась Вероника.

– Ну... золото, камешки красивые..., всякие украшения, как у принцесс.

– Откуда у нас в Потаповке принцессы? Вы подумали? – Вероника попыталась приземлить ребят.

– Так Потаповы раньше очень богатыми были, у них всяких богатств и сокровищ было полно. Нам у мамы на работе рассказывали.

Вероника закатила глаза. Ребятам простительно, они еще ничего не понимают, но взрослые-то. Туда же. Сколько уже народу клад искало: и двор перерывали, и стены металлоискателем обследовали – результат нулевой, а миф не умирает...

Жизнь показала, что тема клада и сокровищ волнует не только детей. Вечером, когда Максим с Вероникой расположились за большим столом с альбомом старых фотографий, чтобы продолжить экскурс в историю рода Потаповых, к ним на огонек заглянули дядя Леша с Володей. Они очень заинтересовались старыми Потаповыми, и Вероника практически слово в слово рассказала им то, что уже знал Максим. Почему-то больше всего вопросов у гостей вызвала судьба Потаповых, отправившихся в Америку. Вероника нашла страницы альбома, посвященные семьям старшего брата Василия и самого младшего – Игната. Собственно, у Игната еще и семьи-то не было. Перед самым отъездом он обвенчался с милой девушкой. В альбоме была ее фотография в белом платье и фате. Зато у Василия была большая семья: красавица жена и трое детей. На последней фотографии старший сын Василия Сергей был в военной форме, он снялся перед отправкой на фронт Первой мировой.

– Он остался жив? – спросил дядя Леша.

– Вроде бы да. Сведения о нем отрывочные и противоречивые. Вроде бы он остался жив в Первую мировую, а потом был распропагандирован большевиками и примкнул к Красной Армии. Дальнейшее неизвестно. В Америку он точно не уехал, но как сложилась его судьба в СССР – сведений нет.

Вообще, после революции связь между Потаповыми, оставшимися в России и эмигрировавшими в Штаты, прервалась. У дяди Никиты в архиве есть только два письма от американских родственников. О Сергее там ничего нет.

– Вероника, – смущенно проговорил Володя, – все говорят о каком-то кладе, сокровищах. Есть ли какая-то реальная почва под этими слухами?

– Думаю, что нет, – ответила Вероника, – просто людям хочется верить во что-то чудесное: в зеленых человечков, в бриллиантовые россыпи под Потаповской пылью, вот они и болтают, неведь что. Понимаете, для нас конец девятнадцатого, начало двадцатого века – страшная старина. Почему-то мы забываем, что тогда уже существовали банки, и держать ценности дома, где-то закопанными, не было никакого смысла. Потаповы владели кирпичными заводами и доходными домами. В 1915 году они все продали, зачем-то им понадобились деньги или просто предчувствовали скорую революцию, хотели что-то сохранить. Сейчас никто ответа на этот вопрос не даст. Только явно Потаповым нужны были деньги вовсе не для того, чтобы их где-то спрятать. Они открыли фирму и построили завод по производству электрооборудования в России, а остальные деньги, видимо, увезли с собой в Америку. К сожалению, все довольно прозаично.

– Вероника, а нельзя нам с Володей как-нибудь присоединиться к твоей экскурсии? – спросил дядя Леша. – Хочется чуть-чуть ограмотиться, узнать что-нибудь интересенькое

о месте, где мы сейчас живем... .

– В субботу у меня будет группа. В музей с ними ходить я Вам не советую. Там все будет очень кратко и поверхностно. Зато потом мы поедем в монастырь, где работаешь ты, дядя Леша. Хорошо бы ты, Максим, привез Володю туда на машине. В автобусе может не быть свободных мест. В монастыре очень красиво, и в изобилии есть то, что Вы называете «интересненькое». Я все расскажу, а в музей я Вас приглашаю в следующий понедельник. Для посетителей музей будет закрыт, и вы сможете там разузнать все, что Вас заинтересует.

– Заметано, – братья встали и распрощались.

Максим решил, что на сегодня для него экскурсов в историю достаточно, и хотел уйти к себе, но Вероника настойчиво попросила его пройти к дяде в кабинет. Предварительно она заперла дверь в дом и прикрыла окна.

– Максим, я должна тебе рассказать настоящую правду о сокровищах. Если они существуют, то они принадлежат тебе. – Вероника говорила совершенно серьезно.

Максим глубоко вздохнул. Что-что, а сокровища его совершенно не интересовали. Максим уже давно вышел из детского возраста. Кроме того, Вероника достаточно здраво обрисовала ситуацию дяде Леше и Володе.

– Не вздыхай, долго я тебя мучить не буду. Сокровища твои. Захочешь – будешь искать. Не захочешь – не будешь, дело твое. Мне до сокровищ дела нет, но рассказать тебе о них я обязана. – Вероника немного обиделась на Максима.

Что за человек, все ему не то, она же для него старается.

– Посмотри на эту фотографию, – Вероника показала снимок красивой женщины с замысловатой прической. На шее у нее было ожерелье, похоже, бриллиантовое. – Это твоя прапрабабка Елизавета Христофоровна. Она происходила из старинного дворянского рода. Так что ты, Максим, тоже почти дворянин.

Максим хмыкнул: «Может, пора начать набиваться в друзья к царевичу Гоше?»

– Не смейся! Здесь дело серьезное. В качестве приданого Елизавета Христофоровна принесла мужу малую парюру.

– И с чем эту парюру едят? – поинтересовался Максим.

– Парюра – это комплект ювелирных украшений, которые выполнены в едином стиле из похожих камней. У Елизаветы Христофоровны было ожерелье, которое ты видишь на фотографии, серьги, кольцо и брошь. Обычно в комплект парюры входит еще и диадема, но у твоей прабабки ее не было. Поэтому я тебе и сказала, что в приданом была не парюра, а малая парюра.

– Действительно, важное уточнение, – засмеялся Максим. – Думаю, что эта самая малая парюра куда-то заделалась, и ты предлагаешь мне ее поискать.

– Я тебе ничего не предлагаю, просто рассказываю. Перед самой революцией Елизавета Христофоровна простудилась и заболела чахоткой. Муж хотел отправить ее на лечение в Италию на деньги, вырученные от продажи бриллиантов, но

чахотка оказалась скоротечной, и твоя прапрабабка скончалась. Дядя Никита был уверен, что парюра спрятана где-то в доме, пытался ее найти, но не смог. Никаких планов, где ее искать, нет. Теперь все. Нет, не все. Драгоценности Елизаветы Христофоровны были очень дорогими, поэтому при ее жизни были изготовлены очень качественные, но более дешевые копии. Копия ожерелья у меня, мне бы хотелось ее у себя оставить, хотя по совести, ее надо отдать тебе.

– Вероника, зачем мне ожерелье? Возьми его себе и носи с радостью!

– Я никогда не надену это ожерелье! Мне оно нужно совершенно для другого. Ожерелье хранилось у папы, и моя мать пыталась его украсть. Так получилось, что я помешала ей это сделать. Думаю, что ожерелье ей было нужно, чтобы купить Зуева и заставить его на ней жениться. Может быть, это он подговорил ее украсть бриллианты. Факт тот, что я помешала матери, и она погибла. Получается, что я виновата в ее смерти. Теперь я хочу отдать ожерелье Зуеву, пусть он им подавится.

Утром Максим проснулся оттого, что ему приснился совершенно дурацкий сон: ветхий сарай, который стоял на самом краю участка, обрушился на машину Максима. Он выглянул в окно: с машиной все было в порядке. Однако на всякий случай Максим все же решил переставить машину подальше от сарая. Береженого Бог бережет. Когда он возвращался домой, на крыльце он увидел Веронику в одном халатике, надетом на ночнушку. Ночью прошел дождь, и на улице заметно похолодало. Вид у Вероники был как у маленького нахохленного, замерзшего воробышка, на лице у нее была написана вселенская скорбь.

– Ты что, не уехал?

– А куда я должен был уехать? – удивился Максим.

– Наверное, я дура, мне приснился сон, что ты уехал в Москву насовсем. Я проснулась – тебя в доме нет, выглянула в окно – машины тоже нет. Ничего не могла понять.

– Бывают же совпадения, мне приснился сон, что сарай упал на машину, вот я ее и переставил. Пойдем завтракать. Предлагаю ограничиться банальной яичницей, а вот кофе предлагаю сварить в кофеварке, а не так, как вчера в кофейнике, на скорую руку.

Максим с Вероникой не спеша завтракали, смотрели но-

вности по телевизору. Санек с Людочкой сегодня коротали время с родителями, а вот Мурзик почтил молодых людей своим вниманием. Максим уже смирился с его присутствием, как с неизбежным злом. Еще бы коту не приходиться в гости, Вероника встала и положила в мисочку сметаны. Каждый раз Максим удивлялся, с каким умилением Вероника наблюдает за обжорой, который уписывает угощение.

– Максим, у нас на плите ничего не стоит? Тебе не кажется, что пахнет горелым? – несколько неожиданно спросила Вероника.

Максим втянул в себя воздух, действительно запах гари присутствовал. Он встал и осмотрел всю плиту. Все было нормально. Посмотрел в окно, там тоже была тишь да гладь. Хорошо, что Максим не поленился пройти в другую комнату и посмотреть, что делается на другой стороне дома. А там – полыхал сарай. Пламя уже дошло почти до крыши.

– Вызывай пожарных! – крикнул Максим Веронике и кинулся к поливалке. Хорошо, что к ней был приделан длинный шланг, и струя воды достала до сарая.

Краем глаза Максим видел, что прибежали Володя с дядей Лешей, а потом Наташа со Славой. Саню с Людочкой к сараю близко не подпустили, хотя они жаждали принять самое активное участие в тушении пожара. Дядя Леша притащил из своего дома огнетушитель, но реально потушить пожар удалось только профессионалам, пожарникам. Вслед за пожарными к дому подкатил Роман. Тушением пожара он

себя не утруждал, зато походил вокруг да около и нашел пустую канистру из-под бензина. Поджог! Надо вызывать Серегу – криминалиста.

Пламя потихонечку ликвидировали, но дым от головешек был еще очень сильным. Сараю, конечно, было лет сто, и внутри ничего ценного не было, но все равно жалко. Хорошо, что Максим отогнал машину. С вещими снами Максим столкнулся впервые. Раньше относился к таким вещам со здоровым скепсисом. Вот Веронике все было совершенно очевидно – у Максима сильный Ангел-хранитель. Так или не так, но машина оказалась в безопасности. Спасибо всем, кто помог в этом.

Опасность миновала, и людям понадобилась разрядка. Все посмотрели друг на друга и начали смеяться. Громче всех хохотали ребята. Не каждый день увидишь взрослых такими чумазами.

Максим уже собрался пригласить соседей попить кофе, как началось новое шоу. К дому подъехал черный лимузин. По законам жанра из него вышел шофер в черном костюме, обошел машину и открыл заднюю дверь. Из машины выплыл Зуев в дорогушем костюме и белоснежной рубашке с галстуком. На ногах у него были блестящие концертные ботинки. Внешний вид Зуева настолько сильно контрастировал с окружающей действительностью, что он казался пришельцем из другого мира.

– Что здесь происходит? Вероника, Максим, что случи-

лось? – вопрос был задан таким тоном, что проигнорировать его было просто невозможно. Тем не менее Вероника промолчала, на лице у нее появилась каменная маска. Пришлось отвечать Максиму. Пока он обрисовывал ситуацию, ему в голову пришла одна мыслишка, которая требовала немедленной реакции. Вход в дом, расположенный с противоположной стороны, уже довольно длительное время стоял открытым без присмотра. Максим вбежал в дом, сразу же бросился к кабинету и вздохнул с облегчением. Его секретные метки на двери были не тронуты. Слава богу, никто на потаповские секреты не покусился, пожар был затеян с единственной целью сжечь сарай. Зачем? Ради устрашения? Смешно.

Раз уж Максим зашел в дом, он решил переодеться и поднялся в свою комнату. Вот где злоумышленник оттянулся. Все вещи были раскиданы, а ноутбук стоял включенным и требовал ввода пароля. Максим усмехнулся. Его голыми руками не возьмешь. Для того чтобы взломать его комп, нужен продвинутый профессионал, а не любитель мелких пакостей. Все свои документы Максим давно убрал в сейф, поэтому особого урона злодей ему не нанес, просто на душе стало пакостно. Хотя теперь становилось понятным, зачем был организован пожар. Наверняка сработало сарафанное радио, и заинтересованные люди узнали, что Максим – наследник Потапова. Вот кто-то и решил поинтересоваться деталями. Замки в дом Максим поменял, поэтому попасть в него легче всего было в открытую дверь. Дело было только

за тем, чтобы вытурить их с Вероникой из дома.

Когда Максим вернулся к пожарищу, он застал картину, заставившую его улыбнуться. Посредине толпы «пожаротушителей» стоял Зуев, которого окружающие хором вводили в курс дела. Особенно старались Санек и Людочка. Вероника делала вид, что Зуева не существует в природе.

– Господа, – обратился Максим к собравшимся, – позвольте украсть у Вас представителя власти. Он нужен в доме.

Естественно, что все сейчас же кинулись в дом. Зуев шел, не торопясь, сохраняя чувство собственного достоинства. Его шофер, или охранник шел чуть в стороне, с подозрением оглядывая окрестности. В дом он вошел впереди хозяина, а потом кивком разрешил ему войти.

Роман, как увидел разгром в комнате, сразу же вызвал криминалиста Сергея. Как только он появился, возник спор, где лучше всего снимать отпечатки, т.к. много работать Сергей не любил. Вероника предположила, что злодей мог уйти из дома через черный ход, который запирался изнутри на большую задвижку. Так и оказалось: задвижка была отодвинута, а дверь распахнута. Вот с ручки этой самой задвижки Сергей и снял отпечатки пальцев. Потом он вытер пот со лба и задал свой коронный вопрос, нет ли чего пожрать. Зуев мигнул шоферу, и тот достал из машины скатерть-самобранку или рог изобилия. Это кому как нравится. Народ повеселел. Хочешь – не хочешь, Веронике пришлось исполнять роль хозяйки, а Максима Зуев попросил показать каби-

нет, где случилось прошлое злодеяние. О нем ему уже успели рассказать ребята. Вероника нехотя дала ключи Максиму и шепнула, чтобы он не показывал Зуеву сейф. Максим – не дурак, сам до этого догадался.

В кабинете с Зуева слетела маска безразличия, и он очень внимательно, с интересом осмотрел интерьер.

– Сплошной антиквариат. Неужели это все дореволюционное? – Зуев огляделся вокруг. – Как только все это сохранилось, тем более в таком прекрасном состоянии? Сколько сейчас ни старайся, как под старину ни подделывайся, а такого благородного интерьера не сотворишь. Неужели часы идут?

– Да, я тоже от часов без ума. Вероника говорит, что они швейцарские, конца девятнадцатого века. Идут как миленькие. Я их раз в два дня завожу. Если бы Вы слышали, как часы бьют. Музыка...

– Пращур-то твой на картине есть? Благообразные перцы! – Зуев остановился перед семейным портретом.

– Да, по словам Вероники тот, что сидит рядом с электрофорной машиной, мой прапрадед. До революции он вроде был профессором Московского университета.

– Это что ж получается: занятие физикой у Вас передается по наследству! – Зуев засмеялся. – Я так понимаю, что сейф за картиной. Тебе, надо думать, приказано о сейфе молчать, так что можешь не отвечать. Все и так ясно. Ладно, давай о наших баранах, – Зуев уселся в кресло, – проверь, хорошо

ли дверь прикрыта, и крикни Витьку. Пусть рядом с дверью подежурит. Лишние уши нам ни к чему.

За Витькой Максиму идти не пришлось, он и так подпи-
рал стенку рядом с дверью в кабинет.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь? Докладывай! – Зуев
посмотрел на Максима в упор.

– Что думаю? – Максим усилием воли заставил себя по-
гасить раздражение. Кто такой Зуев, чтобы призывать его к
ответу?

– Не злись, не злись! – правильно оценил реакцию Мак-
сима Зуев. – Иногда зарываюсь и начинаю командовать там,
где надо сидеть тихо. Уважь старика, расскажи, что думаешь.

– Думаю, что версий у происходящего может быть три.
Первая – личная неприязнь к Веронике. Эту версию я считаю
маловероятной. Я видел ее коллег и друзей. Фокус с вы-
ключателем им не по зубам. Вторая версия – кто-то пытается
сделать жизнь Вероники в Потаповке невыносимой и тем
самым принуждает продать дом. Олигархи и местная адми-
нистрация при мне никак не засветились, поэтому из подо-
зреваемых на сегодняшний день у меня только полицейский
Роман, вернее, его тесть. У Романа с Вероникой, судя по все-
му, была любовь, а женился он на дочери прокурора. Гово-
рят, что они расстались, т.к. Роман к более выгодной партии
переметнулся, но я подозреваю, что Вероника его прогнала.
Несостоявшийся жених к ней по-доброму относится, а она
на него только фыркает. Правда, если тесть прикажет, Роман

возьмет под козырек и сделает все, как прикажут. Это без вариантов.

– Да, слава богу, что Роман – жених несостоявшийся. Не по Сеньке шапка. Говоришь, тесть у Романа прокурор? Вполне может на дворянское гнездо глаз положить. Вполне жизнеспособная версия. Что еще?

– Третья версия – это подработанная Ваша версия. Мне кажется, что она самая верная. Я предполагаю, что где-то рядом с нами могут жить еще Потаповы, которые нам неизвестны. Они что-то от нас хотят. Подозреваемых у меня пока нет. Надежда только на дискету, которую мама хотела передать Петру Константиновичу. Выяснилось, что она здесь, в доме. К сожалению, пока мы ее не нашли. Как только найдем, что-то должно проясниться.

– Как же дискета попала к Потаповым? Сумку же у Кати украли.

– Очень просто. Дискета была не в сумке, а в кармане в пальто. Ее отцу в морге отдали, ну, а он передал по назначению.

– Значит, Катерина пропала ни за что. Жаль ее. Все-таки я был прав, когда предположил, что Катя и Ирина погибли не случайно. Я не ожидал увидеть здесь того, что увидел. Такое впечатление, что смерть Петьки разворошила осиное гнездо. Много лет ведь тихо было. Идеальных преступлений не бывает. Кто-то где-то обязательно проколется. Главное, Вам с Вероникой до этого дожить. Камеры наблюдения вокруг до-

ма поставить не думаешь? А то пока Вы дискету искать будете, спалят Вас к чертовой матери.

– Установку внешних камер я давно заказал, их три дня назад должны были поставить, но что-то у фирмы не заладилось. Какой-то форс-мажор. Внутри дома я тоже хочу камеры поставить, сам поставить, ночью без свидетелей, чтобы никто о них не знал. Для дома камеры я заказал, но даже боюсь загадывать, когда их сюда доставят. В Москву надо бы съездить, там этого добра навалом, только Вероника ехать никуда не хочет, а мне ее одну оставлять боязно.

– Камеры завтра будут, Витя все устроит. Если что надо, звони, не стесняйся, Витя все исполнит в лучшем виде. Ему доверять можно, сто раз проверен. Я бы тебе еще охрану нанять предложил, ты подумай, головой не качай.

– Пока смысла нет. Крови нашей никто не жаждет, пако-стят, конечно, но по мелочи, что-то ищут, скорее всего, документы, которых у них сейчас нет. Мне кажется, что рано или поздно появиться судебный иск, где люди X заявят свои права на наследство.

Максим с Зуевым вернулись в столовую. Там, в отсутствие именитого гостя, народ не стеснялся и угощался по самое не хочу. Одна Вероника не участвовала в празднике жизни, сидела с обреченным выражением лица.

– Вероника Петровна, – обратился Зуев к дочери, – к сожалению, я ограничен во времени. Не могли бы Вы проводить меня на могилу Петра Константиновича?

– Могу, только если с нами пойдет Максим.

– Как же без Максима, – усмехнулся Зуев. – Господа, пойдёмте скорее! Витя, пока меня не будет, покатай мелюзгу на машине, дай им за руль подержаться.

Санек с Людочкой наперегонки кинулись к лимузину. Зуев тоже подошел к машине и достал из багажника букет гладиолусов.

– Гладиолусы, откуда они в июне? – удивилась Вероника. – Именно такие любил папа.

– Именно такие любила Катя, а Петя любил все, что любила она, – пояснил Зуев. На этом начавшийся было диалог затух. Почти всю дорогу до кладбища шли молча. Максиму очень хотелось задать Зуеву несколько волновавших его вопросов о матери, но он не решился, только перекинулся несколькими общими словами с Зуевым о погоде.

Игорь Валерьевич внимательно осмотрел семейные захоронения Потаповых и положил букет на могилу Петра Константиновича. Немного постоял молча. На короткое время Зуев перестал следить за лицом, и сразу стало ясно, что он очень немолод. Морщины и темные круги вокруг глаз, седина, опущенные плечи.

– Я видел у входа на кладбище лавочку, может быть, посидим немного там? Мне надо отдышаться. Извини, Вероника, что отнимаю твое время. Кстати, я решил больше не звать тебя Плаксой. Это в младенчестве ты все время орала, мать никак не могла тебя успокоить. Между прочим, на руках у Катерины ты сейчас же успокаивалась. Сейчас ты выросла, а я состарился. Вон Петька уже на тот свет отъехал. Скоро и мне пора. Когда-то нам с тобой надо объясниться. Только сначала поговорю с Максимом. Мне это кажется или нет? Ты, Максим, вроде все время хочешь меня о чем-то спросить и не решаешься?

– Да хочу. Я все никак не могу понять, зачем мама вышла замуж за отца, если она его не любила?

– А чего у Гришки не спросил?

– Отцу тяжело со мной говорить на эти темы. Я вижу, что он всеми силами избегает остаться со мной один на один.

– Ясно. Два страуса, что он, что Петька. Судьба у Кати была очень тяжелая, можно даже сказать, что трагическая. Дед и бабка твои не всегда на высоте были. Не боишься услышать правду?

– Не боюсь. Я должен разобраться с прошлым и идти дальше. Нельзя скелеты из шкафов доставать по кусочку, надо сразу целиком и все. Я так считаю.

– Что же, решение твое. Буду говорить все, как есть. Ты должен знать, что твоя мама была дочерью родной сестры Антоши, непутевой сестры. Жизнь с отцом Катерины у нее не сложилась, и довольно долго твоя бабушка куковала в одиночестве. Катя уже школу заканчивала, когда, наконец, бабушке привалило счастье, и она обрела законного мужа, а Катерина – отчима. Мама твоя была редкой красавицей. Совсем не такой, как Ирина – мать Вероники. У Ирки всегда все было очень ярко и напоказ. Катя же была тихой и скромной. Цвет лица у нее был совершенно необыкновенный – фарфоровый, волосы русые, глаза огромные. Но это все ерунда, дело не в чертах лица. Во всем облике у Катерины сквозила чистота и целомудрие. Это-то и сводило мужиков с ума, хотя они ее совершенно не интересовали. Так вот, отчим не сдержался и изнасиловал твою мать. Хуже всего, что мать Катерины об этом узнала и обвинила дочь в том, что это она соблазнила отчима. Катерина ушла из дома и какое-то время жила у двоюродной тетки, а потом уехала в Москву и поступила в институт. Проблема состояла в том, что в институте было туго с общежитием. Кто там из родственников попросил Антошу приютить племянницу, врать не буду, не знаю. Представляешь, Максим, как трудно найти в четырехкомнатной квартире угол для девчонки. Степанида была недовольна присут-

ствием Антошиной племянницы, тем более что история с отчимом ей была известна. Поселила Катерину в прихожей вместе с домработницей Нюрой. Катерина не обижалась и с удовольствием училась, занималась она у Гришки в комнате. Он не возражал. Надо сказать, что они с Катей быстро подружились, правда, никакой любви там не было. Гришка сох по Верке. Она отвечала ему взаимностью, и все было бы хорошо, если бы не война Степаниды с Веркиной матерью – Галечкой. Вы с Вероникой должны ее помнить – балерину из погорелого театра.

– Как же, как же, вся из себя возвышенная, странно, что по воздуху не летала. – Максим хорошо помнил, как Степка высмеивала соседку. – На заре своей карьеры Степка играла все больше передовых колхозниц и работниц. Галечка это презирала. Помню, встретит на площадке Петра Константиновича и спрашивает: «Вам не кажется, что у нас здесь селом пахнет?» Ну и, ясное дело, нос морщит.

– А папа обычно отвечал: «Вы правы, Галечка, у нас на площадке явно слышится аромат луговых цветов», – продолжила Вероника и засмеялась.

– Да, а потом вышел фильм, где Степка сыграла Кручинину в «Без вины виноватых» с ее сложными душевными переживаниями. Выглядела она в фильме так, что ее трудно было заподозрить в близости к селу. У фильма и у Степки был оглушительный успех. Помню, как Степка смеялась, что теперь будет спрашивать у Петра Константиновича, не пахнет

ли на площадке какой-нибудь балетной гадостью.

– Галечка была противной и вовсе не возвышенной. Я как-то зашла к Вере Иосифовне отдать книжку, – приняла участие в разговоре Вероника. – Я у нее часто брала книжки почитать. Вера Иосифовна меня быстро выставила, но я все равно услышала, как Галечка матом ругалась на бедного Иосифа Соломоновича. Он же академиком был, не от мира сего, чем-то жене не угодил. Помню, Иосиф Соломонович спокойно так дал Галечке денег и посоветовал пройтись по магазинам. Она тогда стала орать, что у Степаниды Кузьминичны шуба новая, а у нее денег на новую шубу нет. Иосиф Соломонович очень удивился, зачем Галечке новая шуба, когда у нее уже две в шкафу висят. Больше я ничего не услышала. Неужели из-за вражды родителей Григорий Антонович и Вера Иосифовна не смогли пожениться?

– Почему это тебя удивляет, Вероника? – Зуев продолжил свой рассказ. – Время тогда было другое. Вероника, если знаешь, какой стервой была Галечка, то должна знать и то, как умела ругаться Степанида. На Галечку Степаниде было наплевать. Она боялась, что женитьба на женщине с еврейскими корнями может стоить Гришке карьеры, а уже за Гришку она могла порвать любого. Самое ужасное, что и самого Гришку тоже. Ладно, это лирическое отступление. У Гришки с Веркой была любовь, а против любви, как против лома, приема нет. Было лето, Галечка жила на даче, академик Веркиными амурами не заморачивался, а Степанида с Антошей

отчалили на дачу. Верка с Гришкой расположились у него в комнате, а Катя легла спать у себя в отсеке в прихожей. Легла спать, но заснуть не успела. Она была ближе к входной двери, поэтому первой услышала, что старшее поколение вернулось домой. Позже выяснилось, что Антошу срочно вызвали на работу, у бедняги был специальный телефон на даче. Катя кинулась предупредить Гришку с Веркой. Верка только успела вскочить с постели и спрятаться за шторой, как в квартире появились Степанида с Антошей. Представьте себе картину, они входят и видят: Гришка лежит в постели, на второй подушке вмятина, а Катерина в комнате у Гришки в одной ночной рубашке.

Максим, ты наверняка не знаешь, но дед твой ходок был еще тот. Ответственность на нем лежала чудовищная, вот ему время от времени и надо было оттянуться. Степанида об этом знала, не одобряла, но молчала. Уверена была, что муж любит только ее одну. Катерину историю Степанида знала и относилась к девушке настороженно. Волновалась, как бы чего у Антоши с племянницей не получилось. Когда Степанида застала Катерину в комнате у Гришки, скандал она закатила образцово-показательный. Степанида себя в выражениях не ограничивала. Антоша потребовал, чтобы Гришка женился на Кате. Гришка согласился с условием, что Антоша купит им с Катериной квартиру, т.к. после высказываний матери в адрес Катерины он со Степанидой жить под одной крышей отказался. Степаниде это было на руку, ей главное

было сбыть с рук Катю. Я подозреваю, что великая актриса прекрасно разглядела Верку за шторой. Она вообще на три метра под землей видела. О том, что у нее испортятся отношения с Гришкой, Степанида не волновалась. В ее актерском и женском арсенале было сто способов вернуть Гришку в лоно семьи. Антоша тогда быстро купил молодым трехкомнатный кооператив, и Гришка с Катей расписались. Брак был фиктивным. В одной комнате жил Гришка, как правило, с Веркой, в другой – Катя, третья комната была общей. Мы там часто все собирались. Антоша так устроил, что Катя была собственницей половины квартиры. Племянница была очень благодарна дяде, но больше ни разу порога квартиры, где обитала Степанида, не переступила. С переездом в кооператив жизнь у Катерины наладилась. Она окончила институт и пошла работать в архив, где познакомилась с Ириной – будущей матерью Вероники. От Ирины я и знаю многие подробности. Однажды мы все поехали на какую-то конференцию за город. Я остался ночевать в гостинице, а Гришка, Петька и Катька уехали домой на Гришкиной машине. По дороге они попали в небольшое ДТП, не по Гришкиной вине. Катя и Петька не пострадали, а Гришка трахнулся головой, и у него подозревали сотрясение мозга. Его оставили в местной больнице до утра. Петьке с Катей где-то надо было перекантоваться. С этой ночи, уверен, и началась твоя жизнь, Максим. Петя любил Катерину, они были созданы друг для друга, но, как часто случается в жизни, появляется большое

НО. Петя был прекрасным ученым, мог решить любую задачу, только он не умел драться. Вместо того, чтобы объяснить-ся с Гришкой и отобрать у него любимую женщину, Петька начал распускать нюни и корить себя за то, что переспал с женой своего лучшего друга. Катя была женщиной умной и все поняла. Когда ты, Максим, родился, она была абсолютно счастлива. Ты ей был дороже всех мужчин на свете, включая Петьку. Больше, извини, добавить ничего не могу.

– А почему отец не женился на Вере Иосифовне после смерти мамы?

– Ну, во-первых, в отношении Галечки к нему ничего не изменилось, а, во-вторых, Галечка нашла для Верки мужа. Верка категорически отказывалась выйти замуж, но Галечка подтянула тяжелую артиллерию. Она пригрозила испоганить жизнь Иосифа Соломоновича и довести его до второго инфаркта. Верка очень любила отца и была вынуждена согласиться. Гришка дождался, когда ты немного подрос, и смотался в Штаты, чтобы не видеть Верку и ее муки. Сейчас у Гришки с Веркой началась вторая молодость, милуются голубки. Дорогие мои, время идет, а мне бы хотелось, чтобы Вероника приоткрыла завесу еще над одной тайной. Что тогда, за день до смерти Ирины, случилось с ожерельем? Оно нашлось?

– Ожерелье? Оно никогда не пропадало. Лежало у папы в ячейке в банке. Я его привезла сюда, в Потаповку. Когда вернемся домой, я его Вам отдам, – Вероника цедила слова,

отвернувшись от Зуева.

– Мне-то оно зачем?

– Не скромничайте, Игорь Валерьевич, разве мать пыталась его украсть не для Вас?

– Раз ты считаешь, что Ирка пыталась спереть ожерелье для меня, то, скорее всего, считаешь, что это я ее убил после того, как она провалилась? – ледяным тоном спросил Зуев после некоторого размышления.

– Именно так я и считаю, поэтому никак не возьму в толк, зачем Вам нужны эти игры с поиском виновного в смерти матери? Хорошо бы понять, зачем?

– Так, мне надо было раньше сообразить, что в голове у моей доченьки.

– Не смейте называть меня доченькой, мы с Вами абсолютно чужие люди! – Вероника от возмущения покраснела.

– А ты всегда судишь так безапелляционно или готова рассмотреть факты?

– Давайте Ваши факты и закончим с этой темой раз и навсегда!

Зуев набрал номер на телефоне: «Гришка, это Игорь. Я в Потаповке. Объясни, пожалуйста, Веронике, что я не мог убить Ирку».

– Да, деточка, – Максим хорошо слышал слова отца, хотя и сидел в некотором отдалении от Вероники, – Игорь никак не мог убить Ирину. Ты помнишь, мы тогда все были на кон-

ференции. На вечеринке после доклада Пети у Иры пропало фамильное ожерелье Потаповых. Поначалу Ира отнеслась к этому несколько индифферентно, а потом ночью закатила жуткий скандал. Антону Борисовичу даже пришлось вмешаться и ее утихомирить. Утром мы с Верой пошли пройтись и встретили Игоря с Ирой. Игорь уговаривал Иру чего-то не делать, но она довольно резко послала его, повернулась и ушла. Игорь вместе с нами вернулся в дом отдыха, и мы втроем пошли завтракать. Сидели в столовой довольно долго, там нас и застала весть, что Ира погибла. Игорь никак не мог ее убить. Я считал и считаю, что это был несчастный случай.

– Убедилась, что я не убийца? Доказательств, что это не я заказал ожерелье Ирине, у меня нет, придется тебе поверить мне на слово или не поверить, дело твое. Тогда утром Ира должна была встретиться с человеком, которому хотела продать потаповские документы. Я ее отговаривал идти на встречу, но не преуспел. Вероника, а ты любила мать?

– Когда была маленькой, любила, но быстро поняла, что она меня не любит, и тоже стала относиться к ней никак. Главное, что пока она была жива, никто не отправил бы меня в детский дом.

– Что за выдумки, кто мог тебя отправить в детский дом?

– Как кто? Вы!

– Я??? Ты в уме?

– Почему-то все взрослые думают, что если детей поло-

жить спать, то они действительно спят и ничего не слышат. Помните, Вы привезли нас домой после дня рождения у Максима. Вы, конечно, на меня внимания не обращали, кто я такая, чтобы на меня внимание обращать. Вы орали на мать и пригрозили, что если она погибнет, то я поеду в детский дом как миленькая. Скажете этого не было?

– Это было. Вероника, ты взрослая женщина. Неужели ты не понимаешь, что это была фигура речи, я просто хотел припугнуть Ирину. Она же собралась искать потаповские документы для продажи. Я же боялся за нее.

– Может, это и была фигура речи, но я всю жизнь тряслась, что могу отъехать в детский дом! – Вероника расплакалась.

– Знаешь, Вероника, пойдем в дом. Перекусим, а потом договорим. Я далек от мысли, что ты должна считать меня отцом. Ты вовсе не должна считать себя обязанной подавать мне стаканы воды, когда я одряхлею и состарюсь. Тем не менее, я вовсе не хочу, чтобы ты думала обо мне как о последнем мерзавце.

Рядом с домом кипела работа. Как это только удалось Виктору, но камеры наблюдения были уже почти установлены, и сигнал с одной из них был выведен на экран неизвестно откуда взявшегося компьютера. Дети с восторгом наблюдали из дома за происходящим во дворе. Мурзик, как обычно, валялся на диване. Максим удивился, когда Зуев сел рядом с котом и начал чесать ему за ухом. Мурзик аж начал урчать от удовольствия.

Вероника с Максимом хотели начать накрывать на стол, но их опередил Витя. Он вполне освоился и отлично знал, что где лежит. Для Зуева Виктор принес специальную еду из машины. Мужчины с аппетитом поели, а Вероника только поелозила ложкой в супе. Она сидела, вся сжавшись, и о чем-то напряженно думала. Максим хотел приободрить девушку, но не сумел придумать как.

– Вероника, Максим, может быть, информации для Вас многовато, может быть, перенесем окончание разговора на будущую встречу?

– Нет, зачем отрезать хвост собаке по частям, – отрезала Вероника, – Вы хотите доказать, что это я монстр, давайте с этим закончим. Я, наконец, узнаю о всех своих несовершенствах.

– Как скажешь, – Зуев решил не реагировать на колкости

Вероники, – только пойдёмте в кабинет. Лишние уши ни к чему.

Вероника сходила за ключами, впустила мужчин в кабинет, задернула шторы, включила свет и открыла сейф. Зуев аж присвистнул. Хорошая вещь всегда радует глаз. Вероника вытащила из сейфа свою детскую игрушку – то ли белку, то ли зайца, положила ее на стол и закрыла сейф. Потом распорол шов и вытащила из игрушки ожерелье. Камни сразу заиграли всеми цветами радуги.

– Вот ожерелье, о котором Вы, Игорь Валерьевич, спрашивали. Дело было так. У нас был двухкомнатный люкс. Меня, как водится, мать положила спать, но я не спала. Дверь в большую комнату была приоткрыта, и в зеркальной дверце шкафа я видела все, что там происходит. После успешного доклада папы у нас в большой комнате собрались папины коллеги и друзья. Перед вечеринкой мать решила напоить папу чаем. Я хорошо видела, что перед тем как дать ему чашку, она туда что-то капнула. Я только хотела крикнуть и предупредить папу, как увидела, что он вылил чай в цветочный горшок в тот момент, когда мать отвернулась. При гостях папа сел в кресло и через некоторое время сделал вид, что задремал. На самом деле он очень внимательно следил за происходящим. Мать надела ожерелье и стала им хвастаться. Женщины, конечно, разохались, и мать сняла с себя ожерелье, чтобы лучше продемонстрировать его достоинства. В это время вдруг погас свет. Можете считать меня

монстром, но я до сего момента считала, что это Вы устроили аварию. В коридоре кто-то истошно закричал, и все вылетели из комнаты. Мать взяла ожерелье, положила его мне под подушку и только потом вышла в коридор. Не знаю почему, я вытащила ожерелье и сунула его в эту игрушку. У нее и в то время шов все время расходился. Папа все это заметил и сделал мне знак молчать. Через некоторое время все вернулись в комнату и увидели, что ожерелья нет. Как выразился Григорий Антонович, мать отнеслась к потере индифферентно и отказалась вызывать полицию. Папа продолжал делать вид, что спит. Когда гости разошлись, мать полезла ко мне под подушку... и не обнаружила ожерелье. Что тут началось! Мать такого наговорила папе, что я повторять не стану даже под страхом смерти. Она даже попыталась ударить папу, хорошо, что пришел Антон Борисович и указал матери на ее место. Рано утром она куда-то ушла, больше я ее живой не видела. Все.

– Вероника, меня не было среди гостей, потому что я отвозил Степаниду и Максима в Москву. Вернулись мы поздно ночью, когда ожерелье уже пропало. Так что алиби у меня есть. Я так понимаю, что ожерелье ты носить не собираешься. Положи его назад в сейф. Подаришь дочери на свадьбу.

У Вероники глаза наполнились слезами, и она убрала ожерелье в игрушку:

– Это не настоящие бриллианты. Это копия ожерелья, которое было у прапрабабушки Максима.

– Вот и хорошо. С бриллиантами большая морока. Теперь слово возьму опять я и немного расскажу о себе. Я родился в маленьком городке в Подмосковье в маленьком частном доме. Мама у меня преподавала русский и литературу в школе, отца своего я никогда не видел. Я хорошо учился, поступил в институт, там меня случай свел с Антошей, дедом Максима. Что-то он во мне углядел и сделал своим помощником, оруженосцем. Таких талантов, как у Петьки и Гришки, к науке у меня не было. Зато я понимал толк в том, что сейчас называют менеджментом. Просто слов таких тогда никто не знал. Мы с Антошей сработались, и я стал бывать у него в доме, познакомился со Степанидой. Вот представьте, я вставал в пять утра, тащился в любую погоду до вокзала, тряся в электричке, потом на метро и еле-еле поспевал к началу рабочего дня. Вечером опять метро, электричка, лужи и грязь по дороге домой. И вот с таким бэкграундом я попадаю в четырехкомнатные хоромы Веселовых и Потаповых. Потолки теряются где-то в небесах, домработницы и бомонд в качестве гостей. Не скрою, завидно мне было, очень завидно, и я решил, что обязательно пробьюсь и буду жить так же, как и Антоша. В эти годы я встретил Ирку. Обратил на нее внимание, потому что она напомнила мне мать, которую я очень любил. От Ирки я никогда не скрывал, что женитьба на ней в мои планы не входит, во всяком случае, пока я не выйду в люди. Но разве Ирка меня слушала, гнула свою линию также настойчиво, как и ты, Вероника. Вы, женщины, навообража-

ете себе неизвестно чего, а потом обижаешься, что не по-Вашему получилось. Родилась Вероника. Я – реалист, поэтому прекрасно понимал, что мы с Ирккой хорошими родителями дочери быть не сможем. Вот я и придумал выдать Ирку замуж за Петьку. На Ирку ему было наплевать, а к Веронике Петька привязался. Собственно, это была идея Степаниды. Она опасалась, что Петька женится на своей домработнице.

– На Кикиморе? – Вероника и Максим ахнули.

– Да, на Лидке, она действительно была настоящей кикиморой. Лидка обхаживала Петьку и очень надеялась на взаимность. Степанида Лидку терпеть не могла и как-то сумела уговорить Петьку жениться на Ирке. Жизнь у Ирки кардинально изменилась. Она бросила работу. Целыми днями третировала Лидку или моталась по магазинам. Несмотря на то, что Ирка как сыр в масле каталась, она постоянно жаловалась, что ей очень тяжело. Действительно, как-то Петька затащил ее в консерваторию, и ей пришлось три часа мучиться. Потом в ресторане Петька вместо того, чтобы с Ирккой танцевать, формулы на салфетке выписывал. Еще Степанида к Ирке без должного пиетета относилась. В общем жизнь была непереносимая. Подозреваю, что она какого-то мужика себе нашла, решила хапнуть ожерелье и свалить с ним. Но не срослось... Теперь по поводу моего отношения к тебе, Вероника. Степанида меня в курсах держала. Знал я, что с Петькой тебе хорошо. Когда ты заболела, это я к тебе профессора привозил, и это я дефицитные лекарства для те-

бя достал. В Потаповку я тоже приезжал проверить, как тебе здесь. Видел, как ты с ребятами из школы идешь и смеешься... Как только узнал, что тебя Петька сватает в архиве работать, сразу шум поднял. Ни в какой детский дом я тебя отдавать не собирался.

– Кроме Вас, меня еще Кикимора все время пугала, что меня в детдом отдадут, если я буду много есть... – Вероника опять заплакала.

– Не плачь, ты не плакса! Я видел, что ты в детстве старалась не реветь даже тогда, когда очень хотелось. Если я тебя Вероникой стал звать, это не значит, что навсегда. Начнешь реветь, опять Плаксой звать буду. Когда Степанида Лидку уволила, домработница на лестнице орала, что тебя изничтожит. Степанида мне позвонила, и я поехал к Лидке разбираться. Хотел припугнуть, но все оказалось сильно запущено. Лидка была опекуницей двух сыновей своего бывшего мужа. Ребята были прописаны в двух хороших комнатах в коммуналке, вот Лидка там и устроилась. Еще бы, условия там были шикарные. Коммуналкой квартиру назвать было трудно. Всего одна соседка, да и та вместо Лидки о мальчишках заботилась. Я вошел, а Лидка на меня с кулаками кинулась, орала, плевалась... Соседка позвонила в милицию, менты приехали и вызвали психиатрическую помощь. Санитары Лидку скрутили, выяснилось, что у нее какая-то сложная психическая болезнь и она давно стоит на учете. Целый год потом в психушке провела. Вот так. Степанида потом

Лидкиным мальчишкам помогала.

Ну все, мне пора. И Вам, и мне надо все обдумать и прочувствовать. Вероника, я тебе фотографию моей матери оставлю, она хорошим человеком была. Жаль, не дожила до твоего рождения. Все по-другому могло сложиться. И вот еще подарок. Прими, пожалуйста! – Зуев достал из барсетки маленькую фигурку летящей Ники Самофракийской.

Максим пошел провожать Зуева, а Вероника осталась сидеть за письменным столом. Она была совершенно разбита, все ее жизненные соки были выпиты до дна, даже подумать о том, чтобы пошевелить мизинцем, было тяжело. Это еще ничего. Физические силы рано или поздно восстановятся, а вот, что делать с душой? Она кричит и корчится от боли, и конца-краю этой боли не предвидится. Как Зуев все повернул! Просто образцовый папаша, ни в чем-то он не виноват, все годы день и ночь заботился о своей дочурке. Зато Вероника, черная душа – кривые мозги, столько напраслины на белого пушистого возвела. Надо же, ее даже в детский дом никто не хотел отправлять... Самое ужасное, что свидетелем ее ошеломительного провала, ее позора стал Максим. Теперь он никогда не полюбит ее... Мысли Вероники затормозили. Разве ей надо, чтобы Максим влюбился в нее? Ей ведь и так хорошо, она совершенно самостоятельная, современная, взрослая женщина... У Вероники потекли слезы. Да, она хочет, очень хочет, чтобы Максим любил ее, потому что она влюбилась в него по уши, и ничего с этим сделать нельзя уже очень давно. Даже, когда он командует и умничает, Вероника не может долго дуться на Максима. Вероника любит Максима, а Максим? Как он относится к девушке? До сегодняшнего дня у Вероники была надежда, что придет

день, и он с интересом посмотрит на нее, как на женщину, а теперь... Разве можно влюбиться в такую дуру, как она? Если бы Максим, хотя бы самую малость любил ее, он давно бы пришел. Сколько можно любезничать с Зуевым, когда ей так плохо...

Максим проводил Зуева до машины, сто раз дал честное слово, что, если что, он сразу позвонит Игорю Валерьевичу и попросит помощи, и, наконец, побежал в дом. Только сегодня ему приоткрылся тот ужас, в котором жила Вероника в детстве. Неужели она действительно боялась, что ее отдадут в детский дом? Степанида никогда бы этого не допустила, даже если бы Петр Константинович не удочерил Веронику. Теперь понятно, откуда у нее все эти дурацкие комплексы. Максим влетел в кабинет и увидел, что его опасения оправдались. На Веронике не было лица.

– Максим, ты почему так долго? Я уже думала, что ты уехал вместе с Зуевым. Ты, наверное, теперь не захочешь иметь со мной дела. Вы все такие белые и пушистые, а меня как будто в дегте вываляли. Рядом с Вами я вся черная без каких-либо признаков пушистости.

– Да, черная и лысая, раз пушистость отсутствует. Не говори глупости! Я проводил Зуева и бегом к тебе. Знаешь, что я делаю, когда мне жизнь становится поперек горла? Первым делом иду в душ, вода всю гадость смывает, потом ем чего-нибудь вкусенького и на боковую, иногда со снотвор-

ным. Утром чувствую себя как огурчик. Давай я тебя в душ провожу!

– Дай мне посидеть, у меня нет сил встать!

– Ты ничего не высидишь. Лучше я тебя прямо сейчас в душ оттащу, – Максим наклонился к девушке, – давай обними меня за шею и поедem в душ.

– С какого перепугу я должна тебя обнимать?

– Вероника, не будь душой, я просто хочу помочь тебе добраться до душа, на твою девичью честь я посягать не собираюсь!

– Не собираешься? Ну так и езжай отсюда, трахайся со своей управдомшей, она уж, наверное, тебя заждалась! – Вероника резко вскочила со стула и больно стукнулась об угол стола, из глаз у нее потекли ручьи слез.

Максим подошел к девушке и крепко обнял. Он почувствовал, что к нему в объятия попал худенький, трепещущий воробушек, такой родной и беззащитный. Выпускать воробушка из рук совершенно не хотелось, и тут на Максима снизошло откровение, что Вероника – именно та женщина, которая предназначена ему Судьбой. Ничего не попишешь, прав Чехов, счастье бывает насмешливым.

– Не ревнуй, домуправша для меня – ноль! – пока Вероника не начала возмущаться и протестовать против того, что она его ревнует, Максим быстро поцеловал ее в губы.

Сначала Вероника изо всех сил сжимала губы, а потом ничего, ответила на поцелуй, даже со страстью. Максим под-

хватил свою судьбу на руки.

– Куда ты меня тащишь?

– Как куда? К себе. Я имею твердое намерение посягнуть на твою девичью честь...

Вероника лежала рядом с Максимом и прилагала титанические усилия, чтобы не заснуть. Она была счастлива, счастлива так, как никогда не была раньше счастлива в своей жизни. Жизнь научила ее, что ничто хорошее у нее надолго не задерживается, поэтому Вероника хотела прочувствовать и запомнить каждое мгновение, что была рядом с Максимом. Он был таким теплым и желанным. Вероника уткнулась Максиму в плечо... и все-таки задремала. Проснулась она оттого, что Максим сел на кровати. «Вот и все, сказке конец», – промелькнуло у Вероники в голове.

– Ты что? Уходишь?

– Знаешь, мне приснился сон, что я не ужинал. Проснулся голодный как волк. Может, пойдем поедим? Холодильник полный.

– Слушай, а у нас что-нибудь свое из еды есть?

– Что значит свое? Все, что в холодильнике – все наше. Тебе надо бороться с комплексами. Я тебе уже говорил, что Зуев не монстр и не злодей. Он обыкновенный мужик. Такой же, как очень многие, которые бросают своих детей. Большинство о детях и не вспоминают, а Зуев о тебе помнил, привез вкусности, хотел сделать тебе приятное.

Вероника спустилась вниз и ахнула.

– Ты подумай, я не закрыла сейф и оставила ожерелье на

столе. У меня что совсем крыша поехала из-за этого Зуева?

– Расслабься, Зуев здесь совсем не при чем, здесь другое. У Пастернака вроде есть стихи про соблазн, ты – гуманитарий, должна знать. Вот этот самый соблазн во всем и виноват.

– «И жар соблазна вздымал, как Ангел, два крыла крестообразно», – процитировала Вероника и покраснела.

– Вот-вот, именно. Я и говорю, что жар соблазна виноват. Черные лысые женщины оказались очень соблазнительными.

– Не обзывайся!

– Я не обзываюсь, а говорю истинную правду. Пойдем ужинать, а то я сейчас упаду и умру от голода. Входная дверь заперта, ничего не случится, если сейф постоит еще полчаса открытым.

Вероника послушно пошла вслед за Максимом на кухню. Зачем только Максим вспомнил про стихи! Совершенно не к месту девушке вспомнились строки Есенина:

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь, —
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдись.

Неужели Максим именно так относится к ней и к тому, что у них произошло? Веронике стало очень грустно. Максим это заметил.

– Слушай, у тебя что голова разболелась? У меня есть хорошее лекарство. Принести?

– Максим, ты совершенно не должен так обо мне заботиться, ты мне ничего не должен.

– Знаешь, между должен заботиться и хочу заботиться – огромная разница. Так вот, я хочу о тебе заботиться, и во все не потому, что меня об этом попросил Петр Константинович. Я хочу о тебе заботиться, потому что я тебя люблю. Влюбился в тебя еще мальчишкой. Запомни это! Между прочим, я считаю, что это ты мне кое-что должна.

Вероника похолодела, вот оно – теперь все понятно, у Максима к ней меркантильный интерес.

– Что ты хочешь? Ожерелье? Оно и так твое.

– На кой хрен мне твое ожерелье! Считай, что я тебе его подарил. Пожалуй, если бы у меня был хвост, тогда я еще мог бы куда-то его приспособить. Представляешь – я подхожу к тебе, виляю хвостом, а ожерелье сверкает всеми цветами радуги... Класс!

– Не насмешничай, говори серьезно! Что тебе надо? Потаповский дом или папину квартиру?

– Какая ты, все хочешь монетизировать. Успокойся, ничего такого мне не надо. Ты... должна... родить... мне... дочку, – последнее предложение Максим произнес с большими перерывами между словами.

– Что??? – У Вероники полились слезы из глаз. Она давно похоронила свою мечту о детях. Сильно надеялась, что забе-

ременеет от Ромки, ради этого и жить с ним согласилась, но не получилось. – Знаешь, за последние сто лет как минимум у Потаповых девочки не рождались, только мальчики.

– Сын – это тоже хорошо, только, если не будет дочки, которая будет выгуливать ожерелье, придется это делать тебе. Ты на нашу свадьбу ожерелье наденешь?

– Надену, только не это, а настоящее, если ты его найдешь. Ты ведь уже придумал, где его искать. Я права?

– Черт его знает, кое-какие мыслишки есть, но у каждого человека есть право на ошибку. Могу и опростоволоситься. Ты поела? Пойдем запирать сейф и спать.

Если Вероника вспоминала про стихи, то, как правило, они начинали лезть к ней в голову к месту и не к месту. Уже когда девушка легла в постель, вдруг вспомнились строки Гумилева:

От звёзд слетает тишина,
Блестит луна – твоё запястье,
И мне опять во сне дана
Обетованная страна –
Давно оплаканное счастье.

Вероника улыбнулась самой себе, прижалась к Максиму и сразу заснула.

Утром Максим проснулся и не нашел Вероники рядом с собой. Неужели эта царевна Несмеяна опять на что-то обиделась? Он поскорее оделся и вприпрыжку спустился вниз. Вероника колдовала на кухне. Она нажарила стопку блинов, красиво сервировала стол и уже варила кофе.

– Хорошо, что ты встал, а то я уже тебя будить собралась. Мне сегодня на работу, через сорок минут должен прийти Володя. Садись есть, я блины напекла, они хорошо с икрой идут. У меня уже слюнки текут!

– У меня слюнки текут, но не от блинов... Я вообще-то имел немного другие планы на утро, но что поделаешь, буду довольствоваться блинами. Аромат восхитительный! – Максим подошел и поцеловал Веронику.

– Ты что на работу вышла?

– Нет, просто сейчас сезон отпусков, и меня попросили заменить одну экскурсоводшу. Сегодня я занята, а потом все – увольняюсь!

– Что собираешься делать?

– Поеду в Москву, я хочу в архиве поработать. До вчерашнего дня хотела сдать папину квартиру и снять однокомнатную. Денег на жизнь мне должно хватить.

– Зачем снимать квартиру? Будем жить у меня. Я разлеюсь, все домашние дела переложу на женушку. Блины бу-

дем есть каждые выходные.

– Я не против, буду печь все, что ты захочешь. Только я работать тоже буду.

– Диссертацию писать?

– Зачем мне диссертация? Это папа думал в таком русле. Мне это не надо. Я хочу писать романы, – Вероника покраснела.

– Романы???. Ну ты даешь. А ты уже что-то написала?

– Да, только я никому не показывала. Сейчас я задумала написать роман по мотивам воспоминаний твоего деда, только никак не могу закончить заводить мемуары в компьютер. Там осталось самое интересное, про Зуева. Антон Борисович специально отметил, что эта часть секретная. Я просто сгораю от любопытства! Очень хочу писать, но для этого нужно время, совмещать с работой трудно. Я не хочу сидеть у тебя на шее, поэтому папину квартиру все же придется сдать.

– Давай ничего сейчас не будем решать, посмотрим, как карты лягут, – высказал свое мнение Максим. Во время разговора он внимательно рассматривал девушку. Она была та же и совсем другая, чем вчера. Вроде бы все то же самое, но исчезло выражение обреченности и меланхолии, которое всегда читалось у нее на лице. Сейчас из глаз Вероники струился свет, она улыбалась и даже напевала. Вероника выглядела счастливой.

Максим привез Веронику и Володю на центральную площадь города к экскурсионному бюро. Вероника пошла оформлять документы, а Максим с Володей остались подпи- рать стенку. На взгляд Максима, с ногой у Володи стало су- щественно лучше, он уже мог совершенно самостоятельно передвигаться на довольно длинные дистанции. Максим до- вел свои наблюдения до Володи, и тот с удовольствием стал развивать эту тему: в деталях стал рассказывать о методике своих тренировок. Скучать не пришлось. Тут подкатил авто- бус с толпой экскурсантов, появилась Вероника с красным зонтиком и сделала вводную: что делать, если кто-то потеря- ется, где можно будет купить сувениры и где расположены туалеты. Затем она повела экскурсантов за собой ко входу в городской парк. Сначала Вероника кратко рассказала об ис- тории славного города Потаповска. Откровенно говоря, она мало заинтересовала Максима. Только показалось забавным, что, по словам Вероники, шестьдесят процентов жителей го- рода носят фамилии Потапов, Потапкин, Потапенко или По- тапчук. Дальше она стала говорить о том, что большой вклад в благоустройство города до революции внесло семейство купцов первой гильдии Потаповых. Они щедро жертвовали деньги городу, и, в частности, городской парк, где сейчас на- ходятся туристы, был заложен на их деньги. Семейство По-

таповых было большим, среди них были не только люди, занимающиеся бизнесом, но и ученые. Как правило, в каждом поколении был человек, изучавший природу, флору и фауну потаповского региона. В парке есть уголок, где, не без участия Потаповых, воссозданы ландшафты Потаповской области и собраны типичные для нее растения. Вероника не пошла по главной аллее, а свернула направо, и довольно быстро Максим с Володей увидели удивительный пейзаж: на относительно небольшом участке земли располагалось озерцо со склоненными к воде ивами, небольшой лужок, полный полевых цветов, и как бы опушка соснового леса. Вероника пыталась что-то рассказывать про растения, но ее мало кто слушал. Люди фотографировались, фотографировались и фотографировались. Кое-кто кормил прибежавших неизвестно откуда белок. Долго гостям любоваться окрестностями Вероника не позволила и повела экскурсантов к видневшемуся вдали красивому зданию. Перед входом в здание был разбит потрясающий розарий. Все опять стали фотографироваться, и Максиму показалось, что только они с Володей слушали Веронику. Оказывается, это здание тоже было построено не без спонсорской помощи предков Максима. На первом этаже располагалась первая в Потаповске публичная библиотека. При библиотеке до революции была чайная, где можно было дешево перекусить, особенно студентам, для которых была предусмотрена большая скидка. На втором этаже здания располагался краеведческий музей, который тоже был

основан Потаповыми.

Максим изумился, как только у этих Потаповых времени на все хватало. Почему он ничего не успевает, и вся его деятельность кажется просто какой-то мышшиной возней? Неужели род так измельчал?

После покупки сувениров и посещения туалетов вся группа уселась в автобус и двинула в монастырь, в котором реставрировал фрески дядя Леша. Он еще утром укатил туда на велосипеде. Максим заметил, что при подъезде к монастырю Володя заметно занервничал. Спрашивать почему, Максим не стал, зачем лезть человеку в душу.

Вероника рассказывала о монастыре очень интересно, далекие исторические персонажи в ее рассказе как бы оживали и проживали свои жизни еще раз. Максиму очень хотелось послушать, но тут перед его глазами начало разворачиваться действие, которое могло иметь непосредственное отношение к настоящему. По монастырскому двору рядом с дядей Лешей шел парень в джинсах, синей футболке и бейсболке. Именно таким представлял себе Максим злодея, который чуть не столкнул Веронику в яму на арматуру в Москве. Парень и дядя Леша шли и оживленно разговаривали до тех пор, пока парень не увидел Володю. Он сразу бросился бежать, но дядя Леша успел крепко схватить его за руку. Володя, как только мог быстро, подошел к парню и обнял его.

– Папа, ты ходишь? Прости, прости меня, это все мама..., – к удивлению Максима, парень разревелся.

– Ничего, сынок, одна нога уже полностью восстановилась, вторая – еще не совсем, но положительная динамика есть. Теперь заживем. Я сейчас у дяди Леши живу, переезжай к нам. Вместе веселее. Я тебя опять тренировать буду, а то, вижу, филонил, спортом не занимался.

– А можно мне у Вас жить? Отец Андрей отпустит? Пап, я давно хотел к тебе прийти, только боялся, что ты меня не простишь. Я не хотел тебя бросать. Это все мама.

– Все, проехали. Сейчас экскурсия закончится, и домой поедem, будем обедать.

Максим заметил, что не он один наблюдал за воссоединением отца и сына. Священник, вышедший из церкви, с удовлетворением взирал на происходящее. Максим очень удивился, когда священник направился к нему. «Вроде батюшку зовут отец Андрей», – вспомнил Максим. Он отпевал Петра Константиновича.

– Здравствуйте, Максим, как Вам здесь в наших краях? Не заскучали?

– Спасибо, все хорошо, батюшка! – Максим абсолютно не представлял себе, как надо себя вести со служителями культа.

– Как же хорошо? Слышал, безобразия у Вас творятся. Никуша пострадала.

– Да, кое-что плохое у нас произошло, – Максиму пришлось в очередной раз пересказать всю череду неприятностей, произошедших в Потаповке. Про себя он несказанно

удивился скорости распространения информации. Как-то он не ожидал, что в монастыре кто-то будет интересоваться их с Вероникой делами.

– Вот что я хочу Вам сказать, Максим. Слышал я, что Вы Петра Константиновича сын, рад, что род Потаповых не прервался. То, что о Никуше заботитесь, Бог Вам зачтет. Что хочу сказать. Если думаете, что дядя Леша или Дениска могли Никуше или Вам что-то плохое сделать, выбросьте эти мысли из головы. Дениска вчера здесь, в монастыре, неотлучно целый день был, никуда не отлучался, а насчет дяди Леша – просто войдите в храм и посмотрите. Там его работы есть. Не может такой человек пакостить.

Максим пошел и посмотрел. Живопись, особенно церковная, не относилась к сфере его основных интересов. Кто такие Репин и Левитан, он, конечно, знал, но не более того. В церкви были возведены леса, которые нужны были реставраторам. Однако они не закрывали все фрески. Можно было хорошо рассмотреть уже отреставрированную часть и ту, что еще нуждалась в реставрации. Максим оценил качество реставрации, но сами фрески оставили его равнодушным.

– Вот посмотрите этот этюд, – сзади к Максиму подошел отец Андрей и показал изображение Христа.

У Христа были внимательные, страдающие глаза, которые проникли в самую глубь души Максима. Он поежился, грехов-то у него, как грязи. Неужели это нарисовал дядя Леша? Да, пакостить такой человек не может.

Все увиденное и услышанное надо было очень хорошо обдумать. Максим почувствовал, что он очень устал. Слишком много событий произошло в последние дни. Наконец, экскурсия завершилась, и Максим вздохнул с облегчением. Все, теперь домой.

– Как же хорошо соснуть после обеда! – Максим открыл глаза и сразу же пожалел, что проснулся. После последних дней им с Вероникой требовался хороший отходняк, заработали. Максим потянулся, придвинулся поближе к тихо сопящей девушке и постарался опять заснуть. Но не тут-то было. Сон решил, что с Веселова достаточно. Появилась совершенно непрошенная мысль о том, что вот он лежит, нежится рядом с Вероникой, бездельничает, а ей грозит нешуточная опасность. И если теперь что-то с ней случится, то только по его, Максима, вине. Максим резко сел на кровати.

– Что, что случилось? – Вероника сразу же проснулась.

– Знаешь, меня, наверное, петух жареный клюнул. Пока я с нашими делами не разберусь, тебе может грозить опасность, а я вместо того, чтобы искать злодеев, рядом с тобой кайф ловлю.

– Давай еще пять минуточек кайф половим, а потом я покажу тебе, где ты можешь поискать дискету.

Максим поцеловал Веронику, и ловля кайфа чуть-чуть затянулась.

Вероника открыла сейф и показала, что на каждой лежащей там папке внизу написан год. В каждой папке хранился по сути дела дневник, где были описаны основные события из жизни большого семейства Потаповых. Там же хранились

сопутствующие документы. Самые первые папки были еще из мохнатых, дореволюционных годов. С ними Максим решил разобраться попозже, а для начального знакомства выбрал папку, соответствующую году, когда погибла его мама. Он надеялся, что там будет дискета, которая могла стоить Кате Веселовой жизни. К сожалению, дискеты там не оказалось. Жизнь обычно не преподносит легких путей. Максим сел за письменный стол в кабинете и погрузился в чтение. Вероника извинилась и пошла работать дальше с мемуарами деда Максима.

Сначала в дневнике речь шла о незначительных событиях: болезнях соседей и шалостях учеников, которые занимались в краеведческом кружке Никиты Константиновича. Максим быстро переворачивал страницы, пока не дошел до записи, датированной днем смерти его мамы. Там было только одно предложение, сообщавшее, что Никита Константинович срочно уехал в Москву в связи с настоятельной просьбой брата Пети. Следующая запись появилась более чем через месяц. Никита Константинович подробно описывал картину событий, предшествующих гибели Кати. Многие детали были раньше не известны Максиму и заставляли задуматься. Неужели Зуев прав и все не так просто? Максим перечитал текст два раза. Большое впечатление на Максима произвело описание горя Петра Константиновича. Потапов-старший писал, что по приезде нашел младшего в плачевном состоянии: тот полностью ушел в себя и не реагировал на окру-

жающих. Поначалу Никита Константинович не мог понять причину столь сильного горя брата. Конечно, Петя с Гришей – друзья, погибла Гришина жена, но Гриша выглядел гораздо адекватнее Пети. Никита все понял только на похоронах Кати, когда увидел Максима. Сначала он даже зажмурился, настолько Максим был похож на маленького Петю. Потом не мог решить, что ему делать. Насколько он понял, Петя считал Максима родным сыном Гриши и не подозревал, что на самом деле он Потапов. Объясниться с братом Никита Константинович не рискнул, так и уехал. Жена Тоня посоветовала Никите оставить все, как есть. Главное, что род Потаповых продолжился и не заглох. Это, конечно, так, но, нося фамилию Веселов, Максим мог лишиться того, что ему причиталось, как потомку Алексея Потапова. Никита пробовал заговорить о наследстве с Петей, но тот даже руками замал, ничего о мифических богатствах он даже слышать не хотел.

Подошла Вероника:

– Есть что-то интересное?

– Послушай, как было дело с мамой. Здесь все очень подробно записано со слов Петра Константиновича и кикиморы.

– Кикиморы? Она-то тут при чем?

– Слушай, что пишет Никита Константинович: «Пете позвонила Катя Веселова и сказала, что нашла интересные документы из истории нашего семейства. Они договорились

встретиться на следующий день у метро, Катя хотела передать Пете дискету с отсканированными документами. Напротив метро, через улицу расположен большой универмаг. Катя приехала пораньше и решила зайти в магазин, посмотреть, нет ли там чего хорошего для Максима. В магазине как раз выбросили кроссовки, и Катя оторвала самые что ни на есть красивые. Когда Катя вышла из универмага, она встретила Лиду, домработницу Пети. Катя решила похвастаться кроссовками и стала доставать их из пакета. Кроме пакета у Кати была еще сумочка с деньгами и документами. Чтобы сумочка ей не мешала, она поставила ее на землю. Катя отвлеклась разговором с Лидой, и какой-то парень воспользовался этим, схватил ее сумку и побежал. Катя кинулась за ним. Парень решил перебежать на другую сторону улицы к метро, Петя это увидел, решил встретить парня и задержать, но... Катя побежала за парнем через дорогу... В это время для пешеходов загорелся красный свет, поехали машины... Катя погибла на глазах у Пети».

– Максим, ты думаешь, что кикимора оказалась у метро не случайно?

– Естественно. Кикимора могла слышать разговор Петра Константиновича с мамой и знать, где и когда они встречаются. Дальше у Никиты Константиновича написано про какое-то мифическое наследство Потаповых. Кикимору это могло сильно заинтересовать. Вот и пошла проследить за встречей. Непонятно только, зачем нужно было красть ма-

мину сумку, если это она организовала кражу, конечно. Кикимора могла найти дискету дома и все рассмотреть, когда дядя Петя будет на работе.

– Не могла, папа категорически запрещал ей входить в его кабинет, тем более притрагиваться к его письменному столу. И кабинет, и ящики письменного стола он запирает. Однажды папа заподозрил, что кикимора рылась в его бумагах, он ее чуть не выгнал. Эта гадина пыталась все свалить на меня, мол, это я папины бумаги раскидала, но он кикимору даже слушать не стал.

– Тогда все логично, кикимора подстроила кражу, а дальше был несчастный случай. Как ты думаешь, сколько кикиморе лет? Может она быть жива сейчас?

– По-моему, она помоложе папы, вполне может здравствовать.

– Знаешь, надо обратиться в какое-нибудь детективное агентство, попросить собрать на нее досье. К кому лучше обратиться – к Зуеву или к Роману?

– Только не к Зуеву. Знаешь, я прочитала в мемуарах твоего деда про Зуева. Он – великий комбинатор, похлеще Остапа Бендера. Вернее, не только он. Они там всей командой в составе Антона Борисовича, Григория Антоновича и папы такое провернули... Представляешь, у них на предприятии был режимщик – продажная душа. Он стал подговаривать Зуева достать последние разработки наших с тобой отцов и продать их конкурентам за большие деньги. Какой-то

тендер там был объявлен. Зуев для вида согласился и все рассказал Антону Борисовичу. В общем, конкурентам продали наукообразную туфту. Папа, когда конкуренты выдали эту туфту за свой проект, разнес ее в пух и прах. Все были довольны, только все посчитали, что Зуев – предатель, т.к. кроме папы и Григория Антоновича только он имел доступ к туфте. Все знали, что эту туфту раньше туфтой не считали, и на предприятии долго разрабатывали. Вон Вера Иосифовна Зуева виноватым считает и до сих пор за человека не держит. Видимо, ему на это плевать, выдержка у него железная. В результате операции Зуев остался в большущих плюсах, у него появились деньги, чтобы замутить свой бизнес... Я даже удовольствие от чтения получила. Это сюжет не для небольшого рассказа, целую книгу можно написать.

– Ну вот и напиши. Зуев будет доволен.

– Обязательно напишу, а насчет частного детектива надо поговорить с Ромкой. Он как-то хвастался, что у него друг по институту – крутой детектив.

– Отлично, с Романом проще, чем с Зуевым. Пошли поужинаем. Тебе не кажется, что почему-то все время хочется есть? Не к дождю ли это? – пошутил Максим.

Только-только молодые люди сели ужинать, как раздался стук в дверь. В гости к Потаповым пожаловала целая делегация: дядя Леша, Володя с сыном и Роман вместе с криминалистом Серегой. Вероника улыбнулась гостям и стала накрывать стол на большую компанию. Серега воспринял это с воодушевлением, а Роман, глядя на излучающую счастье Веронику, помрачнел.

Когда все расселись, слово взял дядя Леша.

– Дениска, Вовкин сын, у нас смекалистый и наблюдательный. Кое-что вспомнил. Нам с Вовкой инфа кажется полезной, вот пришли с вами поделиться. Представители власти наверняка найдут, как денискиным рассказом воспользоваться. Ну и ты, Максим, тоже. Все случилось на следующий день, как Вероника уехала. Я остался один. Наташка, Славка и ребятня уехали, Никушка уехала, даже засранец Мурзик и тот уехал. Скучно и тоскливо! Решил Вовке позвонить, я за телефон, а он разрядился. Хотел на зарядку поставить, а электричества нет. Что делать? Ну, я малость принял на грудь, с горя-то. Сижу на солнышке, жду у моря погоды. Смотрю, Дениска идет, я и забыл, что он должен приехать. Как только меня нашел? Я у Дениски телефон взял, Веронике позвонил и разрешение испросил поставить телефон на зарядку у нее в доме. Взял ключи, которые мне Веро-

ника оставила, и мы с Дениской пошли в потаповский дом. Сделали, что надо, дом заперли и вернулись к себе обедать. Смотрим, по дороге электрик идет. Никушка, помнишь, где-то с месяц назад он тебе розетку в кабинете чинил?

– Помню и что?

– Ну, я, ясное дело, пригласил электрика к себе. Так и так, без электричества жизни нет. Он пообещал помочь. Прости, Никушка, я при нем твои ключи на гвоздь на кухне повесил. Дальше мы пообедали, электрик с нами, я еще на грудь добавил. Парень-электрик не пил. Дениска тоже, Вовка, не сверли меня глазами. Я своей семье не враг. Электрик что-то чинил, я не вникал что, но как-то у него это что-то не срасталось. Только уже совсем вечером свет появился. Пригласили парня поужинать, он не отказался. Я только рюмку выпил, смотрю, спать хочу – не могу. Я с электриком расплатился и спать пошел, а Дениска с парнем за столом остались. Дениска говорит, что чай выпил и поплыл, чуть не за столом заснул.

– Он мне снотворное в чай подсыпал, точно, я никогда так рано спать не ложусь, – Денис по всему был в восторге, что оказался в центре детективной истории.

– Так вот, – продолжил дядя Леша, – ночью Дениска вышел во двор пописать и увидел, что парень-электрик из потаповского дома выходит. Дальше Дениска опять заснул. Вот я парня нарисовал по памяти. Дениска говорит – похож. Вероника, ты тоже посмотри, может, вспомнишь!

– Вроде похож. Когда электрик ко мне приходил, он ши-

ток отключал, чтобы розетку починить. Что значит отпечатки пальцев не помогут? Он же их на щитке месяц назад мог оставить.

– Потапова, ты меня за лоха не держи, – Серега засмеялся, – я ведь отпечатки снял не только на щитке, но и на ручках ящиков письменного стола, которые были выдвинуты, не говоря уже об отпечатках на канистре из-под бензина, с помощью которого вам сарай сожгли. Вспомни еще про отпечатки на засове от черного хода. Не ссы, Потапова, голубчик у нас в руках!

Вероника встала и поцеловала криминалиста, он изобразил наивысочайшее наслаждение, а Роман стал еще мрачнее и собрался домой.

Максим вышел проводить Романа.

– Роман, у меня к тебе большая просьба. Говорят, у тебя друг есть – частный детектив.

– Ну, есть. Чего надо?

– Можешь ему заказ от моего имени сделать. Я все оплачу. Может он собрать все, что можно, об Уткиной Лидии Федоровне? Думаю, что ей где-то в районе шестидесяти, плюс минус.

– Это кто?

– Это бывшая домработница Потаповых, по какой-то причине она Веронику ненавидела и чуть на тот свет не отправила.

– Как это? Ее посадили?

– Нет. Петр Константинович был в командировке. У Вероники начался насморк, она легла спать пораньше и сразу заснула, а кикимора (мы так между собой домработницу звали) открыла окна у нее в спальне. Вот двустороннее воспаление легких у Вероники и нарисовалось. Мы с дедом и бабушкой пошли пройтись перед сном. Я глаза поднял и увидел, что окно у Вероники в комнате открыто. Я сказал деду. У нас были запасные ключи от квартиры Потаповых. Мы без предупреждения вошли в квартиру Вероники и застали картину: кикимора телевизор смотрит и шоколадные конфеты жрет, а у Вероники в комнате окна открыты, холод, как на северном полюсе. Бабушка дала кикиморе полчаса на то, чтобы вещи собрать, а дед стал в милицию звонить. Кикимора перед ним на коленях ползала, умоляла ее простить, клялась, что все случайно вышло. Только это вранье, она все специально сделала. Дед ее пожалел, когда узнал, что у нее на иждивении двое детей ее покойного мужа. Зуев тогда с дедом работал, рассказывал вроде, что кикимора оказалась больной, и ее в психушку потом отправили.

– Знаешь, кое-что я сам могу про твою кикимору пробить. Поехали в полицию.

– Я бы с удовольствием, только Веронику одну не хочется оставлять, боязно.

– Подожди, я сейчас дяде Леше звякну, он за Потаповой присмотрит. Скажи честно, ты Потапову в Москву увезешь?

– Роман, ты вроде Потапову знаешь. Скажи, как, по-твое-

му, я могу увезти ее в Москву? Связать? Если сама захочет, по поедет, не захочет – не поедет. Сегодня утром вроде хотела ехать, в архиве работать.

– Да, характер... Ты мне честно скажи, что я совсем валенок? Смотрю, Потапова рядом с тобой расцвела, а мне только свое недовольство высказывала. Я же тоже и книжки люблю почитать, и в театр сходить. Только после этой гребаной работы вечером дома расслабиться хочется. Что это преступление – дома пивка попить и футбол посмотреть?

– Кто сказал, что это преступление? Нормальное желание. Просто не срослось у Вас с Вероникой, и все. Других слов и причин нет. Поехали в полицию, а то поздно будет.

В полиции Максим сразу опознал среди десятка Уткиных кикимору. Роман внимательно посмотрел фотографию и признал, что тетка действительно вылитая кикимора.

Папки, хранящиеся в сейфе, оказались просто кладезем информации. С большим интересом Максим читал о перипетиях жизни окружающих его близких людей, они были совершенно неинтересны ему в детстве, не то, что сейчас. Никита Константинович не одобрял женитьбу брата на матери Вероники. Ирина казалась ему вертихвосткой. Не надо было быть провидцем, чтобы понять, что она совершенно не любила Петра Константиновича, а нацелилась единственно на материальный достаток, который мог ей обеспечить Потапов. Однако аргументы Степаниды, с помощью которых она пыталась переубедить Никиту Константиновича, показались ему весомыми. Степка считала, что на Ирину с ее запросами надо наплевать. Петя не обеднеет, если купит дуре шубу. Зато он избавится от назойливого ухаживания домработницы Лиды, которая возомнила, что может выйти за него замуж, а главное – Петя приобретет дочь, которая станет его опорой на старости лет. Вероника – девочка неизбалованная, обделенная любовью матери, поэтому мягкий, заботливый Петя станет для нее светом в окне. Никита Константинович, судя по записям, кикимору недолюбливал, и от перспективы породниться с ней пришел в ужас. Дальше в дневнике шли суждения по поводу того, что им с Тонечкой Бог детей не дал.

«Если Петя удочерит Веронику, – писал Никита Констан-

тинович, – то это будет первая девочка, появившаяся в роду Потаповых за последние сто двадцать лет. На свадьбе я еще раз увидел Максима. Как же Петя может быть так слеп? Максим точно наш, потаповский. Тоня считает, что все должно идти так, как идет, считает, что не надо травмировать психику Максима. Открывать глаза Пете Тоня запретила. Я послушался, но сомнения, что я сделал ошибку, не проходят.

Попытался в разговоре с Петей осторожно затронуть тему американских родственников. Для Вероники и Максима, когда мы с Петей уйдем из жизни, они могли бы стать хорошим фундаментом и обеспечить безбедную жизнь. Петя, как всегда, разнервничался и категорически отказался даже разговаривать на эту тему. Конечно, он трудится на оборонном предприятии, связь с заграницей для него исключена, это понятно, но войти в контакт с родственниками мог бы я. У меня профессия далека от государственных тайн, самая, как говорится, мирная. Неужели Пете не интересно, как сложилась жизнь у Потаповых там, далеко от России? К тому же материальный вопрос в нашей жизни тоже не последний. По поводу поиска драгоценностей нашей бабки Петя даже слушать меня не захотел. Догадался ведь, сукин сын, где они, а поделиться со мной не хочет. Мы малость разругались, и я уехал».

Максим задумался, что бы было, если бы он в подростковом возрасте вдруг узнал, что Григорий не его отец. Пожалуй, это было бы очень тяжело, намного тяжелее, чем то, как

это произошло сейчас, в начале лета. Если бы Петр Константинович не умер, стал бы он звать его папой? Нет и еще раз нет. Его отец – Григорий Веселов, а бабка – Степанида. Дядя Петя это бы понял, он ни на что бы не претендовал. Скорее всего, в отношениях между ними ничего бы не изменилось. Так же бы играли в шахматы и обсуждали политику...

Интересно, как Никита Константинович собирался искать американских родственников. Значит ему о них что-то было известно. Почему он ничего не пишет об этом в дневниках? Максим стал листать папки год за годом. Ничего, зато нашел рассказ о гибели Ирины. Никита Константинович опасался, что гибель жены произведет на брата такое же сильное впечатление, как и смерть Кати. Он заранее настраивался на длительное пребывание в Москве, искал слова поддержки и утешения. Действительность оказалась совершенно другой, чем рисовалась ему дома. Петя был абсолютно спокоен, единственное, что его сильно волновало, – это душевное состояние Никуши. Она собралась в маленький комочек и все время дрожала. Почти все время девочка проводила, держа Петю за руку. Каждые пять минут Петя повторял Никуше, что он ее никому не отдаст, что бояться не надо.

– Удивительно, каким замечательным отцом стал Петя, – восхищался Никита Константинович. – Какое счастье, что он официально оформил свое отцовство. При других обстоятельствах девочку могли бы отдать в детский дом, ведь других родственников, кроме Пети, у Никуши нет. Девочку ре-

шили на похороны не брать. Она осталась вместе с Максимом в квартире Веселовых под присмотром бабы Нюры. Мне показалось, что рядом с Максимом Никуша немного оживилась и даже разочек улыбнулась.

Похороны были немного странные. Большого горя я ни у кого не заметил. Только один Петин коллега, кажется, Игорь, выглядел очень расстроенным. Я даже заметил слезы у него на глазах. Петя стоял рядом с гробом, как чужой. Положил цветы на могилу и отошел. Степанида Кузьминична тоже не стала демонстрировать траурные чувства, а вот на крысиной мордочке домработницы Лиды явно просматривалось торжество. Пете надо Лиду уволить. Я ему это настоятельно порекомендовал. Только послушает ли он меня?

Максим пошел к Веронике.

– Послушай, что пишет Никита Константинович. Все-таки Зуев любил твою мать. Он ее не убивал. О краже ожерелья, судя по дневнику, Петр Константинович никому не рассказал.

– Знаешь, должно пройти какое-то время, чтобы я изменила мнение о папаше. Мне очень тяжело думать о нем хорошо, но он не монстр, я это признаю.

Вероника взяла папки, которые просматривал Максим, залезла в постель и читала их до ночи.

Наступил понедельник. Как и обещала Вероника, она повела Максима, дядю Лешу и Володю с сыном в музей. Отец Андрей ради визита в музей освободил Дениса от работы, так что парень всей душой был готов внимать высокому и вечному. Максим совершенно уверился, что Дениска не имеет никакого отношения к криминальным происшествиям, уж больно наивным, зеленым мальчишкой он оказался. Даром, что еще чуть-чуть, и будет метр восемьдесят роста. За полдня, что Денис провел в доме у отца и дяди, он сумел крепко подружиться с Саньком и Людочкой. Ребята сразу же по большому секрету посвятили его в проблему поиска сокровищ, поэтому с трудно скрываемым любопытством Денис посматривал на Максима. Жизнь для мальчишки заиграла всеми цветами радуги.

Максим подогнал машину, все расселись, можно было ехать. Хорошо, что сразу не уехали: прибежали Саня и Людочка со слезами на глазах. Как же, как же, про них забыли. Пришлось Веронике и дяде Леше посадить детей себе на колени.

В музее дети стали главными экскурсоводами, во всяком случае для Дениса. В зале, где была экспозиция, посвященная Потаповым, Людочка сразу объявила, что единственный экспонат, стоящий внимания, – это фотографии старинной

тети в бриллиантовом ожерелье и сережках. Мальчишки воодушевления Людочки не оценили и отправились в зал, где речь шла о динозаврах. Людочка попыталась убедить ребят, что коллекция бабочек интереснее, но они предпочли динозавров. Что делать, Людочка побежала за мальчишками.

В отличие от детей, Володя и дядя Леша очень внимательно изучили все материалы о Потаповых и выслушали рассказ Вероники. Максим большинство фактов уже знал, поэтому слушал вполуха. В гораздо большей степени его внимание привлекла электрофорная машина, которая стояла рядом с портретом его предков.

– Вероника, эта электрофорная машина старинная? Она принадлежала пращурам или это новодел?

– Понятия не имею, надо спросить у директрисы, наша, потаповская, как ее, электрофорная машина, пылится на чердаке. Папа категорически запретил ее выбрасывать.

– Зачем же выбрасывать хорошую вещь?

– Тоже скажешь, хорошую! – Вероника фыркнула.

После зала, где речь шла о Потаповых, Вероника провела экскурсантов в зал, посвященный жизни Потаповска в первые послереволюционные годы. О своем интересе к этому периоду времени Максим заранее предупредил Веронику. На первой же фотографии экскурсанты увидели дом, где сейчас жили Максим с Вероникой. На фасаде дома висел прикольный плакат с надписью:

Кто умен,

А кто дурак!

Один за книгу,

Другой в кабак.

Вероника пояснила, что часть потаповского дома была отдана под обучение грамоте местного населения, причем в качестве учителей выступали Николай и Алексей Потаповы. Максим про себя еще раз удивился, сколько же хорошего сумели сделать его предки.

Дальше Вероника подвела всех к стенду, посвященному коммунистическому лидеру, проводившему в жизнь линию партии в славном городе Потаповске и определявшему жизнь города после революции. Звали коммуниста Семен Иванов. Вероятно, в молодости он был красивым парнем, но на фотографиях, висевших в музее, его лицо было обезображено двумя шрамами. Вероника рассказала, что это следы Первой мировой и Гражданской войн. На одной из фотографий Семен пристально смотрел в камеру, как будто хотел разглядеть там своих потомков. Взгляд его темных, почти угольных глаз проник Максиму глубоко в сердце. Почему-то стало немного стыдно, что за всю свою жизнь он не сделал ничего героического, более того, даже не стремился к этому. На всякий случай он сфоткал портрет Иванова.

– Дядя Леш, скажи, ты как художник мог бы нарисовать, как выглядел бы Иванов без шрамов? Интересно, каким он был до войны? Глаза уж больно умные.

– Не, я за такое дело не возьмусь. Слышал, что у ментов

программы есть, которые такие фокусы на раз делают. По-спрошай у Романа или Сереги.

Дома Максим задал вопрос, который волновал его с момента приезда в Потаповку.

– Вероника, как так могло произойти, что такой огромный дом остался в собственности Потаповых? Почему его не национализировали в революцию? Казалось бы, Потаповы – купцы-мироеды, их должны были раскулачить в первую очередь.

– Во-первых, у Потаповых было несколько домов в центре города, их национализировали. Во-вторых, Потаповы были очень умными, они отдали этот дом в пригороде под школу, которая сначала работала по программе ликбеза, а потом по программе обычной школы. Сами они были преподавателями и жили как бы на ведомственной жилплощади. Уже в перестройку дядя Никита как-то сумел приватизировать дом. Его здесь все знали и уважали, поэтому особого труда ему это не составило. Если хочешь, посмотри в папках за после-революционные годы. Там есть все документы.

– Слушай, а что стало с Ивановым? Его судьба известна?

– Вроде бы он выучился на инженера и пошел работать на электромеханический завод, который раньше был Потаповским. По-моему, стал главным инженером. В папках есть старые газеты, там про Иванова много написано.

– Интересно, а у Иванова дети были?

– Чего не знаю, того не знаю. Что ты к этому Иванову так привязался? Зачем он тебе?

– Так, просто любопытно.

Максим пошел в кабинет и достал папки столетней давности. Первое, что бросилось в глаза: каллиграфический подчёрк предков и непривычный стиль изложения. Читаешь и понимаешь, что текст написан не просто уважаемыми людьми, а людьми, уважающими себя. Таких в магазине не посылают.

Максим нашел постановление местного совета, разрешающего Потаповым остаться в своей квартире. Остальная часть дома была национализирована и переоборудована под школу. Действительно, права Вероника, в папках было очень много газет, и в каждой была заметка о Семене Иванове. В одной газете была напечатана его фотография с женой и маленьким сыном. Значит, ребенок у него все-таки был. В 1936 году Семен умер, о чем в газете был напечатан некролог. Максим подумал, что смерть позволила Иванову избежать сталинских лагерей. Интересная штука жизнь...

Максим еще нашел справку, выданную А.А. и Н.А. Потаповым, подтверждающую, что они добровольно передали на нужды революционной Красной Армии серебряный сервиз. Он показал справку Веронике.

– Какая-то ерунда, – заявила Вероника, – этот сервиз отдали во время Великой Отечественной войны, а не после революции. Я сама видела документы, в папке за 42-ой год, ка-

жется.

Максим не поленился, полез в папку и, действительно, нашел там подтверждение, что сервиз был передан государству в 42-ом году. Какая-то путаница. Может быть, сервизов было два?

– Нет, сервиз был один, – это Вероника знала точно, она даже достала из буфета красивую серебряную сахарницу, которую нашли много позже того, как расстались с сервизом.

Максим с головой ушел в исторические коллизии, пытался поделиться с ними с Вероникой, она вроде слушала, но отвечала односложно. Видно было, что голова у нее болела о чем-то другом. Уже когда молодые люди легли спать, Вероника задала вопрос Максиму, на который ему совершенно не хотелось отвечать.

– Максим, по всему, что я прочитала в папках, а главное, по своему собственному опыту я знаю, что папа по-настоящему любил меня. Но, если это так, объясни мне, пожалуйста, почему он не забрал меня обратно в Москву. Я ведь очень быстро выздоровела.

– Знаешь, я в детстве тоже этого не понимал. Я без конца приставал к Петру Константиновичу с вопросом, когда же ты вернешься домой. Он неизменно отвечал, что ты еще не здорова, и тебе надо проводить много времени на свежем воздухе. Сейчас, когда я стал взрослым, то более чем уверен, что причина была в другом. К сожалению, в том, что ты не вернулась в Москву, отчасти виноват я.

– Ты???

– Помнишь тот день, когда ты заболела? У меня в тот день кончилась тетрадка по алгебре, а новой не было. Идти в магазин было очень лениво, но я взял себя в руки, оделся и пошел. К моей огромной радости, на лестнице я встретил тебя, ты возвращалась из музыкалки. У тебя чистые тетрадки были, и ты пообещала со мной поделиться. Мы пошли к тебе. Я остался в прихожей, а ты пошла за тетрадкой и увидела, что кикимора открыла дверь в кабинет Петра Константиновича и роется в шкафу. Ты начала возмущаться и грозилась все рассказать отцу. Кикимора меня не видела, поэтому не стеснялась в выражениях. Во-первых, назвала тебя дармоедкой и пригрозила, что оставит тебя без обеда, а, во-вторых, ... она сказала, что напишет в опеку, что Петр Константинович – педофил, и что его посадят в тюрьму, а тебя отдадут в детский дом.

– Господи, какая гадость! В голове не укладывается...

– Понимаешь, слово «педофил» я услышал в первый раз, поэтому дома спросил у Степки, что оно значит. Дальше сама понимаешь, что было... Ругаться Степанида умела.

– Да, я помню, к нам вдруг пришли Степанида Кузьминична и баба Нюра с инспекцией, что я ела на обед. Когда выяснилось, что я еще не обедала, начался скандал, твоя бабушка пообещала кикимору уволить, а баба Нюра накормила меня вашей едой. Все было очень вкусно, до сих пор помню. Баба Нюра еще все окна у меня законопатила, а то в ком-

нате было очень холодно. Я, наверное, и заболела-то из-за холода.

– Точно баба Нюра окна законопатила?

– Да, я это хорошо помню.

– Кикимора потом орала, что окна сами открылись.

– Когда открылись?

– Ты что, ничего не знаешь?

– Вечером мы пошли с дедом и бабкой пройтись перед сном, и я увидел, что у тебя в комнате открыты окна. Мы сразу же вернулись и пошли к Вам, а там ты спала в комнате с открытыми окнами и уже с высоченной температурой. Степка кикимору сразу же уволила, а дед хотел ее в милицию сдать, но кикимора кричала, что окна открылись случайно, просто она не доглядела. Когда домой из командировки вернулся Петр Константинович, кикимора кинулась к нему за помощью, а он просто ее отодвинул и пошел к тебе.

– Почему кикимора меня так ненавидела? Что я ей сделала?

– Забудь об этом. Кикимора всех ненавидела, она ни одной твоей нервной клетки не стоит.

Не исключено, что Степанида рассказала твоему отцу об угрозах кикиморы написать в опеку. Одинокий мужчина с приемной дочерью – кому-то это могло показаться подозрительным. Думаю, что это было причиной, почему ты осталась вместе с дядей Никитой и тетей Тоней, а Петру Константиновичу пришлось ездить к тебе каждые выходные.

С раннего утра Вероника с Максимом начали по листочку просматривать все папки – нет ли там дискеты. К сожалению, дискеты нигде не было. Молодые люди малость притомились и решили сходить на рынок прикупить клубники.

Рынок в Потаповке был похож на рог изобилия. От одного вида малосольных огурчиков начиналось обильное слюноотделение, а уж от запаха... Помидоры, зелень, фрукты – все просилось в рот. Вероника с Максимом не стали себе ни в чем отказывать и накупили полную сумку всякой вкуснятины. Уже на выходе из рынка они заметили Дениску, который вел себя довольно странно: маленькими перебежками передвигался между прилавками, на время замирал, прятался за спины покупателей. Максим оценил траекторию движения Дениски: по всему выходило, что парень кого-то выслеживает. Выслеживать Денис мог только одного человека – электрика, а это могло быть опасным. Вероника с Максимом побежали за мальчишкой. Денис выбежал из противоположных ворот рынка и, крадучись, пошел по улице, которая вела к самому краю Потаповки. В конце улицы виднелись поле и лес. Вероника очень внимательно следила за Денисом, поэтому не заметила ямки на дороге и подвернула ногу. Идти быстро дальше она не могла. Максим оставил девушке сумку с покупками и помчался за Денисом. Вероника видела, что

Денис заглянул в какую-то калитку и исчез. Максим быстро добежал до той же калитки, влетел в нее и тоже исчез... Вероника заволновалась. Она бросила сумку и похромала к калитке. Когда она открыла калитку и заглянула внутрь, сердце у нее остановилось. Денис сидел на земле и в полном недоумении вращал глазами. Максим лежал на земле и не подавал признаков жизни. С самого начала Вероника знала, что ее счастье не может длиться долго, но...

– Максим!!! – закричала Вероника, но он не ответил. Лицо у Максима сделалось совершенно белым.

Что делать? Перед глазами у Вероники встал последний вечер, который она провела вместе со своим папой. Тогда она дала ему слово, что в безвыходной ситуации она обратится к Зуеву. Вероника вытащила из кармана Максима телефон, нашла номер Зуева и нажала кнопку «Вызов».

Игорь Валерьевич Зуев вынул свою дорогущую, щегольскую ручку с золотым пером и поставил подпись на договоре, который должен был стать значимым событием в деловой жизни его фирмы. Он обменялся рукопожатием теперь уже со своим партнером и прошел к накрытому столу, чтобы отметить знаменательное событие. Зуев даже сказал небольшую речь про то, насколько это событие знаменательное. Внутри себя Игорь прекрасно осознавал, что для него самого этот договор ничего не значит. В душе у Игоря была пустота, радости он не испытывал. Зуев много работал и не без труда добился того, о чем мечтал в молодости. Только теперь, на старости лет, оказалось, что все это ему совершенно не нужно и не интересно. Если бы молодость знала...

В кармане у Зуева завибрировал телефон, который он использовал для личных звонков. На экране высветилось имя – Максим. Неужели что-то опять случилось? Он не переживет, если что-то произойдет с Вероникой. Почему он пошел на поводу у Максима и не обеспечил ей надежной охраны?

Зуев извинился и отошел в сторону.

– Игорь Валерьевич, – услышал он голос не Максима, а Вероники, – Максима убили, сделайте что-нибудь...

– Как убили?

– Он лежит на земле совершенно бледный и неживой!

– Вероника, возьми себя в руки и пощупай Максиму пульс! – Зуев не заметил, что кричит на весь кабинет. Испуганная секретарша потихоньку вызвала незаменимого Витю.

– Игорь Валерьевич, по-моему, Максим немножко дышит!

– Дышит? Это хорошо, это очень хорошо! Надо вызвать скорую, где ты находишься?

– Я не знаю, мы вышли с рынка и пошли по какой-то улице...

– Не вешай трубку, сейчас Витя определит, где Вы, по геолокации. Все, не волнуйся, Витя вызвал скорую! Сейчас она приедет. Пока скорая едет, расскажи мне все, что у Вас произошло за последние дни. Мы с Витей сейчас же выезжаем к Вам!

Вероника начала рассказывать, но дошла только до середины – подъехала скорая, за ней на полицейской машине примчались Ромка с Наташей и Володей. Все кругом суетились, Вероника ничего не видела и не слышала, одной рукой она сжимала телефон, а другой держалась за Максима. Когда Максима стали перекладывать на носилки, он открыл глаза и поинтересовался, что здесь происходит и куда его тащат.

Игорь Валерьевич выдохнул. Витя был все время на связи с Романом и сразу дал знак, когда Максим пришел в себя. Слава богу! Подошел партнер, поинтересовался, нужна ли помощь, и отбыл. Мужик с пониманием.

Зуев сел в свое кресло и понял, что ноги держат его не очень крепко, нужно чуть-чуть передохнуть. Помощница Зуева Инга, с которой он проработал не один десяток лет, притащила кучу лекарств и стала пичкать ими начальника. Витя хотел вызывать врача. Зуев положил под язык валидол, от врача категорически отказался и приказал Вите готовить машину к отъезду в Потаповку.

– Игорь, куда ты собрался? Ты уже ездил в Потаповку на могилу Пети, вернулся – на тебе лица не было. Зачем тебе туда ехать еще? Ты все решил по телефону. Петина дочь взрослая, она все, что надо, сделает сама! – Когда Инга и Игорь оставались вдвоем, они обращались друг к другу на «ты».

– Ничего ты не понимаешь, Инга. Вероника – не Петина дочь, она – моя родная дочь.

Инга ахнула.

– В свое время я ее не признал, до сегодняшнего дня был уверен, что она никогда меня не простит, а сегодня она мне сама позвонила и попросила помощи, понимаешь, помощи! Как я могу не поехать, если ее любимого мужчину чуть не убили и ей самой может грозить нешуточная опасность? Инга, нет у меня сейчас дела важнее! Сам себе удивляюсь, с годами сентиментальным, что ли, стал. В Потаповке пробуду столько, сколько надо. На тебя все здесь оставляю.

В больнице и Дениса, и Максима оставили до утра. У обоих оказалось небольшое сотрясение мозга. В палате Зуев застал картину, которую и ожидал. Вероника сидела рядом с Максимом, вцепившись ему в руку, и наотрез отказывалась ехать домой поспать. Роман выставил у палаты, где лежали Денис и Максим, охрану, поэтому почти что с легким сердцем Игорь Валерьевич уехал в гостиницу. Он успел созвониться с Григорием, который вместе с Верой Иосифовной путешествовал по Европе, и срочно вызвал его в Потаповку. Максим очень обрадовался, узнав, что скоро приедет отец. Одна голова – хорошо, а две головы – лучше, и вообще Максим очень любил отца и скучал без него.

Утром к Денису приехала его мать Майя. Она уже успела переговорить с врачом и собиралась сразу же после врачебного обхода увезти сына с собой в Москву.

– Мама, – очень серьезно сказал Денис, – я с тобой не поеду. Теперь я буду жить с папой и последний год буду ходить в свою старую школу. Это не честно, что мы папу бросили!

– Так я и знала, что тебя против меня настроят, алкоголики чертовы!

– Папа не пьет.

– Так я тебе и поверила! Чем, интересно, инвалид может себе на жизнь зарабатывать? Ты об этом подумал?

– Об это папа подумал. Он бизнес по торговле спортивным питанием с друзьями хочет организовать.

– Бизнес? Твой отец? Прогорит на раз, он же у нас честный, взяток не берет.

– Кто тут у нас честный? Володя, ты? Если ты действительно честный, то я тебя в свою фирму возьму. Пойдешь ко мне? – в палату вошли Зуев, Володя и дядя Леша.

– Конечно, пойду, только я ничего не умею.

– Ничего, научишься.

– Ты что, ходишь? – Майя вытаращила глаза.

– Как видишь, правая нога еще не до конца восстановилась, но с каждый днем лучше.

– Я хочу Дениса домой увезти, скажи ему! – Майя стала наседавать на Володю.

– Папа, я никуда не поеду, я теперь буду жить с тобой! – Денис крепко стоял на своем.

– Майка, вечно из-за тебя склоки начинаются, пусть парень с отцом останется, и сама оставайся! – дядя Леша предложил соломоново решение.

– А ты, алкаш, молчи, что я в вашем хлеву с сортиром на улице жить буду?

– Во-первых, у нас не хлев, во-вторых, туалет в доме имеется, а, в-третьих, если сына любишь, то и на улицу в сортир сбегаешь, не помрешь.

– Оставайтесь, Майя, – поддержала дядю Лешу Вероника, – дядя Леша и Володя правда не пьют и в доме прибира-

ются.

– Ладно, поедem посмотрим, что у Вас за туалет в доме.

Пришел врач, долго и нудно объяснял, какой образ жизни нужно вести больным дома. Максим не слушал, он радовался. Вроде бы пролежал в больнице всего ничего, а сильно по дому соскучился.

Сначала Витя отвез домой Дениску с его многочисленными родственниками, а затем уже забрал домой Максима, Веронику и Игоря Валерьевича. Максиму был предписан постельный режим, Вероника настаивала, чтобы он пошел к себе в комнату и лежал там, но Максим не согласился. Улегся на диван в гостиной. Не такой уж он больной, хотя голова побаливает, конечно.

После обеда, который Максим съел, сидя за столом, несмотря на активные возражения Вероники, он попросил Зуева сопроводить Веронику в банк.

– Я на некоторое время выбыл из рабочего состояния, за руль сесть не могу, а двигаться вперед надо. Мы с Вероникой просмотрели практически все, что лежит в сейфе, но дискеты не нашли. Есть вероятность, что она лежит в ячейке в банке вместе с какими-то документами. Надо обязательно узнать, что это за документы. Одну Веронику отпускать нельзя.

После некоторого препирательства с Вероникой, которая полагала, что это Максима нельзя оставлять одного, она благоволила поехать. Максим остался один и сразу позвонил Роману. Сегодня утром Роман сумел шепнуть Максиму, что получил отчет от друга-детектива и что надо переговорить конфиденциально.

Роман примчался через пять минут. Его друг хорошо потрудился. Не поленился даже съездить в деревню, откуда была родом кикимора. В настоящее время кикимора проживала вместе со своим родным братом – психиатром. Максиму стало ясно, как кикимора вдруг оказалась психически больной. Детектив выяснил, что в семнадцать лет неизвестно от кого Уткина родила дочь, бросила ее матери и отправилась в Москву на заработки. Дочь выросла и родила сына. Сейчас сыну двадцать один год, фотография прилагалась. Сходство с портретом электрика, нарисованным дядей Лешей, было поразительным. Максим поднял глаза на Романа.

– Не бойсь, поймаем сволочь, я уже все, что надо для этого, сделал. Ты дальше читай, там еще интереснее! Тебе решать, что с этим делать.

Максим перевернул страницу. Дальше рассказывалось о житье-бытье кикиморы в Москве. Сначала она устроилась домработницей в семейство Иванова Юрия Сергеевича. Жена Иванова умерла при родах младшего сына Алексея. В семье рос еще старший сын Ивановых – Владимир. Работы было много. Видимо, работала она хорошо, т.к. через несколько лет Иванов с кикиморой расписались. В тот же день Уткина подала заявление на опеку Алексея и Владимира. Только на следующий день Иванов умер. Чтобы прокормить детей, Уткина далее устроилась домработницей к Потапову П.К.

Максим прочитал и вопросительно посмотрел на Романа.
– Что здесь такого? То, что у нее было двое детей на ижди-

вании, хорошо известно.

– Что-то ты не догоняешь, Максим. Все-таки этот гад сильно тебя по башке двинул. Ты знаешь, какая фамилия у дяди Леши и Володи?

– Неужели они Ивановы?

– Именно, именно, я потому к тебе по секрету и пришел, чтобы Никушка об этом раньше времени не узнала. Все же она женщина, а у баб, сам знаешь, язык длинный. Что делать будем?

– Давай чуток подождем, не верю я, что они с кикиморой в сговоре, хотя проверить их нужно. Слушай, у Вас здесь революционный вождь был, тоже Иванов. Конечно, на Руси Ивановых как грязи, но вдруг между ним и братьями есть связь. Я портрет вождя сфоткал в музее, вроде у вас в полиции программы есть, которые могут убрать шрамы с лица. Интересно, как Иванов без них выглядел, может, какое сходство с дядей Лешей и Вовой нарисуеться? Закажи еще дружба-детективу родословную наших Ивановых прошупать. Я все оплачу.

– Это можно, раз ты такой богатый. Серега фотку на раз обработает. Шли фотку! Никушка про фотку знает?

– Нет, лучше пока ей ничего не говорить. Будет сильно переживать, а пока не о чем.

– Это ты правильно рассуждаешь. Без баб в таком деле лучше.

Вероника вся изволновалась, как там Максим. Вдруг ему стало плохо или до туалета не смог добраться? Она не стала разбираться, что там лежит в ячейке, выгребла все, что было, сложила в пакет и скорей домой. Дома она застала Ромку, который мучил больного Максима своими дурацкими вопросами. Спрашивается зачем, она же Роману все подробно рассказала. Хорошо, что полиция при ее появлении сразу же ретировалась.

Дальше все пошло совсем из рук вон плохо. Вместо того, чтобы лежать, Максим отправился с Зуевым в кабинет изучать документы. Откровенно говоря, Веронике было наплевать на все, кроме здоровья Максима, поэтому она тоже потащилась вслед за мужчинами в кабинет, чтобы в случае чего прийти любимому на помощь. Документы интересовали Веронику меньше всего.

Максим открыл пакет и достал первую папку. Там лежали документы на дом и завещание Никиты Константиновича, предписывающее Петру Константиновичу, его наследнику, написать свое завещание и оставить половину дома Максиму. Это, конечно, очень трогательно, но Максима сейчас волновало другое. Неужели опять пустышка, и он так ничего и не узнает? Трясущимися руками он открыл вторую папку. Прямо сверху там лежала дискета. Она была пришпилена к

распечатке ее содержимого. Первым понял, в чем смысл документов, Зуев. Он даже присвистнул.

– Дело более чем серьезное и секретное. Нужен хороший юрист. Не знаю даже, хорошо ли, что документы нашлись. То, что за них могли убить, сомнений нет.

– А что это за документы, Игорь Валерьевич, объясните? – попросила Вероника.

– Когда у четверых братьев, как я понимаю, Василия, Николая, Алексея и Игната умер отец, каждый из них получил свою долю наследства, судя по всему, довольно приличную. Так вот, в документах зафиксировано, что братья решили объединить капиталы и замутировать бизнес, связанный с электрическими машинами. Один завод они заложили здесь, в Потаповске, а другой – в Штатах. Прибыль от обоих производств должна была делиться на четыре равные части и поступать на счет каждого из братьев. В случае смерти одного из братьев, прибыль должна была поступать на счет его потомков. Если в Америке завод существует до сих пор, то Вам с Максимом причитается прибыль более, чем за сто лет. Такие дела.

Максим зашел в интернет и быстро выяснил, что Потаповский завод в Америке действительно существует и сейчас это гигантское предприятие.

– У меня есть хороший юрист, он спец по таким вопросам. Документы Витя переснимет. Пока юрист не прояснит ситуацию, документы надо убрать в сейф или отвезти обратно в

банк. Никому о них не говорите ни словечка, ни полсловечка! – Зуев выразительно посмотрел на Веронику.

– Почему Вы так на меня смотрите, – Вероника обиделась, – я совсем не болтушка! Мы с Максимом нашли в дневниках у дяди Никиты запись, что папа даже слышать не хотел об американском наследстве. Он был прав.

– Не исключено, что Петька был прав, но зарывать голову в песок, как страус, нельзя. Раз Катя нашла документы в архиве, значит, их может найти кто-то еще, и Вы получите отложенные неприятности по полной программе. Нет, ситуацию надо как-то разрулить. Максим, посмотри в третьей папке, может быть, там есть оригиналы документов.

Максим посмотрел. Действительно, нотариально заверенные оригиналы лежали в третьей папке. Теперь после объяснений Зуева смысл текста стал хорошо понятен Максиму. Да, они с Вероникой влипли по полной.

Эту ночь Максим и Вероника спали плохо. Вероника пыталась найти варианты, при которых она лично могла бы отказаться от наследства. Без конца она повторяла, что Петр Константинович пресекал все разговоры на тему американских родственников.

– Наверное, в том, что Петр Константинович пресекал разговоры о наследстве, был резон. Но посмотри, что из этого получилось? Наши с тобой матери мертвы. В принципе, при Советском Союзе деньги Потаповы могли бы отдать государству, и вопрос был бы исчерпан. Сейчас какому государству ты отдашь деньги? Отдашь, чтобы их разворовали на лету? Зуев прав, надо все досконально обдумать и просчитать варианты. Дурацкий гордиев узел надо разрубить. Мы должны жить дальше и не ждать, что рядом с нами рванет снаряд из прошлого. Спи, может быть там, в Америке, все уставные документы сто раз переписали и нам ничего не причитается.

– Слушай, как ты думаешь, этот электрик может быть американцем? Может, американские Потаповы решили нас извести, чтобы нам ничего не досталось.

– Нет, электрик – внук кикиморы, Ромкин друг это распотрошил. Роман вроде его в розыск объявил, теперь надо ждать, когда поймают.

– Это что же получается, пока меня не было, Ромка приходил, чтобы тебе инфу передать, а вовсе не для того, чтобы по десятому разу выпросить, не видел ли ты, кто тебя по голове шарахнул? Почему ты мне ничего не сказал? – Вероника рассердилась.

– А когда я тебе мог это сказать, не наезжай на меня! Ты привезла эти гребаные документы, они все собой и затмили.

– Ты все мне сейчас рассказал, что Ромкин друг нарыл?

– Нет, не все, но не проси, сейчас не скажу, надеюсь, что завтра сезам откроется, и все тайны вылезут наружу. Спи давай, завтра будет тяжелый день! Зуев по своей защищенной связи связался с юристом, тот обещал завтра провести предварительный анализ документов. Опять же завтра отец с Верой Иосифовной приедут. Между прочим, потребуют отчета, когда мы с тобой поженимся.

– Как я могу за тебя замуж пойти, если ты от меня важные вещи скрываешь?

– Ладно, скажу, только учти, ты до утра не заснешь. Держись крепче: кикимора – мачеха дяди Леша и Володи.

Вероника от себя не ожидала, но она выругалась. Новость не помещалась в голову.

– Послушай, но, может, они не виноваты? Дениску ведь тоже по башке приложили.

– Скорее всего, они ни при чем, но все надо проверить. Я Ромке два задания дал. С одним, надеюсь, он завтра справится. Ну что, когда поженимся?

– Как только все прояснится, так сразу. Какой же ты у меня умный!

Утро началось с того, что проведать больных пришел отец Андрей. Максим постарался выдать ему как можно меньше информации о нападении и быстро перевел разговор на организацию их с Вероникой венчания. Отец Андрей очень обрадовался и заверил, что с Божьей помощью, легким сердцем и большой радостью он обвенчает молодых. Отец Андрей рассказал, что еще на поминках по Петру Константиновичу заметил, что Вероника и Максим предназначены Господом друг для друга.

Вслед за отцом Андреем появились Григорий Антонович и Вера Иосифовна. Они прервали свой тур по Европе и первым же самолетом вылетели в Москву. Максим очень обрадовался отцу, его ноша – отвечать одному за все, оказалась не из легких. Отец – родной и очень умный человек, с ним можно обсудить ситуацию, ничего не скрывая. Григорий был очень встревожен состоянием здоровья сына, но, когда увидел Максима, немного успокоился. Григорий моментально познакомился с Саньком и Людочкой. Дети устроили гостям небольшую экскурсию по дому, а в ее завершение что-то пошептали деду Грише на ухо. Наверняка просили заставить Максима искать сокровища.

Последними приехали Зуев с Виктором. Григорий с Зуевым обнялись, а Вера Иосифовна поздоровалась с Игорем

Валерьевичем сквозь зубы. Она сделала вид, что занята вместе с Вероникой выгрузкой вещей из машины.

Мужчины прошли в кабинет. Виктор занял уже привычное для него место за дверью. Некоторое время ушло на внимательный осмотр Григорием портрета, письменного стола, часов и сейфа. Восхищение увиденным было ожидаемым. Наконец, все уселись за стол.

– Максим, ты что-нибудь нарыл? Что за ерунда тут творится? – начал разговор отец.

– Папа, видишь, сколько в сейфе папок? Каждая папка – это дневник жизни Потаповых за один год. Давай начнем с папки за год, когда погибла мама. Вот я сделал закладку. Почитайте!

Григорий прочитал и смахнул слезу: «Я таких подробностей не знал. Что там делала Лида? Игорь, ты о Лиде знал?»

– Нет, конечно. Но ее присутствие в корне меняет все дело.

– Думаешь, Лида замешана?

– Как будто ты думаешь по-другому. Лидка наверняка подслушала разговор Кати с Петькой и заинтересовалась, что там за документы. Место и время встречи она знала, наняла мальчишку, тот у Катерины сумку стырил и убежал. Лидке оставалось только из сумки дискету вытащить. Просчиталась, сволочь, что дискета в кармане у Кати была.

– Казалось, было бы проще посмотреть или на край украсть дискету у Петьки дома. У Лиды же был доступ ко

всей квартире.

– Нет, папа, – замотал головой Максим, – Вероника говорит, что Петр Константинович не пускал кикимору к себе в кабинет. Запирал на ключ не только ящики письменного стола, но и дверь в кабинет.

– Тогда все сходится, Игорь, ты оказался прав во всем. Лида же была влюблена в Петьку, и соперница ей была не нужна. Петька любил Катерину по-настоящему. Я, дурак, в отличие от Лиды, не сразу это понял, понял только тогда, когда Катерина призналась, что беременна. Максим, я пытался убедить твою мать, что она должна рассказать все Петьке и уйти к нему. Только характер у Катерины был железный. Она считала, что Петя всю жизнь будет считать себя виноватым, что увел жену у лучшего друга. Вроде она рассказала Пете, что наш брак фиктивный, а он все равно переживал. В общем мы, два труса, так и не решились поговорить друг с другом. Я надеялся, что приеду и со всем разберусь, лучше поздно, чем никогда, а Петька возьми да помри...

– Папа, не вини себя! Жизнь сложилась так, как сложилась. Лучшего детства, чем у меня, я себе представить не могу, а последние годы, когда ты был далеко, меня сильно поддерживал Петр Константинович. Мы с ним много общались. Знаешь, что меня удивляет: ведь бабка знала, что я не ее внук, а относилась, как к родному.

– Мать была неординарным человеком. Ты был для нее светом в окне, ее родным внуком. Все, что произошло тогда

у нас в квартире (Игорь мне сказал, что в общих чертах обрисовал тебе ситуацию) – это была хирургическая операция. Мать рассказала мне это перед моим отъездом в Штаты. Она предвидела, что мы больше не увидимся. Так и случилось. Оказывается, она с самого начала приставала к Антоше, чтобы он купил Катерине квартиру, а он все деньги жалел. Мать прекрасно рассмотрела Верунчика за шторой, но ей надо было разыграть сцену так, чтобы у Антоши не осталось выбора, и он купил бы квартиру. Вот она и сделала то, что сделала. В результате у Кати появился свой угол, и мы с Верунчиком смогли жить вместе, правда, в грехе. Расписаться с Верой я не мог, т.к. был женат. Такая вот многоходовочка.

– Степанида Кузьминична – великая женщина, спору нет, но давайте вернемся к нашим баранам, – предложил Зуев.

– Я бы хотел пригласить Веронику, прежде чем продолжу рассказ, – Максим постарался придать своему голосу твердость.

Никто не возражал. Когда Вероника устроилась с краешка стола, Максим продолжим рассказ.

– Я мыслил точно так же, как Вы, поэтому через местного полицейского Романа нанял частного детектива, чтобы он раскопал сведения о кикиморе. Детектив оказался честным малым. Он даже съездил в родную деревню кикиморы и выяснил, что у нее есть внук. Вот фотография внука, а вот рисунок соседа дядя Леша. Он изобразил электрика, который некоторое время назад чинил розетку у Вероники. Потом в

отсутствии Вероники его вроде бы видели выходящим из по-таповского дома. Как-то так. Сейчас внука ищет полиция, надеюсь, что скоро его возьмут.

– Молодец, Максим! – похвалил молодого человека Зуев. – Остается только понять, какой интерес в этом деле у Лидки.

– Дайте мне еще два-три дня, максимум неделю. Надеюсь, что весь клубок тайн распутается. Теперь я хотел сказать немного о другом, Веронику специально для этого позвал, – Максим подошел и обнял девушку. – Мы с Вероникой решили пожениться. Как только все тайное станет явным, сразу же распишемся и обвенчаемся.

– Знаешь, Гришка, я Петьку всегда олухом считал, – признался Игорь, – а сейчас, думаю, ошибался, смотри, как здорово он все устроил. Такое событие надо обмыть!

Обмывать событие решили за обедом, а пока Игорь с Гришей отправились пройтись. Максим очень надеялся, что Зув расскажет отцу об американской коллизии. Как же хорошо, что приехал отец, теперь он, если что, прикроет и не позволит сделать Максиму глупость. Главное, чтобы он подольше задержался в Потаповке.

Вероника с Верой Иосифовной колдовали над обедом, и Максим, наконец, смог заняться своими делами. Ему давно в голову пришла одна интересная мыслишка по работе, ее надо было всесторонне обдумать. Кроме того, несколько дней назад Максиму позвонил директор его НИИ и предложил возглавить отдел, начальником которого раньше был Петр Константинович. Максиму брать на себя административные обязанности совершенно не улыбалось, но, немного поразмыслив, он пришел к выводу, что, наверное, это его долг принять предложение. Обязательно нужно продолжить научные разработки, начатые Потаповым. Максим никогда не звал его папой, но, если оглянуться на прожитую жизнь, то оказывается, что Петр Константинович всегда был рядом.

Чтобы стать полноценным начальником, а не каким-то и.о., Максиму нужно было представить докторскую диссертацию. Директор долго уверял, что материала у Веселова хватит на две докторские, но Максим сильно в этом сомне-

вался. Для начала он решил составить план диссертации и понять, не надо ли что-то еще доделать. Пришло время начать работать.

Игорь с Гришей вернулись к обеду радостные. Они со смехом вспоминали какие-то случаи из прошлого. Чувствовалось, что оба мужчины получают удовольствие от общения друг с другом. Вера Иосифовна смотрела на это с явным неодобрением. Григорий с порога заявил, что они с Верунчиком останутся в Потаповке до тех пор, пока ситуация с американскими родственниками не разрешится. Игорь, конечно, нанял охрану, но свои люди рядом Веронике и Максиму не помешают. Максим посмотрел на Веронику и с удовлетворением отметил, что она обрадовалась. Девушка сразу же побежала готовить для гостей комнату дяди Никиты и тети Тони.

– Верунчик, – немного виновато начал Григорий, – мы вот что с Игорем надумали: завтра хотим съездить на рыбалку. Тут такая река, грех не попользоваться. Мы когда-то с отцом, с Антошей так здорово на рыбалку ездили. Лучшие воспоминания. Надо только амуницию прикупить и у местных выспросить, где клюет лучше. Ты нам потом ущицу забабахаеть.

– Ничего не надо покупать, – Вероника услышала разговор, – дядя Никита был фанатом рыбалки. Все деньги на удочки тратил, тетя Тоня только руками разводила. А где лучше клюет, я хорошо знаю. Много раз с дядей Никитой

на рыбалку ездила, на реке хорошо, только мне рыбу всегда жалко было. Я все покажу и расскажу. А уж если Вы хотите рыбалку по высшему классу, то это надо Ромку попросить, чтобы он Вас на полицейском катере на остров отвез. Там красота, и клев отличный.

– Идите обедать, рыбаки! – Вера Иосифовна с трудом скрывала раздражение. – Гриша, ты помнишь, что тебе пить нельзя?

– Помню, помню. Игорю вон тоже пить нельзя, что же без водки нам и на рыбалку съездить тоже нельзя? А потом, к твоему сведению, сто грамм еще никого на тот свет не отправили. Ладно, пошли обедать! Витя шампанское прикупил, надо выпить за жениха и невесту.

За обедом Вероника поинтересовалась, кто и как их будет охранять.

– Завтра, – пояснил Зуев, – у Вас начнут асфальтировать подъезд к дому, а то последние пятьсот метров до вас приходится по ухабам трястись. Бригаду Роман нашел. У бригады будет вагончик, в нем постоянно будут дежурить два охранника, на их компьютер мы картинки со всех камер выведем. Ну, а если Вы куда отойти надумаете, ребята будут Вас негласно сопровождать. Как-то так. Не очень страшно.

После обеда Витя стал приставать к Зуеву, чтобы он выпил лекарство, тот отмахнулся и пошел вместе с Григорием инспектировать снасти Никиты. Максим рыбалку не любил, он с детства не мог понять, что за удовольствие сидеть и тупо

смотреть на поплавок. Ему гораздо приятнее было заняться своей физикой, чем он и занялся.

Григорий с Игорем кайфовали, другого слова подобрать нельзя. Чего только из снасти у Никиты не было. Все в прекрасном состоянии. Докупать ничего не нужно. Особенно порадовало наличие коптильни. Была у Никиты и резиновая лодка. Со вкусом жил мужик. К «рыбакам» подошли Володя с дядей Лешей. У них аж глаза разгорелись на все эти удочки, спиннинги, поплавки, катушки. Не зря говорят, что «рыбак рыбака видит издалека». Мужчины скорешились на раз, и Володя с дядей Лешей получили приглашение присоединиться к старшему поколению. Осталось только позвонить Роману и узнать, можно ли воспользоваться полицейским катером или надо нанимать какой-нибудь частный. Последний вариант был нежелателен, т.к. хотелось порыбачить в свое удовольствие без посторонних.

Вероника смотрела на играющих в свои игрушки взрослых мужчин, на то, как смеялись Володя и дядя Леша, и не могла себе представить, что эти люди – злодеи. Может быть, прав был Максим, когда не хотел ей рассказывать о том, что кикимора – мачеха соседей. Наверняка есть какое-то разумное объяснение этому факту, наверняка Володя и дядя Леша ни при чем, но черные мысли лезли в голову, и никуда от них нельзя было деться.

Зуев подустал за день и засобирался к себе в гостиницу. На этот раз проводить его пошла Вероника. Ей нужно было

переговорить с Игорем Валерьевичем, хотя делать это ей, ой, как не хотелось.

– Игорь Валерьевич, я должна Вам передать флешку с текстом мемуаров Антона Борисовича. Он специально отметил, что отрывок про Вас совершенно секретен и что только Вы можете дать разрешение на его разглашение. Я хочу задать Вам два вопроса. Первый – разрешите ли Вы мне дать прочитать отрывок Вере Иосифовне? И второй – разрешите ли Вы мне написать детектив по мотивам того, что тогда случилось?

– Пожалуй, на оба вопроса я тебе отвечу: «Да», – после некоторого раздумья ответил Зуев. – Только ты должна принять во внимание, что Веркина ненависть, не исключено, спасла мне жизнь. Она так люто меня ненавидела, так много раз обзывала предателем, что никто не мог заподозрить, что я на самом деле не предатель. Режимщика-то нашего вскорости после тендера замочили. А детектив сначала дай мне почитать, мне интересно, что ты там насочиняешь. Ты уже что-то написала?

– Написала, но никому не показывала. Теперь всерьез хочу заняться литературой. Раньше хотела уйти с работы, сдать папину квартиру, на вырученные деньги жить и писать. В голове много всего. Теперь не знаю, как-то жизнь очень быстро стала меняться.

– Квартиру не сдавай! Максим и Гришка не позволят. Лучше ожерелье продай. Оно правда несчастье приносит. А

любовь к литературе – это у тебя от моей матери. Она тоже писала, только никому не показывала.

– А то, что бабушка писала, у Вас сохранилось?

Сначала Зуев не понял, причем тут какая-то бабушка, а потом чуть не прослезился (проклятая старческая сентиментальность!), ведь это его мать приходится Веронике бабушкой.

– Конечно, сохранилось. Все так и лежит у нее в комнате. Я продавать дом не стал, только чуток перестроил. Мы там с Витькой каждые выходные отдыхаем. Красота! Тишина, птички поют! Если хочешь, я тебе дам почитать.

– Конечно, хочу. Я еще хотела Вас поблагодарить за то, что Вы мне так с Максимом помогли. Спасибо большое!

– Это ты Витю благодари. Это он все устроил.

– Вероника Петровна, – вдруг заговорил до сего момента молчавший Виктор, – Вы бы велели Игорю Валерьевичу лекарства пить, никак заставить не могу. На следующий день после того, как Петр Константинович умер, мы в Германию улетели. Игорь Валерьевич переговоры провел, контракт подписал, мы до отеля доехали, а там ему совсем плохо стало. Потом две недели в клинике пролежал. Ему там лекарства прописали, велели пить без пропуска, а он пропускает и пропускает.

– Почему Вы лекарства не пьете? Вы что, не хотите быть здоровым?

– Вероника, молодому человеку это трудно объяснить.

Вот Петька жил, жил, а потом просто устал жить, решил, что небо коптить ему больше ни к чему. Устроил твою судьбу, взял и умер, хотя практически ничем не болел. Я по молодости дураком был, не ценил, что имел, а все куда-то лез и чего-то добивался. Надо сказать, что многого добился, но с годами радость от этого потускнела. Тяну ляжку и больше ничего. Зачем мне такая жизнь? Детей у меня нет, заботиться не о ком.

– А как же Ваша жена?

– Моя жена, – Зуев усмехнулся, – свою жену я не видел уже лет пять. Она живет на своей вилле в Италии своей жизнью с любовником-альфонсом, звонит только, если им бабки нужны.

Вероника некоторое время обдумывала сказанное Зуевым.

– Игорь Валерьевич, у Вас нет детей, это факт, но ведь у Вас могут быть внуки...

– Знаешь, я как-то об этом не подумал, дурак-с. Но это в корне меняет дело. Витька, давай сюда таблетки!

Максим наслаждался вечером. Треволнения последних дней отошли на задний план, любимая работа доставляла удовольствие, и главное, никто не мешал. Вероника строчила свой детектив на компьютере, а отец с Верой Иосифовной читали мемуары деда. Большинство описанных дедом событий произошло уже при их жизни, они вспоминали, тихонько обсуждали между собой события минувших дней, сравнивали свое видение прошедшего с видением Антона Борисовича. Что еще нужно для уюта в доме? Все любят друг друга, и это счастье.

Почти уже ночью к Максиму пришли Роман с Серегой-криминалистом. Максим пригласил гостей в свой маленький кабинет. Дверь в спальню была приоткрыта, и Роман увидел на стуле халатик Вероники. Парень сразу помрачнел, а Серега посоветовал ему на чужих женщин губу не раскатывать. Вероника поставила точку в своей писанине и решила присоединиться к мужчинам. Вдруг Ромка нарыл еще что-то интересное.

– Потапова, дуй отсюда, у нас с Максимом мужской разговор, не для женских ушей!

– Не наглей, Ромка! Если хочешь нецензурно выражаться, то не стесняйся, я все слова, в частности от тебя, сто раз слышала.

– Никто нецензурно выражаться не собирается. Просто у баб, прости, у женщин язык, что помело. Нам сейчас это ни к чему.

– Гад ты, Ромка! Знаешь ведь, что я никому, ничего. Разве я кому сказала, что тебя выгнала? Нет, всем врала, что это ты меня на Таньку променял.

– А ты что, Потапова, правда Ромку выгнала? Вот это новость! – Серега засмеялся.

– Ладно, – прервал перепалку Максим, – Роман, рассказывай, что случилось!

– Потапова, я тебе твоих слов никогда не прощу, имей в виду на будущее! – Роман явно разозлился.

– Испугал ежа голой жопой... Ты, кажется, так любишь говорить? Будешь рассказывать или нет?

– В общем, Максим, так. Я твое новое задание дружбану передал. Оно оказалось проще простого. Вот результат. Родство между нашим Семеном Ивановым, Вовкой и дядей Лешей существует. Отчет в файле, я тебе его сейчас скину. Фотографию твою Серега обработал. Вот, лови, что получилось. Мужик мужиком, особого сходства с Вовкой я не вижу.

Веселов вывел обработанную фотографию на экран компьютера. Он очень испугался, что Вероника скажет лишнее, но она только крепко-крепко сжала Максиму руку.

Утром к завтраку приехал Зуев. Вера Иосифовна чувствовала себя не очень уютно. Она ерзала, ерзала на стуле, а потом все же нашла силы извиниться перед Игорем Валерьевичем за все те плохие слова, что наговорила ему раньше.

– Игорь, может, ты бы нам рассказал, что тогда было детальнее, чем описал Антон Борисович.

– Вера, я на тебя не в обиде. Я вчера уже сказал Веронике, что не исключаю, что твоя реакция на меня спасла мне жизнь. В общем-то мои заслуги очень скромные. У Антоши был фронтовой друг, большой чин в КГБ. Он Антоше и присоветовал, что надо делать. Я просто играл роль, повторял предписанные мне слова. Видимо, сыграл неплохо, судя по твоей тогдашней реакции на меня. Не переживай! Я остался в больших плюсах. За измену в кавычках мне заплатил заказчик. На эти деньги я замутил свой бизнес, Антоша на первых порах мне сильно помог, а дядя из КГБ обеспечил крышу. Так что я оказался в полном шоколаде. Сейчас надо думать о другом. Юрист навел все справки: и завод, и фирма Потаповых действительно существуют. Клан американских Потаповых очень большой. Главой клана является самый младший, поздний сын Игната Дмитрий. Ему сейчас сильно за девяносто. Вот его личная почта, думаю, Веронике с Максимом надо ему написать. Витя сфоткает молодежь на

фоне дома, думаю, старику это будет приятно.

– Игорь, а денег там много? – спросила Вера Иосифовна.

– Денег там не просто много, а очень много! Эту ситуацию надо будет как-то разруливать.

– Ну, это по твоей части, ты и не такие задачки решал.

– Верочка, в этом случае не по Сеньке шапка. Деньги слишком большие, не мой уровень.

– Что же делать? – заволновалась Вероника. – Нельзя ли отказаться от денег?

– Может, и можно, это надо с американцами обсуждать. Сейчас, мне кажется, нужно выкупить или банально выкрасть документы из архива, чтобы лишние глаза их не увидели. Как минимум документы надо засекретить. Вот эту задачку мне решить по силам, остальное должны решать юристы.

– Мне кажется, что от всех денег отказываться нельзя, – Вера Иосифовна разволновалась, – стольким больным детям нужно дорогостоящее лечение. Им можно было бы помочь.

– Вера, еще раз повторяю: это будут решать юристы, учитывая пожелания сторон. Сейчас важно войти в контакт с американцами, прощупать, что они за люди. Может, они и не собираются делиться бабками. Тогда все просто.

Максим сидел за столом, слушал разговор, как будто издалека. Сейчас его волновало другое. Ему надо было распутать клубок тайн до конца.

– Господа, – обратился Максим к собравшимся. – Давайте не будем делить шкуру неубитого медведя и будем переживать неприятности по мере их поступления. Сейчас надо поставить точку во всей этой истории, поэтому я приглашаю Вас поискать потаповские сокровища. Зуб даю, что ребятня Вас этими сокровищами уже достала.

– Ты все-таки знаешь, где их искать, а мне не сказал! – обиделась Вероника.

– Всему свое время. Надеюсь, что знаю, где искать, хотя могу и ошибиться. И еще я очень надеюсь, что кроме брюликов мы найдем документ, который просто обязан существовать. Прошу в кабинет!

Витя пошел проверить, хорошо ли заперта дверь, и присоединился к ищущим сокровища. На этот раз подпирать дверь с другой стороны он не стал. Любопытство пересилило.

– Итак, что мы знаем, – начал спич Максим, – надеюсь, что все мы наслышаны о якобы спрятанных сокровищах Потаповых, в частности о брюликах моей пра- или прапрабабки Елизаветы Христофоровны. Сокровища искали с метал-

лоискателем, простукивали стены... – и ничего. Может быть, сокровищ просто нет? Никита Константинович очень хотел их найти, но не нашел, более того, не нашел даже отдаленного упоминания о наличии тайника. Поначалу я думал, что сокровища – сказка. Думал я так до тех пор, пока не прочитал о реакции Петра Константиновича на вопрос о тайнике. Он сильно сердился и категорически не хотел принимать участие в поиске брюликов. Вот это меня и убедило, что сокровища и тайник существуют. Я мыслил логически. Что-то ведь должно было указывать на тайник. От двух братьев, Николая и Алексея, остался портрет. На нем изображено три предмета: часы, электрофорная машина и чучело утки. Петр Константинович распорядился отправить электрофорную машину на чердак и ни за что не выбрасывать. Мне кажется, что если сокровища существуют, то они спрятаны в лейденских банках машины. Единственное, в музее есть вторая электрофорная машина. Какая из двух машин потаповская, Вероника не знает.

– Мужики, чего сидим? – Зуев вскочил с места. – Погна-ли на чердак! Если понадобится, что мы эту самую электрофорную машину из музея не стырим? Вперед, по коням!

Вероника кинулась за ключами. Все гурьбой побежали на чердак. Действительно, в дальнем углу пылилась электрофорная машина, явно не новодел. Витя оттащил находку в кабинет и водрузил на стол. Вероника начала медленно оттирать с нее пыль, мужчины затосковали, у них адреналин

зашкаливал, а тут проволочка. Вера Иосифовна стала давать советы, как расположить машину, чтобы с ней было удобнее работать.

– Верунчик, – не выдержал Гриша, – посмотри: Максим сидит спокойно и ждет. Поверь, мы с Игорем большие мальчишки и знаем, в какую сторону отвертку надо крутить.

Зуев одобрительно хмыкнул. В таком деле, конечно, лучше без женского пола, но разве женщин выгонишь. Приходится терпеть. Наконец, Вероника дотерла пыль и села рядом с Максимом. Григорий с Игорем стали разбирать лейденские банки. Это оказалось нелегко. За столетнюю историю все части банки притерлись друг к другу и не желали расставаться. Григорий закончил работу первым, заглянул внутрь и достал бриллиантовое ожерелье, серьги и перстень. Не восхищаться игрой камней и работой ювелира было совершенно невозможно. Все радовались находке, а вот Максим затосковал: неужели он что-то пропустил и неправильно рассчитал? Он подошел к электрофорной машине и стал помогать Игорю Валерьевичу открывать вторую банку. Крышка поддалась, и Максим увидел сверток бумаг. Руки у него задрожали, и он даже испугался, что ненароком порвет находку. Вероника, смелая женщина, помогла – вытащила бумаги, и Максим прочитал то, что очень надеялся прочитать: «Я, Сергей Потапов, настоящим заверяю...»

Собравшиеся хором потребовали от Максима объяснений. Веселов согласился разъяснить все после обеда, после того как он ознакомится с найденными бумагами. Кроме того, он попросил Веронику пригласить все семейство Ивановых, вызвонить Романа с Серегой и, если это возможно, пригласить отца Андрея.

– Кстати, – взял слово Витя, – Роман прислал смс, что ночью электрика задержали здесь, в Потаповке, рядом с рынком. Роман вроде на Веронику Петровну вчера сильно обиделся и пока не хочет ни с кем из Вас общаться.

– Сейчас мы это исправим, – засмеялся Максим. Он набрал Роману смс: «Ждем Вас с Серегой в 15.30. Мы нашли сокровища». – Пусть теперь обидчивый наш попробует не прийти!

Ровно в половине четвертого гостиная потаповского дома наполнилась гостями. Пришли все, включая Саню и Людочку. Они заняли место рядом со своим другом Дениской. За детьми заглянули Наташа со Славой, их тоже пригласили остаться. Витя запер входную дверь, прикрыл шторы и включил верхний свет. На видном месте Максим расположил портрет предков и электрофорную машину.

– Дорогие мои, все Вы знаете о чередности неприятностей, которая случилась с нами в последнее время. Некоторое время

назад Игорь Валерьевич, биологический отец моей любимой невесты Вероники, предположил, что произошедшее не случайность, а продолжение цепи несчастий, которые случились в нашей семье много лет назад. Сначала погибла моя мама, а через несколько лет – Вероникина. Обе наши мамы работали в архиве и вроде бы нашли какие-то документы, касающиеся Потаповых. Петр Константинович очень хотел, чтобы Вероника росла, как историк, и договорился в том же архиве, где работали наши мамы, что Вероника начнет там собирать материалы для диссертации о позитивной роли купечества в русской истории. Об этом узнал Игорь Валерьевич и забил тревогу. Поначалу я отнесся к предположениям Игоря Валерьевича со скепсисом. Но, сами понимаете, если речь идет о гибели матери, не разобраться с причинами ее гибели – грех. Я решил начать собственное дилетантское расследование. К сожалению, я узнал, что связан родственными отношениями с Потаповыми, только в день смерти Петра Константиновича, поэтому практически ничего о его семье не знал. Первое доказательство, что Игорь Валерьевич прав, я получил еще до разговора с ним. Мы с Вероникой пошли в поликлинику за справкой о смерти дяди Пети. По дороге мы проходили мимо строительной ямы, на дне ее торчала арматура. Так вот, кто-то толкнул Веронику в яму, я еле успел ее поймать. Женщина, которая шла сзади, описала толкнувшего: молодой парень в джинсах, синей футболке и бейсболке.

– Совсем как я, – не удержался и вставил свое слово

Дениска. Майя дала сыну подзатыльник: «Думай, что говоришь!»

– У меня было несколько версий, но я остановлюсь на одной, которая оказалась верной. Я предположил, что у Потаповых были еще родственники, о которых ни Петр, ни Никита Константиновичи не знали. Им что-то было нужно от Вероники, т.к., по сути, она стала единственной наследницей Потаповых. Больше всего я боялся, что эти кто-то решат устранить мою невесту.

Максима перебил громкий стук в дверь. Витя подошел к двери и узнал, что войти хочет некая Уткина Лидия Федоровна с братом. Максим переглянулся с отцом и разрешил ее впустить. В комнату вошла маленькая, сгорбленная, патлатая и злющая старушенция, с годами она еще больше стала похожа на кикимору. Максим заметил, что в глазах Володи и дяди Леша полыхнула ненависть.

– Что, Вовка с Лешкой, не ожидали меня, говнюки, увидеть? Дармоедка, чего стоишь, стулья мне и Павлику принести! Я чай теперь гостя, а не прислуга.

– Чего, старая карга, приперлась? Чего надо? – задал вопрос Зуев.

– Ах, и ты, старый кобель, здесь? Зрасьте! Захотела и приперлась. Значит, надо. У меня дело к Вовке и к Дармоедке. Сколько на нее денег Петенька перевел? Уму непостижимо! Вы, говнюки, на внучка моего ненаглядного писульки в полицию написали, только лучше Вам их забрать. Вы забере-

те, а я тебе, Вовка, письмо от отца отдам. Помнишь, он перед смертью говорил тебе про письмо, которое у друга для тебя оставил? Так я разговор ваш подслушала и письмо перехватила. Оно у меня, много чего интересного там написано. Прочтешь, богатым сможешь стать, ну и мне копейка перепадет, все же я вдова Вашего папаши. Бумага официальная имеется. Кикимора достала письмо из кармана, показала всем и убрала назад. – А тебе, Дармоедка, расскажу, как мать твоя умерла. Дура была несусветная.

– Поосторожней на поворотах, кладезь мудрости! – предупредил кикимору Зуев.

– А чего мне осторожничать, делаю, что хочу, я психическая, у меня справка есть.

– Катерину на тот свет ты отправила? – сквозь зубы спросил Григорий.

– Нечего на меня наговаривать, она сама под машину кинулась. Я только дружка своего подговорила сумочку у Катьки стибрить. Дискета мне была нужна, чтобы миллионы получить. Ну и потом, сам посуди, на кой хрен Катька была нужна? Петенька по ней сох, а мог бы на мне жениться, и женился бы, если бы не сука Степка.

Максим вскочил, а Григорий стукнул кулаком по столу: «Молчи, мразь!»

– Кулаки свои пожалей, Гришенька, говорю, что хочу. Я психическая.

Отец Андрей перекрестился, а Наташа попыталась увести

детей домой. Только они двумя руками вцепились в диван и уходить наотрез отказались.

– А теперь расскажу, как мать твоя сдохла, Дармоедка. Дура была непроходимая. Жила у Петеньки – как сыр в масле каталась, а ей, видите ли, плохо, в золоченой клетке воздуха не хватало. Павлик, братик мой, психиатром в дурке работал. У него каких только лекарств не было, из кого хочешь мог овощ сделать. Ирка и решила тебя, Игорек, лекарством накормить и на годик-другой в дурку положить, чтоб ты понял, как в неволе живется. Я ей предлагала тебя на всю жизнь кобелиной силы лишить, а она ни в какую.

– Кто же рубит сук, на котором сидит? – совершенно бесстрастно заметил Зуев.

– Так вот. Бесплатно только дураки что-то делают. Петенька дал Ирке поносить ожерелье потрясающей красоты. Я на него глаз положила, Ирка не хотела мне его отдавать, долго думала, но потом решилась. Очень уж ей хотелось Игорьку отомстить, без ожерелья, ясное дело, мы таблетки ей дать отказались. Мы с Павликом все продумали и подстроили. Ирка по нашему плану в темноте ожерелье должна была спрятать, а утром мне его отдать. А я уж ей лекарство. Павлик все подготовил. Мы все продумали, приехали на условленное место, ждали Ирку с ожерельем, а она пришла и наврала, что ожерелье якобы пропало и что Петенька теперь считает ее воровкой. Кинуть нас решила, но не на тех напала. Мы повернулись и пошли, а Ирка стала нам потаповские докумен-

ты предлагать. Мол, с собой у нее их нет, но, как в Москву вернется, будут, а лекарство прямо сейчас отдать попросила. Я, естественно, отказала: «Ищи дураков!», а Ирка на меня с кулаками кинулась. Я ее оттолкнула, вот Ирка и упала в овраг вниз головой. Дура была.

Люди молчали, отец Андрей непрерывно крестился. Вероника заметила, что Игорь Валерьевич спрятал под столом дрожащие руки. Видимо, он все же любил мать, а она... Лучше об этом не думать. Вероника обдумает все позже, не сейчас. Неужели придется забрать заявление из полиции, как-то письмо отца Володи и дяди Леша вытянуть из кикиморы надо?

– Сколько же загубленных жизней на твоей совести, мразь! Катерина, Ирина, да еще Веронику чуть не угробила. Спасибо, Максимка открытое окно вовремя заметил! – Максим заметил, что отец в ярости и еле сдерживается.

– Как это Веронику чуть не угробила, когда? Гришка, почему я об этом ничего не знаю? – не выдержал и дал волю чувствам Зуев.

– Мать не стала тебе говорить, боялась, что ты дров наломаешь. Наврала, что стерва только сильно на Веронику ругалась. Больше тебе ничего не сказала. Лида Веронику спать уложила, а когда она заснула, у нее в комнате окна открыла. Зима была, вот Вероника и заболела.

– Кобель ты, Игорек, – засмеялась кикимора, – как есть кобель, хоть и в люди выбился! Пристроил свою байстрючку

к Петеньке, сколько он на нее денег своих потратил. Глазами-то не вращай, ничего ты мне не сделаешь, я психическая, со справкой. Даже если наркоту подкинешь, встану и пойду, ничего мне не будет.

– Что я, дурак, тебе наркоту подкидывать? Я наркоту твоему уроду-внучку подкину, сядет надолго, без всяких УДО. Я тебе обещаю. И заметь, совесть меня мучить не будет, спать буду совершенно спокойно.

Кикимора сорвалась с места и кинулась на Зуева. У Вити оказалась отменная реакция. Он перехватили кикимору и поднял над землей на вытянутых руках. Кикимора молотила воздух руками и ногами, но достать до Виктора не смогла. Зрелище было уморительным, и ребята захихикали. Наконец, кикимора выдохлась, и Витя усадил ее на место.

– Что, Вовка, заберешь заяву или нет?

– Нет, – твердо ответил Володя.

– Смотри, я тогда рву письмо.

– Пойдите, – закричала Вероника, – я меняю письмо на ожерелье!

– Оно что, у тебя? Так я и знала, что это ты, гадина, во всем виновата. Неси ожерелье, я должна проверить, чтобы ты мне бижутерию не втюхала.

– Вероника, не делай этого! – поднялся со своего места дядя Леша. – Наш отец – это святое, во всяком случае, для Вовки, я отца совсем не помню. Только не стоит оно того. Мифическое богатство, сама подумай, зачем нам это? У Во-

вки с Дениской и Майкой отношения вроде налаживаются. Игорь Валерьевич обещал Вовку на работу взять. Чего еще нам надо?

– Видишь ли, дядя Леш, мать ожерелье у папы украла и спрятала, а я его перепрятала, из-за этого мать и погибла. Мать, какая бы она ни была, это мать. Пока она была жива, я себя чувствовала защищенной. Мне это ожерелье поперек горла. Я его с радостью кикиморе отдам. Оно грязное.

Максим поддержал Веронику и помог ей достать ожерелье из сейфа. Игорь Валерьевич взял ожерелье у Вероники, велел кикиморе открыть конверт и показать, что в конверте действительно есть письмо. Обмен состоялся, и радостная кикимора с братом направились к выходу. Но не тут-то было. Роман встал и громко объявил, что гражданка Уткина и гражданин Уткин задержаны по подозрению в организации преступной группы с целью нанесения ущерба гражданке Веронике Потаповой, гражданину Максиму Веселову и гражданину Денису Иванову. Любимый внучок еще утром дал показания. За дверью потаповского дома оказался наряд, который быстро надел наручники на Уткиных. Кикимора начала вопить, что она психическая, а Роман строго погрозил ей пальцем: «Полиция во всем разберется, Вам, гражданка Уткина, придется пройти независимую психиатрическую экспертизу, а потом ответить за все совершенные Вами преступления».

Уткиных увели, все молчали и сидели в оцепенении. Вер-

нулся Роман, вот кто остался совершенно спокоен. Очередной преступник задержан, что о нем долго думать.

– Максим, ну что насчет сокровищ? Обещал ведь!

– Давайте завтра встретимся часиков в двенадцать, и я подробно все расскажу, а сегодня только выжимку, главное, детали будем уточнять завтра в процессе беседы. Что-то я совсем притомился, чувство такое, что меня выжали до самого дна, а потом еще пропустили через мясорубку. Кроме того, Володе с дядей Лешей надо письмо прочитать, надеюсь, оно многое прояснит. Так вот главное: дядя Леша и Володя, на самом деле Вы не Ивановы, а Потаповы. Не спрашивайте почему, сейчас на объяснение нет сил. Вы потомки Семена Иванова, который на самом деле был Сергеем Потаповым. Документы, подтверждающие ранее изложенный мной факт, я нашел в лейденской банке электрофорной машины. Документы еще надо внимательно изучить. А теперь, Людочка, открой вторую банку, и ты найдешь там сокровища, о которых ты так мечтала.

Людочка вместе с Саньком подбежали ко второй банке. Санек открыл крышку, Людочка опустила руку в банку и вытащила бриллиантовое ожерелье. Камни заиграли всеми цветами радуги...

– Твою мать! – не удержался Роман. – Неужели все это на чердаке столько лет пылилось? Никто не догадался. Максим, ну у тебя и голова! Не зря в тебя Никушка влюбилась.

Отец Андрей подошел в Максиму, пожал ему руку, а по-

том благословил.

– Дядя Максим, а богатство существует? Скажите, мне на компьютер хватит? – тоненьким голоском спросил Денис.

– Вроде бы существует, но точно я не знаю, а компьютер я тебе в любом случае подарю. Пойдем на улицу, нам надо всем сфотографироваться, чтобы фотку послать тем, кто владеет богатством.

Ночью мало кто спал. Слишком много событий произошло в прошедший день. Тем не менее, все встали рано. Еще не было восьми, когда к Веронике заявился Роман.

– Потапова, это правда, что Зуев – твой отец?

Вероника кивнула: «Он мой биологический отец, мой настоящий папа – Петр Константинович».

– Так я и думал, что ты нос от Игоря Валерьевича воротишь. Твой паскудный характер, слава Богу, изучил. Я что хочу сказать: «Классный он мужик». Если бы не он, мы бы Вас с Максимом долго искали... Он тебе здорово помог и заботится о тебе, вон охрану нанял. Подумай, такими людьми не разбрасываются. Вот. Смотри, не пробросайся! Я это тебе, как друг, говорю.

– Ладно, учту твое пожелание. Ты мне скажи, что теперь с кикиморой будет?

– Направим на психиатрическую экспертизу: если больная, то в психушке дни закончит, если здоровая – то в тюрьме. Столько жизней загубила. Лучше бы, чтобы ее действительно психованной признали, тогда без вариантов – психушка. Я все ее признания на диктофон записал, так что доказательства железные. Если не признают психованной, то плохо дело, при хорошем адвокате дело можно развалить. Братца ее Павлика следак крепко за яйца взял. Тесть дело

под личный контроль взял. Торговля психотропными средствами – это знаешь какая статья. Так что про Уткиных забудь!

– Это хорошо. Прости меня, Ромка, что я тогда при Серее не сдержалась!

– Ладно, Потапова, проехали. Я с тестем переговорил, он два VIP катера дает, но на рыбалку лучше ехать завтра, не сегодня, а то я в ночь дежурю. И еще, Потапова, тесть обещал, что проволочки с регистрацией брака не будет. Как только платье купишь, так Вас и распишут. Все, я пошел.

После Ромки прибежала Людочка. Ей не давали покоя бриллианты. Она завалила Веронику вопросами, наденет ли она ожерелье и сережки на свадьбу и когда эта свадьба состоится. Кончилось тем, что Вероника пообещала, что даст Людочке надеть ожерелье на ее свадьбу. Людочка даже покраснелась от радости.

Часам к одиннадцати приехал Игорь Валерьевич. Вид у него был неважнецкий. Он сразу сел на диван и начал растирать поясницу. Вероника принесла ему подушку под спину и села рядом.

– Игорь Валерьевич, я всю ночь думала. Кикимора наврала все про мать. Она Вас любила, сильно плохого Вам сделать не могла. А потом, поначалу у них с папой отношения не складывались, а перед маминой смертью вроде все нормально стало. Папе за статьи тысячу долларов заплатили, он доллары сразу маме отдал, чтобы она за границу на курорт

съездила. Мама была на седьмом небе. Меня потом трети- ровала, чтобы я не шумела, когда папа работает. Глупо, ко- нечно, но, может, этот психиатр маму загипнотизировал или какие таблетки дал. Поди плохо: мать – воровка, а ожерелье – у кикиморы.

– Пожалуй, в этом что-то есть. Мне тоже казалось, что Ирина остепенилась. Она стала о тебе много рассказывать. Хвасталась, что ты в музыкальной школе чуть не впереди всех, все про планеты знаешь, даже про чьи-то спутники.

– Про спутники Марса. Слово Фобос я сразу запомнила, а Деймос – никак. Я очень на себя злилась.

– Ты что астрономией увлекалась?

– Нет, просто Макс все про спутники Марса знал, а я чем хуже?

– Ясно, что-то в характере у тебя есть и от меня.

– Игорь Валерьевич, Вы с мамой встречались, когда она за папу замуж вышла?

– Не суди нас строго. Конечно, встречались, поэтому и не пойму, чего ей не хватало. Может быть, ты и права, что ей кто-то голову сильно задурил. Тогда ее вдвойне жалко. Меж- ду прочим, я сегодня ночью задумался, что бы я сделал, если бы Петька тебя не удочерил и перед тобой замаячила бы пер- спектива детского дома? Я сходу пять вариантов придумал. Шестой, не очень желательный – к моей тетке бы отправил. Суровая она очень, никогда меня не одобряла.

– Она жива?

– Да, до сих пор детей образом Наташи Ростовой в русской литературе мучает.

– Я смогу с ней встретиться?

– Не вопрос.

– А почему Ваша мама, моя бабушка, так рано умерла?

– Шла по улице, а там пьяный к женщине пристал. Она кинулась женщине на подмогу и получила ножом между ребер. Я тогда совсем молодой был. Один остался. Кто мой отец, я не знаю, это я тебе просто так для справки говорю. Вы еще долго в Потаповке пробудете?

– Нет, после свадьбы сразу уедем, Максиму на работу надо.

– Платье уже присмотрела?

– Зачем? Пойду в магазин и куплю какое-нибудь. Сейчас этого баракла навалом.

– Нет, платье у тебя должно быть самое лучшее.

– Витя устроит?

– Не смейся, все будет в лучшем виде, не отказывайся.

– Пожалуй, не буду. Максиму будет приятно, если я в красивом платье буду. Опять же бриллианты обязывают.

Потихонечку стали собираться гости. Когда все расселись, взял слово Володя.

– От всех нас, всей нашей семьи я хочу поблагодарить Вас, Вероника и Максим, за то, что не позволили пропасть письму нашего отца. Если бы мы получили его раньше! Но, что теперь об этом говорить. Вы заплатили очень высокую це-

ну за письмо. Мы этого не забудем. К сожалению, все Ваши неприятности и гибель Ваших мам связаны с тем, что письмо попало в руки этой твари Уткиной. Что-то отец мне успел рассказать перед смертью, но, если честно, я настолько был убит горем оттого, что отец умирает, что запомнил только фамилию Потапов и что ему надо отдать письмо. Вроде отец говорил о каком-то наследстве, но деталей я не запомнил. Зато Уткина весь наш разговор подслушала и все хорошо запомнила.

Так вот, в письме отец пишет, что его дедом был Иванов Семен Васильевич, видный революционер и выдающийся инженер. В силу исторических причин он вынужден был скрывать свое настоящее имя – Потапов Сергей Васильевич. Дед Сергея Васильевича был купцом первой гильдии. Отец Сергея унаследовал большое состояние и перед революцией отбыл с братом в Америку для организации там бизнеса. В России остались еще два брата Василия, потомок одного из братьев Потапов Петр Константинович в то время жил в Москве. Отец хотел, чтобы письмо попало к Потапову. В письме отец просил Петра Константиновича позаботиться о нас с Лехой.

Письма мы с Лехой в свое время не получили. Тварь Уткина оказалась нашей опекушкой. Первое, что она сделала – это появилась у нас в квартире вместе с Павликом и чемоданами. Они решили у нас жить. У нас с папой было две комнаты, в третьей комнате жила мамина родная сестра –

тетя Сима. Она была очень больная и тихая, нас ей бы никогда не отдали. Но здесь она проявила характер, ответственной квартиросъемщицей была она, поэтому тетя Сима просто вызвала участкового, который выдворил Уткиных. Меня тварь сразу отдала в интернат, с маленьким Лехой сначала сидела тетя Сима, а потом его тоже отдали в интернат. Тварь Уткина, якобы чтобы нас прокормить, устроилась домработницей к Петру Константиновичу. На самом деле она, ясное дело, хотела разузнать, как прибрать к рукам деньги. Дальше все события выстраиваются в логическую цепочку. Уткиной не хватало документов о праве на наследство, вот за ними она и охотилось. Шла по головам, но это ее мало заботило, главное было дорваться до наследства... Вероника при таком раскладе была лишней. Счастье, что Максим сумел во всем разобраться.

Теперь я должен поблагодарить Вас, Игорь Валерьевич. Мы Вас сразу с Лехой узнали. Вы тогда тете Симе денег для нас оставили, а она часть налички отдала нам, чтобы купили себе, что хочется. Мы тогда с Лехой десять кило гречки купили и килограмм леденцов. Вот житуха была, тетя Сима еще где-то тушенки достала... Уткина нас не слишком баловала, голодно было.

И еще, что хочу сказать. После визита Игоря Валерьевича к нам в интернат приехала народная артистка Степанида Кузьминична Веселова, без предупреждения приехала. Она такой скандал закатила, когда наш обед увидела! Директри-

су потом посадили, Леху – в художку отправили, а меня – в спортивную школу. Вся наша жизнь в лучшую сторону повернулась. Мы ни при каких условиях ни тебе, Максим, ни Веронике ничего плохого сделать не могли.

– Мать после визита к Вам в интернет сразу к министру поехала, – с гордостью уточнил Григорий Антонович. – Она, когда надо, умела ногой дверь в любой кабинет открыть, все же была депутатом Верховного Совета и любимицей всей страны. Попробовали бы Вашу директрису не посадить.

– Великая была женщина, – продолжил Володя и помолчал. – У меня, пожалуй, все. Вроде сказал все, что мы наметили. У нас, Максим, осталось к тебе только два вопроса. Первый: как ты обо все догадался? И второй: существует ли наследство на самом деле? Нашлись ли документы?

– На первый вопрос ответить просто. Знаешь, с самого начала мне не давали покоя несколько фактов. Во-первых, как такое могло случиться, что после революции, в период уплотнений и прочей ерунды, громадный дом Потаповых остался практически в собственности двух братьев – Николая и Алексея? Во-вторых, в архиве есть два документа о передаче Потаповыми одного и того же серебряного сервиза государству: один раз после революции, а второй раз – уже во время Отечественной войны. Было еще кое-что. Первый раз, как я тебя увидел, помнишь, мы с дядей Лешей встретили тебя на станции, мне бросились в глаза твои глаза. Извини за тавтологию. У тебя глаза угольно-черные, редкие, а потом

я пошел в музей и увидел точно такие же глаза у Иванова. Вроде ерунда, но я на всякий случай портрет Иванова сфоткал и попросил Серегу убрать шрамы с лица революционера. Серега убрал, и перед нами с Вероникой предстал постаревший Сергей Потапов. Все стало ясно, только были нужны документальные доказательства. Фотку к делу не пришьешь. Не знаю, можно ли по генетическому тесту отследить, что мы с тобой родственники, но все же нужно был что-то более веское. Я предположил, что доказательства есть, но они где-то хорошо спрятаны. Никаких указаний на тайник в архиве Потаповых я не нашел. Но должно же было что-то быть, черт возьми, причем в идеале на самом виду. Я осмотрелся и обратил внимание на портрет братьев. Там присутствуют три, казалось бы, ненужных предмета: часы, чучело утки и электрофорная машина. Легче всего что-то спрятать в электрофорную машину. Мы проверили, и моя гипотеза подтвердилась. Кроме брильянтов, мы нашли письмо Иванова. Думаю, что Вероника прочтет текст письма лучше.

Вероника принесла несколько листов бумаги.

– Извините, это копии, оригиналы мы убрали в сейф. В банке, как ее, Максим? Да, лейденской, мы наши два документа. Первый, нотариально заверенный, содержит признание Семена Иванова, что на самом деле он Сергей Потапов. Во втором документе – автобиография Сергея и, если хотите, обращение к его потомкам.

Дорогие мои дети, внуки, братья и сестры, я, Сергей По-

тапов, пишу Вам это письмо на закате своей жизни. Видел я на своем веку много чего плохого и чего хорошего. Жизнь прожил честно, так, как меня учил дед, Афанасий Петрович.

На фронт Первой мировой я попал совершенно зеленым мальчишкой, всей душой желая служить царю и Отечеству. Что я увидел на фронте? Много чего, что и вспоминать не хочется. Больше всего меня возмущало хамское отношение офицеров к простым солдатам, которые отдавали жизни, участвуя в бездарных операциях, придуманных штабными крысами. Я стал присматриваться к большевикам, многое в их речах мне казалось правильным. Я даже решил познакомиться с трудами Маркса, но сразу не получилось. Во-первых, была война, а, во-вторых, я дважды был ранен. После второго ранения я забыл свое имя и вообще, кто я и откуда. Писарь записал меня как Семена Иванова. Прошел примерно год, и постепенно ко мне стала возвращаться память, и однажды ночью я вспомнил все: и как меня зовут, и свою семью, и родной Потаповск. Поначалу я хотел все исправить и признаться, что я Потапов, но началась революция, и мое далеко не пролетарское происхождение могло сыграть со мной злую шутку. К этому времени я был уже на хорошем счету у большевиков. Узнать меня было совершенно невозможно из-за шрамов, обезобразивших мое лицо. Не без труда после Гражданской войны я получил назначение в Потаповск. Всей душой, как и мои предки, я хотел послужить

моему городу. Время тогда было трудное: много было хорошего, но много и плохого. На плохое я старался закрывать глаза. Верил, что по мере построения социализма плохого с каждым годом станет меньше и меньше. Безусловно, меня волновала судьба дяди Коли и дяди Алекса, которые остались в городе один на один с голодом и разрухой. Пойти к ним домой я не мог из соображений конспирации, хотя только Бог знает, как мне хотелось сделать это. Однажды вместе с моим помощником я шел по улице в столовую и увидел, что навстречу мне идет сильно постаревший дядя Коля. Он прошел мимо меня, не останавливаясь, но я отчетливо понял, что он узнал меня. Помощник шепнул мне, что дядя Коля – это главная контра Потаповска. Я чуть не въехал помощнику в рожу. Хорошо, что сдержался, а то бы выдал себя. На следующий день в то же время я встретил уже и дядю Колю, и дядю Алекса. Они направлялись ловить рыбу. Я хорошо знал тайное место Потаповых, где рыба клевала через минуту, как крючок оказывался в воде. Я понял, что это именно то место, где я могу встретиться с родственниками. Я пошел на базар, купил удочку, ведро и сделал вид, что обожая рыбалку. Прошло некоторое время, прежде чем я рискнул отправиться на встречу. Господи, какое это было счастье обнять родных мне людей! Потихонечку я решил проблемы с домом, стариков не потеснили. Оба, уже не молодые люди, самоотверженно работали на ниве просвещения. Помог я и с фамильным серебряным сервизом. Мои дя-

дья пожертвовали его на восстановление города, но у слишком большого количества людей оказались слишком заgrabастые руки. Потихонечку я вернул в дом почти все. Что-то, конечно, растащили, но основные предметы остались.

Меня очень волновала судьба нашего завода. Его, конечно, национализировали, но от этого завод не перестал быть родным, потаповским. Мне опять пришлось приложить некоторые усилия, и я уехал учиться в Москву на инженера. По окончании учебы вернулся на завод и сделал все, что было в моих силах, чтобы он продолжил работать и развиваться. Много раз я думал о том, как бы помогли заводу знания, опыт и средства, которые были у отца и моих братьев. Наверняка их фирма в Америке процветала. В этом я не сомневался. И сейчас меня не оставляют надежды, что рано или поздно Потаповы внесут весомый вклад в развитие завода.

Теперь о грустном. Я чувствую, что моя жизнь подходит к концу, дают о себе знать ранения. У меня есть маленький сын и не очень здоровая жена. Как они проживут без меня? Дядя Алекс принес мне бриллиантовую брошь Елизаветы Христоворовны и адрес ювелира, который готов был купить отдельные камни. Я надеюсь, что брошь поддержит мою семью материально, а остальное, как Бог даст.

О своей судьбе я не жалею. Если бы можно было прожить жизнь еще раз, я бы прожил ее так же. Об одном жалею, что не свиделся с отцом и братьями. Если в будущем

*представится такая возможность, передайте мое письмо
в Америку.*

Ваш Сергей Потанов.

Гости стали расходиться. Максим попросил Ивановых – Потаповых задержаться. Он рассказал им о возможной доли в прибылях американских родственников.

Вчера ночью Вероника с Максимом написали в Америку, ответ на русском языке пришел меньше чем через час. Младший сын Игната Афанасий, почти столетний старик, благодарил Бога, что при его жизни прояснилась судьба Сергея и нашлись «русские» Потаповы. Он написал, что главным потаповским сокровищем всегда были не деньги, а Семья. Вечером во время видеоконференции он обещал подробно поговорить об этом и рассказать о судьбе «американских» Потаповых.

– Дядя Максим, а что нам теперь делать? – спросил Дениска.

– Что делать, Денис, нам подскажет жизнь. Будем решать проблемы по мере их поступления. Жизнь без проблем не бывает. Главное, нам больше никто и ничто не угрожает. Будем жить дальше и дышать полной грудью...